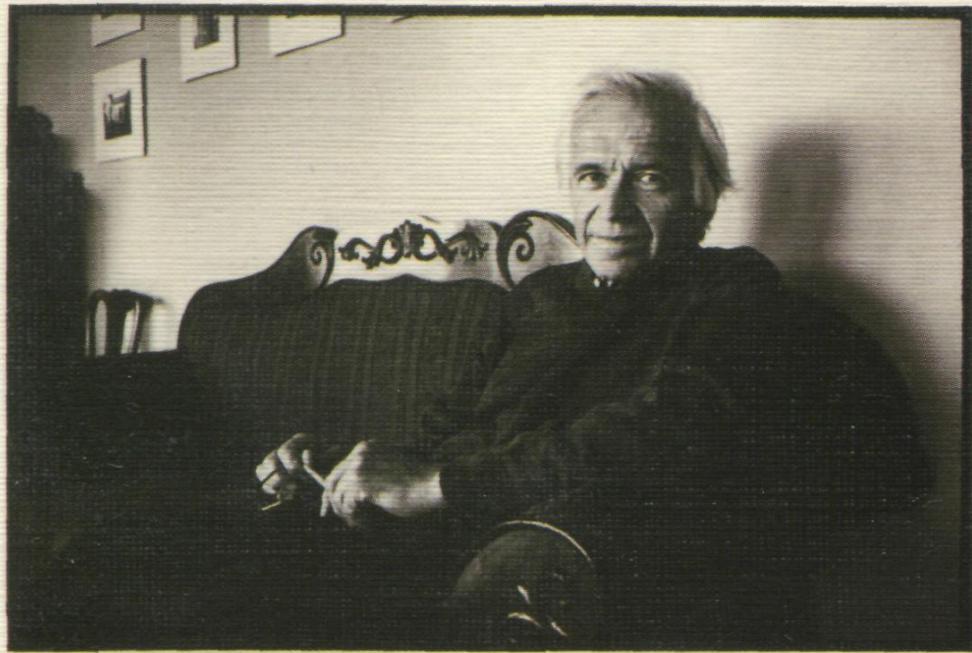

a suitable amount of crime

Приемлемое количество преступлений

Нильс КРИСТИ

Профессор **Нильс Кристи**,
член Академии наук Норвегии Швеции - крупнейший
современный криминолог, широкоизвестный мировому
научному сообществу. Многие годы Н.Кристи был
директором норвежского Института криминологии
и уголовного права, президентом Скандинавского
Совета по криминологии.

Nils Christie

A Suitable Amount of Crime

Нильс КРИСТИ

Удобное количество преступлений

Под общей редакцией
доктора юридических наук,
профессора Я. И. Гилинского

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2006

УДК 343.9
ББК 67.51
K82

Нильс Кристи

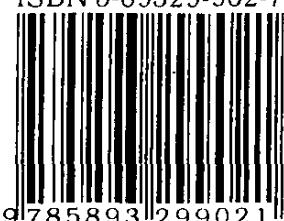
K82 Удобное количество преступлений / Нильс Кристи ; пер. с англ. Е. Матерновской ; общ. ред. и вступ. ст. Я. И. Гилинского. — СПб. : Алетейя, 2006. — 184 с.

ISBN 5-89329-902-7

Профессор Нильс Кристи, член Академии наук Норвегии и член Шведской Королевской Академии наук — крупнейший современный криминолог, широкоизвестный мировому научному сообществу. Многие годы Н. Кристи был директором норвежского Института криминологии и уголовного права, президентом Скандинавского Совета по криминологии.

УДК 343.9
ББК 67.51

ISBN 5-89329-902-7

9 785893 299021

First published 2004 by Routledge
© Nils Christie, 2004
© Е. Матерновская, перевод на русский язык, 2006
© Я. И. Гилинский, вступительная статья, 2006
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2006
© «Алетейя. Историческая книга», 2006

«Наказание — это боль...»

(предисловие к книге Н. Кристи
«Удобное количество преступлений»)

Я рад представить очередную книгу Нильса Кристи российскому читателю.

Профессор Нильс Кристи, член Академии наук Норвегии и член Шведской Королевской Академии наук — крупнейший современный криминолог, широко известный мировому научному сообществу. Многие годы Кристи был директором норвежского Института криминологии и уголовного права, президентом Скандинавского Совета по криминологии.

Все труды профессора Нильса Кристи и его устные выступления на многочисленных международных форумах, включая конференции в Москве и Санкт-Петербурге, служат образцом научной корректности и гуманизма. Нильс Кристи последовательный противник смертной казни, роста «тюремного населения», сторонник гуманизации наказания при неизбежной защите интересов потерпевшего. Кристи — один из сторонников движения аболиционизма, точнее, его умеренного крыла — минимализма (за минимизацию уголовного наказания, особенно лишения свободы); один из иностранных экспертов Национальной комиссии США, которая в итоговом докладе (1996 г.) приходит к выводу: от «войны с преступностью», «войны с наркотиками» необходимо переходить к политике «уменьшения вреда»; активный участник деятельности Центра содействия реформе уголовного правосудия, член редакционного совета международного журнала «Теоретическая криминология» (*«Theoretical Criminology»*).

Труды ученого и общественного деятеля переведены на множество языков, включая русский. Уже первая из переве-

денных книг — «Пределы наказания» (М., 1985) — произвела шоковое впечатление на отечественных читателей, привыкших к советской репрессивной системе. Простыми словами Нильс Кристи показывает, что наказание есть *боль*, а причинение боли редко бывает оправданным. Поэтому надо создать жесткие ограничения «использования намеренного причинения боли в качестве средства социального контроля».

Следующей книгой Кристи, ставшей доступной российскому читателю, была «По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей» (Калуга, 1993). В ней автор обосновывает *относительность* привычных оценок, *относительность* понятий «норма» — «аномалия». В данном случае это показано на примере лиц с психическими отклонениями. Но кто более нормален / ненормален — мы или они? Благодаря автору книги мне удалось пожить в норвежских деревнях Видарозен и Хогганвик, в сообществах необычных людей, и самому убедиться в том, о чем пишет Кристи. Добавлю, что при активном участии Кристи норвежская деревня «Светлана» была открыта и в Ленинградской области.

В 1999 г., а затем — вторым дополненным изданием — в 2001 г. выходит перевод книги Кристи «Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца» (кстати, в подлиннике это «*Контроль над преступностью*», и только наш репрессивный менталитет не может обойтись без «борьбы» даже при переводе очевидного «*Crime Control...*»). Как и все труды Кристи, эта работа наполнена болью за «униженных и оскорбленных», оказавшихся за решеткой. На широком статистическом материале автор с тревогой отмечает опасную тенденцию возрастания тюремного населения в большинстве стран (отсюда — подзаголовок книги). «Страх перед преступностью» и «моральная паника» (С. Коэн), умело используемые властями, порождают репрессивное сознание и, как следствие, репрессивную политику и практику. Критика последней весьма актуальна для России, которая с упорством, достойным лучшего применения, «соревнуется» с США за 1–2 место в мире по уровню заключенных (в расчете на 100 тыс. жителей страны), а парламент (Дума) неratифицирует закон об отмене смертной казни и стремится отменить мораторий на ее применение.

В 2001 г. в Москве выходит книга Кристи «Плотность

общества» (норвежский текст 1975 г. с последующими изменениями). В ней автор также развивает гуманистические идеи. Само общество «создает все предпосылки для социальных отклонений». Так что «преступник может служить индикатором проблем, порождаемых общественным устройством». Кристи показывает, что подавляющее большинство граждан совершают в своей жизни «преступления», точнее то, что так именует уголовный закон. Однако ответственность за эти деяния наступает лишь для некоторых. Всегда ли это справедливо?

И вот, перед нами новый труд Кристи. На английском языке он был опубликован в 2004 г., так что мы его получаем вполне «свежим». Автор во многом подводит итоги ранее сказанному. Не существует в природе преступлений как таких, по своей сути и содержанию, *sui generis, per se*. «Преступление» — искусственный *конструкт*, порождение общества во всех смыслах: и как результат законодательной деятельности, и как поступок, обусловленный, в конечном итоге, обществом. «Преступление как феномен существует исключительно в человеческом сознании». Людские оценки «нормы» / «аномалии» условны, разнятся от общества к обществу, от эпохи к эпохе. Это относится не только к «преступлениям», но и к психическим отклонениям. И, конечно же, в книге утверждается активное неприятие современной системы уголовного наказания. Кристи показывает, как «война» с наркотиками, «мафией» и терроризмом используется в политических целях. Рост богатства многих стран Западного мира приводит к усилению социально-экономического расслоения. А это, в свою очередь, ведет к росту зависти, недовольства, преступности и — тюремного контингента. Кристи развивает еще одну мысль: тоталитаризм современного капитализма-имperialизма, когда все человеческие ценности вытеснены производством и потреблением, когда «сегодняшний маркетинг преуспел во внедрении своей идеологии значительно больше, чем пропагандистские машины тоталитарных империй», вполне очевиден.

Впрочем, пересказывать содержание книг Кристи — неблагодарное занятие. Неповторимый стиль автора, его ясность, развитие каждой идеи на примере многочисленных житейских и исторических фактов — все это превращает чтение не

только в процесс познавательный, но и эстетический. И я предоставляю читателям возможность самим оценить достоинство исследования. Тем более, что круг проблем, рассматриваемых в книге, намного превосходит «чисто» криминологическую тематику и заставляет задуматься над многими современными проблемами человечества и — России. Нильс Кристи не боится говорить о них, хотя его «слова противоречат духу времени», как признается сам автор...

Написанная простым, ясным языком, затрагивающая многие острые социальные проблемы, книга представляет интерес не только для специалистов — криминологов, социологов, политологов, правоведов, но и для самой широкой читательской аудитории. А для студентов юридических факультетов книга профессора Нильса Кристи, несомненно, должна стать *обязательной* для изучения.

*Яков Гилинский,
доктор юридических наук,
профессор С-Петербургского
Юридического института
Генеральной прокуратуры Р Ф,
член Европейского союза криминологов*

Истоки.

Вместо предисловия

卷之三

Многие авторы на протяжении всей жизни вновь и вновь возвращаются к одной и той же теме. Центральным (главным) для меня был смысл (значение) преступности (преступления). — В чем состоит природа этого явления? Существуют прискорбные случаи, но существует ли преступление? В каких случаях мы используем это слово и что именно мы так называем?

Я обратился к этой теме в самом первом своем исследовании, посвященном охранникам в концлагерях¹. Что они сами думали о своей службе? Как те из них, кто впоследствии был осужден за жестокое обращение с заключенными и убийства, оценивали совершенное ими? Понимали они, что совершают преступления? — Нет, эти люди не считали себя преступниками, и я попытался объяснить, почему они так считали. Потом я брал интервью у пьяниц, которых приговорили к нескольким годам принудительных работ за употребление спиртных напитков в общественных местах². Конечно, обществу очень хотелось от них избавиться, однако само по себе пьянство не давало достаточных оснований для уголовного преследования. Поэтому было очень удобно признать пьяниц больными, и в качестве лечения прописать им принудительные работы. То же самое происходит сейчас с наркоманами³. Ключевым моментом в этой связи является понятие наркотика: при каких условиях то или иное вещество считается наркотиком, и почему за продажу одних видов наркотиков

¹ Christie (1952/1972).

² Christie (1960).

³ Christie (1985/2003).

можно оказаться в тюрьме, а продавая другие, стать членом Торговой палаты?

Кроме того, у этой проблемы есть и оборотная сторона. Концепции имеют последствия. На протяжении нескольких лет я анализировал развитие пенитенциарных систем развитых стран¹. В разных странах эти системы функционируют по-разному, можно заметить и различия в системе одной и той же страны в разные эпохи существования. Отчего так происходит? Мы привыкли считать, что количество заключенных зависит от уровня преступности в обществе. Но как объяснить разницу в количестве заключенных, если мы даже не понимаем, что такое преступление? Одно объяснение все же приходит на ум. — Поскольку четкого определения преступления не существует, это понятие можно использовать для нужд контролирующих инстанций в самых разных сферах жизни. Термин, как губка, впитывает бесконечное количество ситуаций и судеб. А может и полностью утратить смысл, стоит тому, кто держит губку, сжать руку посильнее. Если это объяснение соответствует действительности, то тогда возникает целый ряд новых вопросов. Становится возможным открыть новую дискуссию — на тему, когда же следует сказать «хватит». Дискуссию о приемлемом количестве преступлений.

Слово «преступление» может обладать множеством значений, и в то же время не означать ничего. Каждый может толковать это понятие, как хочет. Наша задача состоит в том, чтобы сравнить его толкования различными системами и на основании полученных результатов сделать выводы, касающиеся этих систем и обществ, которым они служат.

* * *

Некоторые из соображений, включенных в эту книгу, я уже раньше излагал на лекциях в различных университетах, прежде всего в Восточной и Западной Европе, а также Северной и Южной Америке. Студенты встречали их с неизменным сочувствием и никогда не упускали возможности дополнить и развить мои мысли. Преподавание в идеальном варианте представляет собой двусторонний процесс. Обще-

¹ Christie (1993/2003).

ние со студентами оказалось для меня очень полезным. Разумеется, у меня нет возможности поблагодарить всех, кто внес свой вклад в создание этой книги, и остается только надеяться, что они смогут узнать на этих страницах себя и свои идеи¹. И все же мне придется сделать исключение для трех человек, к которым я питают особую признательность. — Я посвящаю эту книгу памяти своего финского друга Кеттиля Брууна, который и после своей смерти остается для меня примером для подражания и образцом высокой человеческой морали, Стэну Коэну, старому другу и верному помощнику. И, конечно, Гедде со всеми ее взглядами.

¹ К вопросу о языке. Я писал эту книгу по-английски, но старался сохранить мелодику норвежского языка. Энни Тернер, мой любезный и терпеливый наставник в английском, была вынуждена смириться с присутствием в тексте выражений, которые иные ревнители чистоты языка сочли бы совершенно не английскими. Я благодарен Энн за терпимость. «Иностранные» обороты, которые может заметить читатель, — результат не ее небрежности, а моего стремления следовать норвежским лингвистическим нормам. Я продолжаю (см. Christie, 1989, р. 9) настаивать на том, что Англия утратила монопольное право на владение своим языком.

1. Преступности не существует¹

1.1. Факты

В Норвегии живет четыре с половиной миллиона человек. В 1955 году были впервые обнародованы данные полицейской статистики². Они шокировали общество: за год было совершено около 30 тысяч преступлений. В 2002 году их было уже 320 тысяч. Количество людей, замешанных в преступлениях, выросло с 8 тысяч до 20, число осужденных поднялось с 5 тысяч до 20, а в тюрьмах сидит в два раза больше человек, чем в послевоенные годы.

Означает ли это, что преступность выросла?

Этого я не знаю! И самое главное, не узнаю никогда.

1.2. Он убил жену

Житель Стокгольма подмешал лекарства в питье своей жене, в результате чего она умерла от удушья³. Он сам отправил полицейским письмо, в котором подробно описал содеянное, и сообщил, что намеревается делать дальше. Преступник собирался сесть на корабль до Финляндии, чтобы, предварительно набив карманы тяжелыми камнями, броситься в море и утопиться. Письмо пришло в полицейский участок через два дня после совершения убийства. Как и обещал автор послания, дверь его квартиры оказалась незапертой. Там действительно нашли его жену. Покойная лежала на кровати, обмы-

¹ Автор выражает благодарность Сесили Хольгарт (Cecilie Hølgård), решительно отвергшей прежние варианты заглавия.

² Учет количества заключенных ведется с 1814 г.

³ Dagens Nyhete, 13 and 14. 03. 1997. ,

тая, лицо по старинному обычаю покрыто льняным полотенцем. Этой женщине было восемьдесят шесть лет, ее мужу — семьдесят восемь. Она страдала болезнью Альцгеймера. Он ухаживал за своей женой много лет, но ей становилось все хуже. Семейный врач сказал, что супруги были очень привязаны друг к другу. Муж, согласно официальному заявлению, подозревается в предумышленном убийстве и находится в розыске.

* * *

Для одних это история Ромео и Джульетты. Для других — банальная история убийства. А я всего лишь хочу показать вам, что может скрываться за этими диаметрально противоположными интерпретациями, когда общепринятые ценности терпят крах.

1.3. Падение традиционных ценностей

Ральф Дарендорф (Dahrendorf, 1985) начал свою Хемлинскую лекцию на тему «Закон и порядок» блестящим описанием обреченного Берлина в апреле 1945 года: «В одночасье стало ясно, что в городе не осталось ни единого источника власти». Владельцы и продавцы покинули магазины, вспоминает Дарендорф: «У меня до сих хранятся пять томов поэтов-романтиков, которые я тогда приобрел. — Приобрел? Все кому не лень тащили домой сумки и чемоданы, набитые краденым добром. Краденым? — Скорее взятым, поскольку само слово „кража“ в те дни утратило смысл».

Конечно, так не могло продолжаться долго: «Период чудовищного, всеобъемлющего беззакония оказался всего лишь краткой передышкой, пока железная хватка нового жестокого режима не сменила прежнюю. Этот удивительный момент был сродни революционному угару. Вчерашняя справедливость трансформировалась в завтрашнюю несправедливость, а вчерашний закон превращался в завтрашнее беззаконие, и должно было пройти несколько дней, а то и недель, чтобы старый порядок развалился, а новый установился».

Мои собственные воспоминания об осажденном городе совсем другие. Я был в Осло в 1940 году, ровно за пять лет до описанных Дарендорфом событий в Берлине. Всю ночь на

девятое апреля выли сирены воздушной тревоги. Я до сих пор помню чувство почти физического облегчения от того, что отец оставил без внимания одно опасное письмо из школы, извещавшее моих родителей, если я не ошибаюсь, о весьма скромных успехах их сына в немецком языке. А вскоре подоспела и вовсе отрадная новость: школу закрыли и, судя по всему, надолго. По дороге домой из закрытой школы мне внезапно представилась возможность применить на практике свой чудовищный немецкий. Передо мной остановилась машина. В ней были два вражеских офицера, которые вежливо спросили меня, как проехать на какую-то улицу. А я не менее вежливо ответил.

Только через несколько месяцев мне удалось привыкнуть к тому, что нельзя отвечать на вопросы оккупантов, разве что с целью их обмануть. Мне понадобилось много времени, чтобы усвоить, и не только в теории, что кража у врага не преступление. Или взять в толк, что если кумир всех окрестных мальчишек вступил в партию Квислинга, то разговаривать с ним нельзя, нельзя даже кивать в ответ на его приветствие. Боюсь, этому я так и не научился. Возможно, это его я повстречал спустя пять лет, в день освобождения, за несколько месяцев до берлинских событий, описанных Дарендорфом. Точнее, я видел человека, бегущего к лесу. Это был Преступник. А в это время жители Осло, на совести которых не было грехов, собирались на площади приветствовать освобожденных из тюрьмы героев.

Опыт Дарендорфа далек от меня. Описанное им состояние полной аномии — явление исключительное. То были несколько головокружительных дней, когда старый порядок полностью утратил власть над людьми. На его место пришел новый порядок. Спущенный сверху и готовый к применению, в точности как прежний. Один режим сменился другим. И жизнь людей снова оказалась регламентированной сверху донизу, подобно прототипическим — с точки зрения возникновения дисциплины — военным лагерям, описанным в работе Фуко (Foucault, 1977). Целая страна превратилась в четко отлаженный «паноптикон». («Паноптикон» — термин, приведенный М. Фуко в его книге «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» и заимствованный у И. Бентама).

Мои собственные детские впечатления а также весь последующий жизненный опыт свидетельствуют о том, что фор-

мирование общественных норм представляет собой длительный и сложный процесс взаимодействия между людьми. Нормы не существуют как данность, они складываются постепенно. Лично мне куда понятнее наблюдения над венгерским обществом, сделанные Хансом Энценбергером (Enzenberger, 1985), чем предложенное Дарендорфом описание Берлина. Энценбергер изображает общество, которым правит неизвестность, где мораль становится предметом дискуссии, а компромисс — непременным условием выживания. В условиях такого общества слово «преступление» утрачивает смысл, слишком уж расплывчатым становится понятие под влиянием всех уточнений и оговорок.

Хайнц Штайнерт (Steinert, 1986) делает отправным пунктом для своих рассуждений понятие «неприятность». Понятие «преступление» для этого не годится. Люди постоянно сталкиваются с неприятностями и сами их создают. И приходится как-то с этим справляться. Однако не стоит автоматически отождествлять неприятности с преступлениями. Есть и более интересные альтернативы. Оторвавшись еще дальше от концепции преступления, мы приходим к следующей отправной точке, а именно, *поступку*. Приняв за основу идею поступка, мы выясним, каким образом можно отличить добрые поступки от дурных. Далее мы проанализируем, на каких основаниях тот или иной поступок считается дурным. Отношение к дурному поступку мы будем классифицировать по таким категориям как «раздражение», «неловкость», «отвращение», «грех», и, наряду с этим и альтернативами, «преступление». Когда понятие преступления стоит в самом конце списка из разных альтернатив, это облегчает нашу задачу. А она заключается в анализе общественных условий, при которых поступок начинает считаться преступлением.

Преступления не существует. Существуют поступки, которые в условиях того или иного общества становятся преступлениями. Предмет нашего исследования составляют поступки и их толкование. Наша задача — пробраться сквозь неисчислимые значения слова «поступок»¹. Выяснить, при

¹ Впервые этот чрезвычайно острый вопрос подняли немецкие и австрийские социологи и криминологи в 1980–90 гг. Мне удалось почертнуть немало полезных сведений из дискуссий с франкфуртскими учеными Хеннером Хессом, Себастьяном Шеерером и Хайнцем Штайнертом. В основу

каких условиях поступок будет или не будет назван преступлением.

Свобода, по Ральфу Дарендорфу, «когда утратили силу все до одного авторитеты», длилась всего пару дней. Сам Дарендорф называет их «минутной передышкой между двумя режимами». Для Энценбергера и венгерского общества, жизни которого он описывает, некоторые черты этого состояния «вне закона» сохранялись на всем протяжении описываемого периода. Режим существовал, но правила игры постоянно менялись. Нормы и законы продолжали существовать, но их можно было интерпретировать по-разному. У Дарендорфа все по-другому. У него норма — это данность, раз и навсегда принятые установления: «Закон всеобъемлющ и неоспорим, иначе он не имеет смысла. С точки зрения закона, все виды человеческого поведения могут быть разделены на противоречащие закону и подлежащие наказанию, и не являющиеся таковыми» (р. 68). С тех пор как автор позаимствовал в берлинской лавке в 1945 г. пять томов сочинений поэтов-романтиков, он многому научился.

* * *

Впрочем, тогда была война. Вы скажете, что в мирное время общество более стабильно. В нем существует более четкое представление о природе преступления. Я в этом не уверен. Обратим взор к нашей Скандинавии в мирное время.

1.4. Человек в парке

Представьте себе небольшой парк, окруженный многоквартирными жилыми домами¹. На дворе июнь, самый солнечный и радостный месяц в наших северных краях. Воскресное утро,

моих суждений легли идеи Лука Хулсмана из Роттердама. Огромный интерес представляет монография «Образы преступления», изданная Хансом-Йоргом Альбрехтом, Афродити Кукуцаки и Телемахом Серассисом из фрайбургского Института Макса Планка (2001). Кроме того, заслуживает внимания статья Серассиса «Потерянная честь криминологов. Свидетельства эволюции науки».

¹ Описанный здесь случай — плод моей фантазии, но возник он не пустом месте. Я использовал наблюдения шведского антрополога Аке Дауна (Daun, 1974). А также собственный опыт человека, всю жизнь прожившего в этой стране.

затишье — «церковный час», как говорили в старину. Жители окрестных домов вышли на балкон: завтракают, читают или просто любуются парком.

В парке появляется человек. Он несет пакеты, в которых погромыхивают пивные бутылки. Человек усаживается прямо на траву, открывает одну бутылку, потом вторую, третью, бубнит себе под нос, потом вступает в разговор с невесть откуда взявшимися детишками. Он бормочет что-то и распевает песни, а детишки весело хохочут.

Спустя некоторое время человек поднимается на ноги, ныряет в кусты и расстегивает брюки. Кое-кто из детей идет за ним следом.

А теперь обратим внимание на два многоквартирных дома, окна которых выходят на парк. Это здания-близнецы, построенные по типовому проекту. Но у каждого из них своя история. Один дом был построен крупной компанией с помощью сверхсовременных технологий. Жильцы въехали в новенькое с иголочки здание сразу на все готовое, включая лифт, на котором можно добраться от гаража и до любого этажа. Назовем его «Идеальным домом». Второму дому повезло куда меньше. Его подрядчики обанкротились. Денег на окончание строительства не хватило. Дом достался жильцам в катастрофическом состоянии: лифты не работали, в коридорах не было дверей, кухни не успели вмонтировать. Тем, кто внес взнос за квартиры, прежде чем фирма обанкротилась, пришлось устранять последствия катастрофы самостоительно; они сообща ставили двери, перестилали полы, вывозили строительный мусор и даже сформировали инициативную группу, чтобы подать в суд на компанию. Тяжелый труд и общие проблемы объединили людей. Назовем этот дом «Беспокойным домом».

Теперь вернемся к нашему парку.

Что мы видим? Какой-то человек стоит в кустах с расстегнутой ширинкой, окруженный детьми. Свидетели этой сцены отреагировали на нее по-разному. Для жителей Беспокойного дома все было ясно. Они сразу узнали Петера, сына Анны. В детстве с беднягой произошел несчастный случай, и с тех пор он ведет себя немного странно, но все знают, что он добрый и мухи не обидит. Когда Петер напивается, надо просто позвонить его родным, и те отведут парня домой.

Однако для жителей Идеального дома ситуация выглядит совершенно по-другому. Этого парня никто не знает. Он ведет себя очень странно, а ведь вокруг дети. Он расстегивает ширинку, показывает член. И честные обыватели бросились звонить в полицию. Злоумышленника задержали, возможно, удалось предотвратить серьезное преступление на сексуальной почве.

А что еще им оставалось делать, честным жителям Идеального дома, пленникам современных технологий? Компания, которая строила их дом, не обанкротилась. У них не было нужды сближаться с соседями. Им не приходилось одолживать друг другу инструменты, присматривать за соседскими детьми, пока родители укладывали асфальт перед домом, или встречаться на собраниях, подолгу обсуждая, как бы уменьшить потери от банкротства. Им не нужно было знакомиться и помогать друг другу. Им неоткуда было узнать историю Анны и Петера, отлично известную всем в Беспокойном доме. Разумеется, жители Идеального дома позвонили в полицию, ведь они были сознательными гражданами и не могли поступить иначе. Петер стал потенциальным преступником только потому, что подрядчики этого дома не обанкротились; жители Беспокойного дома отвели бы его домой к маме. Или, в более абстрактной формулировке, тот или иной случай может быть объявлен преступлением из-за нехватки информации в рамках определенной социальной системы.

Количество доступной информации во многом определяет наше понимание преступления. Если в обществе хорошо развиты внутренние связи, его члены знают друг о друге гораздо больше, чем в современном обществе. А в нашем случае и в нашем обществе, где люди плохо знают друг друга, остается надеяться лишь на представителей власти. Впрочем, иногда эти властные структуры создают преступление и там, где его нет. Судебно-пенитенциарная система подобна царю Мидасу. Мидас, как известно, превращал в золото все, к чему прикасался, и поэтому умер от голода. Все, к чему прикасаются полиция и тюрьма, становится преступлением, и пути назад уже нет.

Таким образом, мы возвращаемся к нашей основной теме. События и люди не существуют как данность, но становятся таковыми только после соответствующей оценки. Наличие

разветвленных и всеобъемлющих общественных связей дает людям доступ к информации, и поэтому хотя бы позволяет усомниться в том, имеют ли они дело с преступлением или нет.

* * *

Обитатели Идеального дома были современными людьми. Стены квартир надежно изолировали соседей друг от друга. А следовательно, и от информации друг о друге. Это нехватка информации заставила их обратиться в полицию. Петера сочли преступником, потому что жильцы почти ничего не знали друг о друге.

1.5. Дочери и мужья

В детстве все мы совершаем поступки, которые по закону можно трактовать как преступления. У мамы из кошелька таинственным образом пропадает мелочь. Потом выясняется, что их позаимствовала дочка. Дети часто затевают драки, что нередко приводит к порче имущества и телесным повреждениям, вроде разбитых носов. Но в таких случаях мы отчего-то не спешим применять уголовное законодательство. Мы не считаем это преступлениями. И не зовем детей преступниками.

А почему, собственно?

Мы чувствуем, что это неправильно.

Но отчего же?

Просто мы слишком хорошо знаем своего ребенка. Мы знаем дочку как облупленную. Мы знаем, как она заботится о младших в семье, что ей ничего не жалко для других, знаем о ее печалих и радостях. У нас язык не повернется произнести слово «преступление», говоря о собственной дочурке, этому позорному клейму просто нет места на ее чистом лобике.

Как правило, все эти происшествия остаются исключительно семейным делом. Но порой семейные проблемы все-таки становятся достоянием общественности. Одной из особенностей современной жизни является изобилие всякого рода производителей смыслов. Нас окружают специалисты самого различного профиля, готовые в любой момент предложить свои услуги. Однако они не просто продают свои услуги, но и

конкурируют друг с другом, изобретая новые смыслы и новые толкования явлений в пределах своей профессиональной компетенции. В области психиатрии — если мы имеем дело с экстремальным случаем, когда родители-паникеры сталкиваются с бесчувственным психиатром — описанные нами поступки детей могут быть истолкованы как признаки начинаящихся психических отклонений. А представитель закона вполне может оценить проделки маленьких сорванцов как акты кражи и насилия, за которыми должны последовать вмешательство полиции, суд и заслуженное наказание. Преступления не существует, пока специалисты — производители смыслов — не приадут данному поступку соответствующее значение, а уголовный суд не утвердит его в качестве нежелательного поступка, подпадающего под категорию преступления. Само понятие преступления — это всего лишь один из способов классификации совершаемых человеком предосудительных действий.

Пример с дочкой наглядно показывает пользу близких и доверительных отношений в подобных ситуациях. В семье не бывает преступлений. Кроме отдельных исключительных случаев, наши дети не могут быть заподозрены в наличии преступного умысла. Однако ситуация значительно усложняется, если речь идет о противостоянии беззащитной женщины и проявляющего склонность к насилию мужчины. Он большой, сильный и опасный. Он держит жену взаперти, чтобы не утратить власти над ней; он вовсе не считает себя извергом — просто хочет немного ее поучить. Она подчиняется, потому что зависит от него или просто не может забыть, каким нежным и любящим он был когда-то. Близкие отношения приводят к тому, что поступок близкого человека трудно назвать преступлением. Для женщин это, возможно, и не всегда к лучшему. На страницах этой книги мы пытаемся разобраться, какие поступки и при каких обстоятельствах выгодно считать преступлениями. На самом деле это непростой вопрос, и однозначного ответа у него нет. Однако у нас и в мыслях не было отрицать, что в определенных случаях концепция преступления применяется с полным на то основанием. Например, когда речь идет о заведомом неравенстве сторон. К этому мы еще вернемся в главе 6.

1.6. Школы старая и новая

В мои школьные годы постоянно повторялась одна и та же сцена. Место действия: школьный двор. Время: большая перемена в середине учебного дня, когда во дворе полно дети. Происшествие: сначала создавался маленький кружок детей, за чем-то наблюдающих. Несколько мгновений спустя круг превращался в большую толпу. Подобравшись поближе, можно разглядеть в центре двух мальчишек, сцепившихся в яростной схватке. Впрочем, драка не затягивалась. Прибегал дежурный учитель, расталкивал учеников, хватал драчунов — кого за ухо, кого за воротник, и тащил в кабинет директора навстречу их страшной судьбе. В наши дни драчунов могли бы препроводить в полицейский участок или к стражам порядка, охраняющим школу. Эстрада (Estrada, 1999 и 2001, в частности, pp. 650–651) описал две эпохи в истории шведской школы в форме диалога педагогов. Директор старой шведской школы мог бы сказать: «Нет никакой нужды сообщать полиции об уже совершенном проступке. <...> Школьная администрация не рекомендует педагогам обращаться за помощью властей для разрешения конфликтов внутри школы. <...> С проблемами такого рода нужно по возможностиправляться своими силами, поскольку именно школа несет ответственность за благополучие учеников».

С ним спорит современный директор: «О конфликтных ситуациях необходимо сообщать без всякого промедления. Частное лицо не в состоянии определить, имело ли место правонарушение. Это дело полиции».

Именно эта тенденция получила отражение в растущей полицейской статистике по «насилию среди подростков». В последнее время школа все чаще извещает полицию о случаях правонарушений среди учеников, в особенности о совершенно незначительных. Если раньше представители учебных заведений лично относили извещения в полицейские участки, то теперь они предпочитают передавать их при помощи телефона или факса.

1.7. Злобные старики

Мы привыкли считать старииков добрыми, скромными спокойными людьми. Жизнь многому их научила. Теперь, ощу-

щая близость смерти, они благодарят бога за каждый прожитый день и персонал домов престарелых за трогательную заботу. Таково распространенное и отчасти верное мнение. Однако существуют исключения, их описала Малин Окерстром (2000, 2001). Некоторые старики бьют и щиплют своих сиделок, дергают их за волосы и грубо толкают, наносят им глубокие раны — в общем, совершают поступки, которые любой нормальный человек счел бы насилием. Но только не в домах престарелых.

Согласно Окерстром, с таким обращением каждую неделю сталкивается каждый третий сотрудник домов престарелых, в то время как в психиатрических клиниках на это может пожаловаться только четырнадцать процентов медсестер и санитаров. Любопытно, что сами работники домов престарелых не считают такие действия со стороны подопечных насилием.

Наоборот, сиделки стараются не драматизировать происходящего. Многие с юмором описывают свои злоключения. Ссылаются на обычный аргумент медицинских работников — на то они и сестры милосердия, чтобы быть милосердными по отношению к своим пациентам. Кроме того, старики часто воспринимают действительность неадекватно и не могут контролировать свое поведение, поэтому его и нельзя квалифицировать как преступное. Наказать их нельзя, к тому же они и так находятся в специализированных учреждениях.

1.8. Послевоенное восстановление

Современный человек обречен на существование в окружении чужаков. В такой ситуации особенно легко назвать любые непривычные и неприятные нам поступки преступлениями.

Формирование общественного мнения всегда прочно связано с проблемой человеческой близости или разобщенности. Такое положение особенно характерно для военного времени: нам значительно легче признать преступлением деяния вражеской стороны, чем аналогичные действия своих. Но исключительную важность проблема разобщенности приобретает *после* войны. В 1945 г., когда капитулировала фашистская Германия и завершилась пятилетняя оккупация, норвеж-

ские власти немедленно начали процессы против коллаборационистов. Все члены нацистской партии и те, кто так или иначе помогал врагу, были объявлены преступниками. Казни следовали одна за другой, в старых норвежских тюрьмах не хватало мест, построенные немцами концлагеря были переполнены. Во время оккупации и сразу после поражения Германии каждый норвежец мечтал о суворой расправе с предателями — казни или высылке из страны. Однако со временем наметились две новые тенденции. Прежде всего, наказания стали куда мягче. Настолько, что пришлось даже пересмотреть уже вынесенные приговоры. Когда война и оккупация остались в прошлом, мы увидели, что многие коллаборационисты на самом деле обычные люди, такие же, как мы. Вторая тенденция заключалась в особом снисхождении к уличенным в экономическом сотрудничестве с немцами. Об этом пишет Даг Эллингсен (Ellingsen, 1993). По его словам, изначально за экономическое сотрудничество с врагом карали так же сурово, как и за другие преступления такого рода. Впрочем, те обвиняемые в основном были мелкими рыбешками, и сверх меры загруженное правосудиеправлялось с их делами чрезвычайно быстро. Процессы над крупными деятелями требовали длительной подготовки. Среди таких крупных экономических преступников можно назвать, например, предпринимателей, которые строили для немцев аэропорты в южной Норвегии, пока война не закончилась в северной части страны, а потом продолжали сотрудничать с врагом все пять лет оккупации. Суд вынес им достаточно мягкие приговоры, прежде всего потому, что с тех пор прошло слишком много времени. Разумеется, это лишь одна из причин. Долгие процессы предполагают бесконечные допросы свидетелей и активную деятельность защиты. А ведь подсудимых на том процессе защищали не простые адвокаты, как это бывает в случае с обычными преступниками, а крупнейшие специалисты по гражданскому праву, элита норвежской юриспруденции. Затяжной процесс, в ходе которого судьям приходилось постоянно контактировать с представителями класса, редко попадающего на скамью подсудимых, приводили к тому, что им трудно было ассоциировать этих обвиняемых с образом преступника. Ко времени завершения процессов наметилось и еще одно осложнение. Предприниматели, которых

обвиняли в сотрудничестве с немцами, могли оказать правительству неоценимую услугу. Они владели крупными фирмами, процветанием которых были во многом обязаны сотрудничеству с немцами, однако теперь эти фирмы были частью национальной экономики. С каждым днем подсудимые все меньше походили на «подлинных» преступников, а их действия, совершенные в прошлом, — на преступления, за которые полагается наказание со стороны государства.

Здесь я хочу привести одну историю, которая, на мой взгляд, является весьма показательной. Героя этой истории судили не за экономическое преступление, все было куда серьезнее. Этот человек был коллаборационистом высшего ранга, министром культуры в нацистском правительстве Видкюна Квислинга. Его приговорили к смерти. Дело рассматривалось в Верховном суде. Обычно обвиняемые не присутствуют на таких слушаниях. Однако они *могут* требовать своего присутствия, и наш герой поступил именно так. Каждый день в зал суда под конвоем входил человек с лицом честного государственного служащего. Бледный, в поношенном костюме, какой мог носить в свое время любой из его судей, усталый и печальный, неизменно вежливый. Юрист по образованию, он сам мог бы оказаться среди судей, если бы не его ошибочное увлечение неправильной идеологией. В конце концов, Верховный суд заменил смертную казнь пожизненным заключением. Один из участников процесса, имени которого я не могу открыть, убежден в том, что только присутствие ministra на процессе спасло ему жизнь. По законам того времени обвиняемый, несомненно, был преступником, однако он сумел приблизиться к судьям настолько, что в нем увидели обычного человека, которого не так-то легко отправить на смерть.

1.9. Преступление как неисчерпаемый природный ресурс

Преступность не исчезнет никогда. Деяния, которые можно рассматривать как преступления, подобны неиссякаемым природным ресурсам. Мы можем черпать из их источника, сколько захотим. Поступки не существуют как данность, они случаются, а за свершившимся фактом уже следует интер-

претация. Классификация и оценка — основа интеллектуальной деятельности человека. Мы сами создаем мир вокруг себя. И преступление — это ничто иное, как порождение различных культурных, социальных и ментальных процессов. Для любого деяния, в том числе предосудительного, найдутся десятки названий. Неприятность, зло, безумие, неправильно понятая гордость, юношеская бравада, политический героизм — и преступление. Одни и те же поступки встречаются в различных параллельных системах — юриспруденции, психиатрии, педагогике, теологии.

Совершенно ясно: я не говорю здесь и далее, что в мире вовсе не существует неприемлемых поступков, в том числе, неприемлемых для меня лично. Случается, что люди берутся за пистолеты и расстреливают ближних. Случается, что один человек гибнет под колесами машины другого, а деньги пропадают из квартир и с банковских счетов без согласия на то владельцев. Я категорически не согласен мириться с такими вещами и готов по мере собственных сил остановить или предупредить их. Я даже могу признать, что некоторые из них полезно считать преступлениями.

Предмет моего исследования — возникновение и формирование смыслов. Мы смотрим на мир сквозь призму своих ценностных установок, которые заставляют нас действовать и реагировать на действия других так или иначе. Однако это совершенно не мешает мне интересоваться, каким образом наши поступки приобретают свое значение.

В то же время я *не собираюсь* касаться многих вопросов, которыми традиционно занимается криминология. В частности, меня совершенно не интересует ситуация с преступностью в обществе. Это не значит, что статистика совершения преступлений кажется мне бесполезной. Цифры дают представление о том, что в том или ином обществе понимают под преступлением и какова судьба тех, кого считают преступниками. Впрочем, криминальная статистика сама по себе социальный феномен. Она дает нам представление о том, что считается преступлением в рамках данной общественной системы, в чем общество видит опасность для себя и чему способно противостоять. Как и всякое социальное явление, криминальная статистика нуждается в интерпретации. При такой точке зрения на криминальную статистику можно прий-

ти к следующим выводам: не так уж важно знать, растет количество преступлений, снижается или остается неизменным¹. Ведь преступление — не данность. Перечислять все возможные вариации явления, которому свойственно менять свою сущность в зависимости от внешних условий, — довольно бессмысленное занятие.

* * *

При таком понимании преступления возникают два очень важных, и к тому же взаимосвязанных вопроса:

Во-первых, что стоит за ростом или снижением числа поступков, которые принято считать нежелательными или неприемлемыми? И можно ли каким-то образом повлиять на эти процессы?

Во-вторых, что становится поворотным моментом, после которого поступок объявляется преступлением, а совершивший его человек преступником? В каких материальных, социальных и культурных условиях слова «преступление» и «преступник» приобретают универсальное значение, становятся наиболее подходящими понятиями для определения нежелательных поступков и тех, кто их совершает?

Эти вопросы открывают перед нами далеко идущие перспективы. Они позволяют перейти к важнейшей для этой книги проблеме: когда пора остановиться? Каково допустимое количество преступлений? И каково допустимое количество наказаний?

¹ Здесь я, по всей видимости, вступаю в полемику с книгой Дэвида Гарланда «Культура надзора» (Garland, 2001). Я говорю «по всей видимости», поскольку позиция Гарланда мне не совсем ясна. Насколько я понимаю, автор настаивает на том, что изменение количества преступных деяний связано с изменением сущности самого понятия преступления. У меня сложилось впечатление, что важным моментом его анализа является представление о росте преступности в последнее время. Однако этот вывод сопровождается большим количеством оговорок. Вероятно, Гарланд имеет в виду, что состояние современного общества создает у нас *впечатление* роста преступности, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2. Монокультуры

2.1. К вопросу о мультикультурности

Все мы, как известно, живем в мультикультурных обществах. Времена, когда человеческая жизнь протекала в маленьких однородных по составу поселениях с одинаковой одеждой, утварью и ценностями, остались в прошлом. Мир стал единым. Нам пришлось научиться терпимости к чужакам. Человечество, привыкшее жить внутри монокультур, было вынуждено принять новую, мультикультурную реальность.

Все это верно, и в то же время совершенно не соответствует действительности.

Я никогда не забуду один чудесный летний день в заполярных широтах. Я ехал на небольшом пароме от большой земли к одному из крошечных островов, где люди живут исключительно рыбной ловлей и китобойным промыслом в водах Северного моря. Скалы надежно защищали несколько маленьких домиков от ветра и холода. Когда паром приблизился к причалу, мы увидели человека, коловшего дрова на зиму. Эта работа не из легких. День выдался жарким, и острорвятинин был одет только в одни шорты. Четкими, ритмичными движениями он разрубал одно полено за другим. Вечная норвежская картина. Человек и природа в гармоничном единстве, как во времена викингов. За работой наблюдала стайка ребятишек. Настанет время, и они придут на смену своему отцу.

Что тут еще можно сказать? Только то, что и отец и дети были совершенно черны. Даже рыбакские деревушки на далеком севере утратили свою гомогенность. И такую картину можно наблюдать по всей Норвегии. В Осло, в квартале, где

я живу, для пятидесяти процентов учеников младших классов норвежский не родной язык. Можно смело утверждать, что мы живем в мультикультурном мире, среди людей с разным цветом кожи и разных языков.

Однако можно ли считать язык и цвет кожи надежными показателями мультикультурности? Все люди разные. Но, быть может, это лишь внешние различия? Может быть, правы политкорректные детские книжки, где говорится, что в душе мы все одинаковы? Но тогда получается, что никакой мультикультурности не существует. Возможно, в прошлом человеческое общество и вправду было мультикультурным. А сегодня все мы абсолютно одинаковы. Одинаковы в своих устремлениях.

* * *

Чтобы лучше разобраться в этой проблеме, нам придется перейти на новый уровень анализа. Вместо того чтобы рассуждать о сходстве и различиях *индивидуов*, стоит обратить внимание на сходство и различия общественных *институтов*. Под общественными институтами я подразумеваю центральные структурные элементы общества, определяющие ценностные и поведенческие нормы. Можно рассматривать подобные институты во всем их разнообразии или объединить их в несколько групп на основе общих признаков. Даг Эстерберг (*Østerberg*, 1991) распределяет их по четырем универсальным категориям. В первую категорию попадают организации, ответственные за производство материальных благ, осуществление *товарно-денежных отношений* и любая деятельность, направленная на достижение экономической выгоды. Ко второй категории, относятся системы с функцией *воспроизводства*, чья деятельность направлена на заботу о других. К третьей принадлежат *политические институты* и *силовые структуры*, а к четвертой — организации, формирующие *знаковые и понятийные системы*, направленные на систематизацию и гармонизацию жизни с помощью образования, науки и культуры.

В социологической науке принято акцентировать внимание на различиях между отдельными общественными институтами или же более универсальными группами, в которые их объединяют. Именно так становится возможным диффе-

ренцировать общественные институты, дать им название, выделить отличительные черты и оценить силу их взаимодействия. Обращаясь к анализу такого рода, мы интуитивно берем за основу плюралистические представления.

Однако можно подойти к анализу и с другой стороны. Можно взять за основу тот факт, что существует один институт, который подавляет и поглощает другие. В этом случае одна структура доминирует над остальными и полностью определяет жизнь общества.

А какое место в таком обществе отводится человеческой личности?

2.2. Мои двоюродные бабушки

Я очень хорошо помню своих двоюродных бабушек. Мари Хансина родилась в 1852 г., Сара в 1854, Анна в 1859. Дочери священника, они принадлежали к весьма респектабельному по тем временам классу, однако за это им пришлось заплатить. Мои двоюродные бабушки были слишком бедны, чтобы вести соответствующий своему социальному статусу образ жизни. Из-за своей бедности они с трудом могли рассчитывать на создание собственной семьи. Будущей семье надо было на что-то жить, поэтому к бесприданницам, какими были мои бабушки, обычно не сватались. Кроме того, некоторые потенциальные женихи из их класса могли ускользнуть, дав предпочтение особенно привлекательным девушкам из низших классов. Семья столкнулась с настоящим дефицитом соответствующих ее статусу женихов. Мари и Сара так и не вышли замуж. Анна обрела счастье в супружестве очень поздно, осталась бездетной и вернулась к сестрам, как только ее муж умер. Мои двоюродные деды тоже не смогли устроить свою судьбу. Им пришлось поддерживать сестер, отказавшись от надежды создать собственные семьи. Братьев было четверо. Старший уехал за границу, когда его сестры были еще слишком малы и о них могли позаботиться родители. Там он женился и завел детей. Двое других были немногого старше своих сестер. Они на всю жизнь остались холостяками. Правда, ходили слухи о романе дяди Герхардта и хозяйки дома, где он работал домашним учителем, но из этого все равно ничего не могло получиться. У моих двою-

родных бабушек не было никакой собственности. Разумеется, ни одна из них не зарабатывала себе на хлеб. Они жили в чужих домах и воспитывали чужих детей. Дядя Герхардт мог обеспечить их только самым необходимым. Четвертый брат, мой дедушка, смог создать семью, потому что был самым младшим в семье, — о сестрах заботились старшие братья. Двоюродные бабушки были очень бедны. Позже я узнал, что одно время у них был только один зимний плащ на троих. По этой причине они могли посещать церковь лишь каждое третье воскресенье. Впрочем, если это их и волновало, то больше из-за Бога, нежели из-за пересудов соседей. В те времена бедность бывала достойной. Человек мог вызывать восхищение, хотя и жил в нищете. Мог быть уважаемым членом семьи, хотя не имел и гроша за душой. На похоронах бедной приживалки кто-нибудь непременно сказал бы: она была на редкость умной женщиной, любому могла дать дальний совет. Или: она была такой доброй и щедрой, ей ничего не надо было для себя. Она жила по Писанию, где сказано: не оскудеет рука дающего. Или: святая душа, за всю свою жизнь она и муки не обидела.

Я говорю об этом без тени ностальгии. Я вовсе не собираюсь уверять вас, что жизнь моих двоюродных бабушек и дедушек была лучше или хуже, чем моя собственная или жизнь моих правнуков. История наших предков дает нам прекрасный пример мультиинституционального общества. Они молились Богу и тайком, при опущенных шторах, выпивали рюмку аквавайта (норвежской водки. — *Прим. мое*), как лекарство «против простуды». Они были прекрасно образованы, но не использовали образование, чтобы зарабатывать им на жизнь. Они гордились своей семьей, но в меру¹. Они всю жизнь работали на чужих людей и почти ничего не заработали, если оценивать заработанное в деньгах. Конечно, они страдали от этого, но никогда не теряли уважения к себе. Они

¹ В школе я узнал, что один из моих предков имел непосредственное отношение к составлению конституции 1814 г. Он умер незадолго до рождения двоюродных бабушек. Я попытался расспросить своих бабушек о великом предке, но ни одна из них не пожелала говорить об этом. Этот человек был отвергнут обществом за внебрачную связь с одной женщиной. Более того, у них были дети. Спустя какое-то время пара обвенчалась, но отношение к ним не изменилось.

знали нужду, но, умирая, верили, что прожили достойно. Они жили в эпоху, когда ни один институт, даже церковь, не обладал всеобъемлющей властью. Фактически, они жили в эпоху институционального плюрализма.

2.3. Развитие как империализм

Основным принципом западной культуры всегда оставалось стремление переделать все существующие общества по своему образцу. Это актуально и в наше время.

В 1949 г. Гарри Трумэн начал кампанию поддержки развивающихся стран, стремясь превратить земной шар в дружную семью индустриальных наций. Государства третьего мира должны были навсегда распрощаться со своей отсталостью и нищетой. Это была мощная идеология, согласно которой достойная человека жизнь заключалась в подчинении принципам экономической рациональности.

На деле такая политика означала навязывание всем без исключения государствам единой — нашей — модели развития, подразумевающей наши упрощенные ценности. Термин «отстающие страны» вскоре вышел из употребления. Новое обозначение «развивающиеся страны» звучало куда оптимистичнее. Сейчас принято говорить «*страны третьего мира*». Но реальное положение вещей от этого не меняется. Мы ставим перед собой задачу поднять страны третьего мира до нашего собственного уровня развития, как будто они являются вагонами третьего класса, которые нужно отремонтировать, покрасить и превратить в вагоны первого класса — то есть наши страны. Для этого государства третьего мира должны в корне изменить свое устройство, превратившись из мультиинституциональных в моноинституциональные. Тогда они сумеют сохраниться как *нации*, не подчиняясь, как теперь, диктату других государств. По крайней мере, это идеал, к которому нужно стремиться. Тогда страны третьего мира — на государственном уровне — сумеют отказаться от помощи и поддержки индустриализованных стран. Однако определенная часть граждан этих стран будет вынуждена просить о помощи те самые развитые страны, которые собираются предоставить полную независимость их государствам. В этом случае можно говорить о том, что на смену государ-

ственной зависимости приходит зависимость личная. Или, выражаясь другими словами, при всей отсталости, в странах третьего мира всегда находилось место для каждого и работа для любых рук. С превращением этих стран в индустриальные слишком многие окажутся вне единственno релевантных для таких обществ процессов — процессов производства и потребления, — и им придется просить о помощи извне.

Иван Иллич (Illich, 1992, р. 90) пишет: «Даже в эпоху индустриальной революции жизнь большинства обществ, ведущих натуральное хозяйство, была основана на неукоснительном соблюдении определенных правил. Интересы человека ограничивались удовлетворением минимальных потребностей. Урожай можно было ожидать только от испытанных веками культур; до рынка было три дня пути; сыновья точно знали, что их жизнь ничем не будет отличаться от жизни отцов. <...> Единственными потребностями были предметы первой необходимости, и для удовлетворения этих потребностей нужно было упорно работать. <...> Что до морали экономики натурального хозяйства, то она подразумевает как право человека на удовлетворение своих потребностей, так и одновременно недостижимость этой цели».

Люди довольствовались той жизнью, что была им дана. Их желания были скорее надеждами, а не потребностями, оформленными как права. Такая личность, по мнению Иллича, трансформировалась из *homo sapiens* (человека разумного, или человека со своими вкусами) в *homo miserabilis* (человека несчастного, или человека нищеты).

С этой точки зрения, сама идея развития кажется империалистической. Империалистической в своем высокомерии, ведь на деле развитые страны заявляют: «Мы поможем вам стать такими же, как мы». Они проявляют империалистические устремления, когда поощряют — и заставляют — мультиинституциональные общества превращаться в моноинституциональные, позволяя — или навязывая — такое устройство, при котором один доминирующий институт поглощает все остальные.

2.4. Награда за труд

День, когда я получил постоянную должность в университете, я помню так хорошо, будто это случилось вчера. Это работа обеспечивала мне верный кусок хлеба. С тех пор я мог заниматься исследованиями и не заботиться о хлебе насущном. Более того, я получал деньги за то, что делал для собственного удовольствия.

Я далеко не единственный человек в нашей стране, который может позволить себе вести столь беззаботное существование. Столь же беззаботна, если не больше, жизнь умственно отсталых. Впрочем, я предпочитаю называть их необычными людьми. Специально для них построили шесть деревень в разных частях Норвегии, где они и живут вместе с предположительно нормальными людьми. Подобные поселения есть и в других европейских странах, прежде всего в Германии и Великобритании.

В таких поселениях нет обычной для нас прямой связи между работой и деньгами. Все их жители работают, не получая за свой труд денежного вознаграждения. Заработанные деньги идут в общий котел и тратятся на общие нужды, но никогда не используются в качестве *награды*.

В официальных бюджетных документах используются слова «учитель», «медсестра», «врач», «фермер». Однако в таких деревнях эти термины утрачивают свое привычное значение. Еще важнее, что деньги, выделенные на оплату этих ставок, не попадают в руки лиц, работающих на соответствующих должностях. Все деньги, поступающие от государственных и муниципальных властей, как и средства, вырученные от продажи овощей и нехитрых поделок местных жителей, принадлежат всей деревне.

Жители деревень ни в чем не испытывают нужды, вне зависимости от состояния здоровья. Каждому выделяется комната в доме, населенном весьма необычными людьми, а также слегка необычными, — то есть теми, кто предпочитает жить в таких поселениях, хотя вполне мог бы вписаться в нормальное общество. Каждый из них пользуется всеми благами современной цивилизации, питается здоровой пищей, может водить машину, если может, или рассчитывать, что его отвезут, куда нужно, если не может; ездит вместе с товарищами на отдых в Грецию или в Санкт-Петербург на музыкальный фестиваль.

Студенты не очень-то доверяют моим рассказам об этих деревнях с общим котлом, из которого каждый берет, сколько нужно. Они думают, что так не бывает. Такой порядок непременно приведет к злоупотреблениям или к бесконечным склокам из-за денег. На это я отвечаю: поговорите со старыми рабочими. В свое время они понятия не имели о социальных гарантиях, зато охотно отдавали часть своего заработка, — когда им его выплачивали, — в общую кассу, каковая представляла собой специальный ящик. Это называлось кассой, или ящиком, для больных («sykekasse») (игра слов — kasse по-норвежски значит и «касса», и «ящик». — *Прим. мое*). Каждый мог получить из этой кассы немного денег, если заболевал и больше не мог работать. Определение суммы зависело от самого рабочего. Кассой никто не злоупотреблял, наоборот, нередко оставались лишние деньги. Так и в наших деревнях. Сознание своей причастности к коллективу приучает к спартанскому образу жизни. Уровень потребления зависит от способа организации общества. В условиях сложного общественного устройства, чьи нормы подвержены нарушениям со всех сторон, формируются одни этические принципы. В маленьком замкнутом мире, где поведение одного человека неизбежно оказывается на положении всех остальных, складывается совсем иная мораль.

При наличии общей кассы деньги теряют прямую связь с работой. Я ни разу не слышал, чтобы хоть один из жителей деревни принимался за работу с целью заработать денег. Для них смысл работы в том, чтобы ее выполнить. Трудятся все. Одни с энтузиазмом, другие с прохладцей. Но никто не воспринимает деньги как стимул к труду. Кто-то должен доить коров, следить, чтобы их хвосты не попадали в бидоны с молоком — есть и такое занятие, полоть грядки, готовить еду, хромые должны указывать дорогу слепым, а слепые — поддерживать хромых. Деньги помогают наладить связь с внешним миром, а в самой деревне они не нужны. Здесь по-другому относятся к труду. Награда за работу — сама работа. В английском языке, в отличие от норвежского, существуют разные слова для обозначения понятий «работа» (*work*) и «труд» (*labour*). Труд — тяжкая обязанность, исторически это слово родственно слову «*torture*» (пытка). В значении слова «*work*» есть оттенок стремления к чему-либо; по смыслу оно близко к понятию творче-

ства. А для творчества деньги — главная угроза. Работа перестает быть вознаграждением. Она превращается в инструмент достижения цели и тем самым становится трудом.

Отсутствие чрезмерного интереса к деньгам и потреблению открывает широкие возможности для социальной активности совсем другого рода. Самая большая деревня в этой системе называется Видаросен. Видаросен — это несколько десятков обычных жилых домов, отдельных домиков для семейных, мастерские, ферма и три больших общественных здания. Самое большое называется Зал. Здесь, в деревне на шестьдесят жителей, находится самый большой концертный и театральный зал в стране. Деятели искусства обожают выступать в нем. Второе по величине здание, которое я прозвал Ковчегом, используется в качестве молельного дома, здесь же проходят лекции и прочие культурные мероприятия. Наконец, третье здание, только что построенное, превратили в центр помощи тем, кто нуждается в особом уходе. Три дома, построенные на средства из общей кассы, стали символами трех установлений, на которых держится деревня: культуры, религии и милосердия. Вместе с трудом они составляют основу деревенской жизни. Такое положение вещей способствует всестороннему развитию общества. Оно буквально позволяет делать все, что угодно.

Впрочем, не стоит идеализировать деревни чудаков: внутри маленьких замкнутых обществ, члены которых полностью зависят друг от друга, всегда существует немало конфликтов. Однажды я опубликовал статью под названием «Активное общество — это скандалящее общество» (Christie, 1973). Это описание довольно точно подходит и для характеристики образа жизни наших деревень.

Я посвятил изучению деревень чудаков много лет и написал о них небольшую книгу «По ту сторону одиночества и власти» (1987). Два года назад эта книга вышла на итальянском, в связи с чем меня попросили написать новое предисловие. Поскольку со времени выхода книги в свет прошло много лет, издатель предложил рассказать, какие изменения произошли за эти годы в деревнях. К некоторому моему смущению, писать было почти не о чем. Ничего примечательного не произошло. Это были годы стабильности, а не перемен.

Но в чем, собственно, проблема? Почему состояние покоя

хуже поддается описанию, чем перемены? Вероятно, все дело в том, что отсутствие перемен не соответствует духу нашего времени и оттого кажется нам недостатком.

• Видаросен и другие деревни для необычных людей могут служить примером общества, не подверженного бурному развитию. Эти общества отказались признавать требования модернизации, выдвигаемые современностью. Обитатели деревень устроили свою жизнь в соответствии со старыми, традиционными ценностями. Собственно в этом-то и заключается проблема описания развития подобного общества.

Со времен первого издания книги не произошло никаких значительных событий. А почему, собственно говоря, они должны были произойти? Жизнь в деревне размеренная и неторопливая: люди рождаются, стареют, умирают, иногда приезжают новички, кто на год, кто на всю жизнь. Строят новые дома, ремонтируют прежние, но по большому счету ничего не меняется, деревенская жизнь идет своим ходом.

Но как это возможно? Как объяснить полное отсутствие перемен в эпоху всеобъемлющей веры в прогресс?

У меня нет точного ответа на этот вопрос, только несколько гипотез. Согласно одной из них, социальную активность в деревне определяет состояние ее жителей. Многие из них с трудом передвигаются, и оттого территория поселения почти не расширяется. Кроме того, деревенское общество всерьез опасается формирования бюрократической иерархии. А расширение деревни неизбежно повлекло бы за собой внедрение новых форм организации жизни. Важным фактором является и равнодушие к деньгам. Даже построив множество новых, современных зданий, жители ничего не выигрывают. Напротив, расширение и развитие может расцениваться как угроза привычному образу жизни: больше народа — меньше возможностей для сближения друг с другом.

Тем не менее, многие обитатели таких деревень выросли среди «нормальных» людей. Они воспитывались в духе прогресса: им внушали, что добиться успеха означает найти работу, завести семью, разбогатеть и занять определенное положение в обществе — лучше всего, открыть собственное дело. Почему же они не идут в этом направлении? Почему не стремятся превратить деревни в очередную разновидность современных домов инвалидов или что-то вроде этого?

Просто в деревнях полно других проблем. Когда тебя окружают люди, не способные выражать свои мысли с помощью привычной человеческой речи, найти или хотя бы нащупать основы общего языка — великая победа. Когда дойти до соседнего дома для человека подвиг, каждый дюйм, который он преодолел, вызывает всеобщий восторг. Жизнь в изоляции от современного мира полна своих маленьких радостей. В деревнях чудаков никто не нуждается в переменах.

Впрочем, положение запросто может измениться к худшему. Экономика деревень весьма уязвима. И дело совсем не в нехватке денег, а наоборот, в их излишке!

Как я уже говорил, экономика деревень базируется на принципе общего котла. Интересно, что это позволяет им добиться не просто экономической независимости, но и процветания. Деревни получают гораздо меньше средств из бюджета, чем любые другие организации, на попечении которых находится такое количество инвалидов. Но их жители не вовлечены в частные экономические отношения. Деревня — их дом. Им не нужно покупать дома, машины и страховки. Большая часть денег так и остается в общем кotle. Они идут на ремонт или покупку новых лошадей, на расширение территории, строительство нового концертного зала или новых жилых домов. В этом и кроется главная опасность. Такое положение может привести к появлению денежных излишков и практики поощрения отличившихся жителей. И то и другое чрезвычайно опасно: в первом случае под угрозой окажутся принятые в деревнях эгалитарные принципы, во втором — жизненный уровень их обитателей может значительно превысить средний по Норвегии. Стабильность деревенской жизни будет нарушена не из-за нехватки средств, а из-за их излишка.

Решение проблемы было найдено — им оказалась щедрость.

Самым важным событием, произошедшим за эти годы, стало появление таких же поселений в странах Восточной Европы. Открылись четыре новые деревни: одна в России, одна в Эстонии, одна в Польше и одна, самая новая, в Литве. Норвежские деревни оказывали им финансовую поддержку, помогали строить, делились опытом и персоналом. Признаюсь, поначалу я воспринял такой обмен скептически. Я боялся, что норвежские деревни переоценили свои силы. Деньги и

рабочие руки могли бы пригодиться и на местах; опасно было растрачивать их, посыпая на Восток.

Однако я ошибался. Мне стоило вспомнить о потлаче. (*Потлач* — распространенная у североамериканских индейцев форма праздника, во время которой происходил неравнозначный обмен имуществом. Фактически племенная верхушка избавлялась от накопленных богатств путем дарения—обмена на менее дорогостоящие вещи соплеменников). В принципе строгое соблюдение ритуала предполагало уничтожение излишков. На потлач очень любят ссылаться всякого рода анархистские и левые теоретики. Как они замечают, эта система позволяла соблюдать баланс в обществе, предотвращала появление знати и распад первобытного общества и появление государства. — *Прим. мое*). Или о похожих обычаях, позволявших живущим первобытнообщинным строем племенам избавляться от излишков или перераспределять их, не подрывая экономические и социальные основы племенной структуры. Помощь единомышленникам в Восточной Европе позволила норвежцам сохранить собственные деревни. Излишки пошли на благотворительность. Можно считать это развитием системы, но в данном случае развитие означает появление новых деревень и приобретение новых сторонников альтернативного устройства жизни. Появление такой альтернативы чрезвычайно важно для стран, которым навязали западную рыночную модель прогресса как единственную возможную.

2.5. Как отучить детей строить

Здоровые дети, как правило, чрезвычайно активны. Они варят обед для кукол и играют в войну, строят крепости из картона и города из песка. Творчество для детей забава, оно интересует их само по себе, как процесс. Важно и в то же время очень трудно понять, почему они рано или поздно прекращают творить.

Возможно, они просто устают?

Посмотрите на ребятишек, которые строят домик в кроне дерева. Они могут заниматься этим с утра до вечера, таскать доски, пилить, забивать гвозди, попадая себе по пальцам. Иногда строительство растягивается на несколько дней или даже

недель, пока дом не будет готов, а юные головы не займутся вынашиванием новых грандиозных планов.

Все мы рождаемся творцами. А спустя какое-то время перестаем творить. Виной тому необходимость зарабатывать на жизнь. Заработка плата обесценивает работу как таковую. Важным становится не то, что ты делаешь, а то, что ты за это получишь. Из творческого процесса работа превращается в стратегию выживания. И становится тем, что немцы называют «*и не eigentlich*» (несобственная, т.е. не имеющая собственного смысла. — *Прим. мое*). Ведь теперь суть ее заключается не в процессе созидания, а в достижении того, что следует за созиданием, — денежного вознаграждения. Начните платить детям за каждое лесное убежище, и скоро они перестанут строить.

С исчезновением прямой связи между работой и деньгами исчезает и в высшей степени странное понятие достойной оплаты труда. Кто заслуживает достойной или даже самой высокой оплаты труда, и на каких основаниях? Почему труд этого человека должен высоко оплачиваться? Потому что он лучший кукольник во всем городе или даже стране? Или потому, что куклы пользуются большим спросом на рынке, чем деревянные лошадки? Или потому, что он происходит из семьи потомственных кукольников? Или же оказался достаточно могущественным и беспринципным, чтобы создать монополию на производство кукол? Когда деньги перестают быть прямой наградой за труд, становится ясно, что различия в материальном уровне людей, наблюдаемые в современном обществе, имеют мало общего с выполняемой ими работой.

Деньги могут охладить строительный энтузиазм детей. Есть и другое верное средство, которое не только остановит строительство, но и навсегда отобьет у ребенка желание строить. Достаточно взять на себя руководство и показать, как надо делать. Прочтите детям пространную лекцию о том, как правильно держать молоток, проведите небольшой подготовительный курс по строительству лесных убежищ со сдачей экзамена в конце, дисквалифицируйте плохо лазающих по деревьям, а оставшимся достойным строителям выдайте сертификат о профессиональной пригодности. В приложении к детской игре это звучит абсурдно. Однако именно так функционирует наше общество, поэтому неудивительно, что дети,

взрослея, постепенно прекращают творить и становятся пассивными.

2.6. Капитал

Значит, прав был Георг Зиммель (Simmel, 1990, p. 404): деньги — враг естественных человеческих отношений. «Они не только помогают нам купить независимость, но и обрывают все значимые для нас связи», — пишет Зиммель. Деньги стали символом разобщения. Если я попрошу своего друга помочь мне перевезти мебель при переезде, а когда мы перетаскаем все шкафы и диваны, предложу ему деньги за труд, он либо решит, что я шучу, либо обидится. В такой ситуации заплатить — все равно, что сказать: «На самом деле мы не друзья» (Gezelius, 2002, p. 241).

Не так давно я спросил своих студентов, какие ассоциации вызывает у них английское слово «capital». Почти все практически не колеблясь ответили: «Деньги». Однако я на кануне сходил в библиотеку и был прекрасно осведомлен, что в Оксфордском словаре английского языка это всего лишь восьмое по счету значение слова. Чего там только нет — и капиталь (англ. Capital. — Прим. мое), и столица, и главное здание. И все эти значения ближе к оригинальному и поэтому идут первыми. А в наше время выходит, что важнее всего деньги.

В центре любого старого города возвышался кафедральный собор, вторым по значению и размерам зданием был дворец местного феодала. Позже появились еще университеты и школы. В местечке, где я живу, школа по-прежнему остается самым большим строением. Пятиэтажное здание с железной крышей и острым шпилем, напоминающим шлем Бисмарка, каким прекрасным символом образования оно было сто лет назад! Дворцы Господа, дворцы королей, дворцы знаний. А в современных городах они отошли в тень, предоставив место небоскребам и торговым центрам, дворцам денег, прославляющим куплю-продажу. Мишень для теракта одиннадцатого сентября выбрали не случайно.

2.7. Новый храм

Это было в Канаде. В тот день мне понадобилась столь прозаическая вещь, как новые трусы, и я отправился за ними в магазин. Канада холодная страна, и центры многих городов специально устроены так, чтобы покупатели могли переходить из одного магазина в другой, не выходя на улицу. Крытые мостики, которые соединяют дома на уровне второго этажа, позволяют потенциальному клиенту делать покупки, не замечая бесчинств погоды. Улицы оставлены для машин и не столь респектабельных господ, которых вежливо непускают в общественные места, давно переставшие быть общественными.

Я моментально заблудился в лабиринте потребительского рая. Слева меха, прямо по курсу шарфы, впереди мостики, потом сразу начинается отель, а где, интересно, это чертово нижнее белье? Но тут я его нашел. Миновав магазин спортивного снаряжения, я прошел в какую-то арку и оказался. <...> Где бы вы думали? В храме. Вслед за мной шла азиатская пара. Мы так и застыли, раскрыв рты. Последний раз я видел нечто подобное во время поездки в Рим. Огромный купол, своды, витражи. Как вы думаете, что это было? Ни за что не угадаете. Отдел мужского белья.

Недаром же я пришел в крупнейший универмаг в Канаде.

* * *

В прошлом можно отыскать немало примеров моноинституционального общественного устройства, когда один институт в значительной степени подчинял себе все остальные. Таким институтом могла быть семья — тогда родственные связи определяли положение человека в обществе, распределение собственности и политические пристрастия. Затем наступила эпоха главенства церкви, когда каноническое право являлось основой гражданского, короли склонялись перед волей епископов, а патриархальные отношения в семье были освящены Писанием. Иногда главенствующим институтом становилась армия, воин превращался в ролевую модель для высшего сословия, и их воинственные героические подвиги становились причиной падения государств. Все эти примеры можно отнести к случаям институционального империализма, когда один институт подчинял себе всю жизнь общества.

2.8. В движении

Проблемой землевладельцев прошлого было то, что они были вынуждены считаться с окружающими. Ведь им некуда было деваться от своей земли. Многие из них любили деревенскую жизнь и пользовались уважением соседей. Но даже самые алчные и злые не могли полностью игнорировать интересы общества. Чтобы земля приносила прибыль владельцу, необходима рабочая сила и по меньшей мере — спокойные отношения с окружающими. Во всяком случае, если землевладелец не имел абсолютной власти над другими людьми, как при рабовладении. То же самое можно сказать и о фабрикантах и предпринимателях. Чтобы не возникало случайных пожаров на складах и таинственных поломок станков, и было на кого рассчитывать ветреной ночью, когда надо поехать через фьорд за врачом, приходилось соблюдать элементарные приличия.

Современные богачи — финансисты — оказались в совершенно иной, можно сказать, исторически уникальной ситуации. Их собственность невидима и невесома. Ею можно управлять, нажимая на клавиши. И финансисты могут свободно перемещаться по миру со своим богатством. Это современные бродяги, всегда готовые отправиться в путешествие, если оно сулит большую прибыль. Чтобы не упустить свой шанс, предприниматели отслеживают нужную информацию, в основном из неофициальных источников, но не брезгуют и специализированными журналами. Один из таких журналов, «Ливинг Интернэшнл», разыскивает по всему миру дешевую недвижимость, обращая особое внимание на зоны природных и политических бедствий, где жилье и предприятия можно купить почти даром. В 2003 г. хитом была Аргентина, но нельзя терять времени — вдруг положение, чего доброго, исправится. По-прежнему пользуется спросом Никарагуа. Разумеется, журнал предоставляет информацию и о том, где лучше всего укрыться от налогов. Вот, например, что пишет некий доктор В. Дж. Хилл в «Паспортном отчете», одиннадцатый номер за 1997 г.: «Зачем отдавать свою жизнь и свободу на произвол государства? Имея всего лишь один паспорт, вы рискуете стать легкой добычей для политиков, которые непременно захотят присвоить честно заработанные вами средства. За вами можно следить, можно навесить любое клеймо

и задержать. В ваших руках — избежать этих неприятностей. Имея сразу несколько паспортов в кармане, вы больше не «принадлежите» одной стране. Никто не имеет права вам приказывать. Ваша личная и финансовая независимость обеспечена, а свобода передвижения — неограничена.

Не думайте, что мы советуем вам нарушить закон и завести поддельный паспорт. Боже упаси! Доктор В. Дж. Хилл никогда не предложил бы вам ничего подобного. Мы только собираемся поделиться с вами секретом оформления вполне легальных документов на ваше собственное имя. <...> В мире полно мест, где от вас не станут требовать постоянного проживания для получения паспорта. В некоторых случаях вы можете получить его, даже не посещая страну».

2.9. Меноинституциональное общество

Времена моих двоюродных бабушек давно прошли. Мы живем в мноинституциональном обществе, в ситуации институционального империализма, в эпоху главенства финансовых институтов.

Символичным является не только размер общественных зданий, но и то, что происходит внутри них, то есть способ организации общественной жизни. Дух наживы, рыночные идеи проникли во все институты. Деньги открывают любую дверь; успешность какой-либо деятельности определяется через денежную прибыль, а самые продуктивные члены общества награждаются деньгами. На первый взгляд, так оно и должно быть. Но только на первый взгляд, и только для тех, кто не может взглянуть со стороны на свое общество. На самом деле, не существует никаких объективных причин, по которым деятельность людей за пределами институтов, отвечающих за производство и рынок, должна поощряться принятым в этой сфере образом.

Денежная премия для лучшей матери? Пожалуй, это перебор. А высокая зарплата самому талантливому ученому? Уже приемлемо. Даже церковь не свободна от борьбы за деньги. В Норвегии церковь не отделена от государства. Недавно профсоюз священников пригрозил забастовкой, если его членам не повысят зарплату. Однако они все же не зашли так далеко, чтобы требовать повышения зарплаты лучшим про-

поведникам или тем, кто сумеет привлечь в церковь наибольшее количество прихожан. Но ведущие епископы церкви и так получают больше, чем обычные епископы, а священники, имеющие большой приход — больше, чем священники из маленьких приходов. А члены норвежского парламента, которые так любят повторять, что размер зарплаты должен соответствовать рыночной стоимости профессии, все-таки колеблются, решая вопрос о разной зарплате для ведущих и рядовых парламентариев. Однако в мае 2003 г. парламентская комиссия вынесла на рассмотрение закон об увеличении зарплаты спикеру и председателям всех парламентских комитетов.

В наше время гегемония денег утвердились настолько прочно, что мы перестали ее замечать. Рынок превратился в неотъемлемую часть нашей жизни. А могло ли быть по-другому? Бросая вызов очевидному, я позволю себе провести несколько довольно рискованных параллелей.

2.10. Окончательное решение

Чтобы понять суть явления, надо его с чем-нибудь сравнить. Мы рассмотрели ситуацию, когда один общественный институт подчиняет своим законам все остальные. Вам это ничего не напоминает?

Обратимся к феномену тоталитаризма.

Происхождение этого термина туманно. Этимологический словарь Клейна (Klein, 1971) связывает это понятие со словом «*towetos*» — «целиком заполненный», которое, в свою очередь, родственно слову «*tumere*», что значит «разбухать», «растаться» — от него произошло совр. англ. «*tumour*» — «раковая опухоль».

Пока очень похоже на механизм действия рыночной экономики. Однако это не единственные возможные характеристики тоталитарных обществ.

Карл Фридрих (цит. по: Линц, 1975, pp. 187–189) перечисляет следующие основные признаки тоталитаризма:

1) наличие единственной — тоталитарной — идеологии;

2) наличие единственной легальной партии, проповедующей эту идеологию и обычно возглавляемой одним человеком — диктатором;

3) разветвленная система тайной полиции и государственная монополия, или, точнее, право монопольного контроля над а) средствами массовой информации; б) боевым оружием; в) любыми организациями, включая экономические, что подразумевает ту или иную степень планирования экономики.

Берннт Хагтвет (Hagtvet, 1981, pp. 285–286) утверждает: «Тоталитарное государство стремится уничтожить или, по крайней мере, ослабить структурное разнообразие, характерное для большинства современных стран. При тоталитаризме экономика, культура, семья, законодательство и прочие подсистемы обладают весьма ограниченной автономностью по отношению к господствующей политической системе».

По сравнению с диктатурами, язык не поворачивается назвать нашу систему гегемонии рыночной экономики тоталитарным режимом. Однако наличие диктатора — еще не главный признак тоталитарного государства. А если принять во внимание первое значение слова «тумере» — «разрастаться», мысль о том, что в нашем обществе есть ростки тоталитаризма, перестанет казаться столь абсурдной. Возможно, привычка ассоциировать тоталитарное государство с диктатурой не позволяет нам разглядеть тоталитарную сущность современного мира.

* * *

Я возьму на себя смелость утверждать, что в современном обществе один институт доминирует над всеми остальными. Основными организующими моментами современной жизни являются производство и потребление. Вроде бы никто не требует от нас подчинения — ни чья-то злая воля, ни всеобъемлющий план, но порой кажется, что это именно так. Нет диктатора, который бы с высокой трибуны объявил, что деньги и потребление — это цель жизни. Его нет, но мы поступаем согласно его словам. Современный тоталитаризм обходится без парадов и бравурных маршей. Их заменяют фотографии из глянцевых журналов: вот они — идеальные люди, живущие идеальной жизнью. Кто же не хочет походить на них?! Сегодняшний маркетинг преуспел во внедрении своей идеологии куда больше, чем пропагандистские машины тоталитарных империй.

2.11. Издержки монопольной системы вознаграждения

В мире до сих пор мы сохранили островки, где альтернативные ценности еще не утратили значения: всякого рода укромные уголки, монастыри, университеты, богемные кружки или молодежная контркультура. Но основой жизни остаются производство, денежная прибыль и потребление.

В упрощенной системе поощрений, характерной для обществ, подобных нашему, заложен серьезный изъян. При мультиинституциональном устройстве сохраняются институты, в функционировании которых деньги и система денежных поощрений не играют особой роли. Люди играют, потому что им нравится игра, гуляют на берегу реки, потому что им хочется погулять, встречаются с друзьями и родственниками, потому что хотят их увидеть. С проникновением денежной поощрительной системы во все новые сферы человеческой деятельности все меньше остается занятий, привлекательных самих по себе. К тому же, когда деньги, а точнее, возможность тратить деньги, превращается в единственную цель человеческой активности, жизнь тех, у кого нет денег, теряет смысл. Пространства для них почти не остается. Отсутствие денег становится верным признаком неудачника.

Одна моя хорошая знакомая тринадцати лет от роду сказала: «Вот бы никогда не становиться взрослой!» Возможно, она имела в виду, что жизнь взрослых скучна. Считается, что раньше было проще, потому что у человека не было выбора. Люди не видели ничего, кроме изнурительного труда в поле или дома, и твердо знали, что их жизнь будет как две капли воды походить на жизнь предков. Нам же предоставлено право выбирать свою судьбу самим. Впрочем, можно сделать и прямо противоположное заключение: в прошлом у людей было немало занятий, кроме работы в поле и ведения домашнего хозяйства, а у нас как раз и нет особого выбора, в том смысле, что все наши многочисленные занятия в итоге сводятся к зарабатыванию или трате денег. Наша жизнь монолитна, словно кусок гранита.

В современных высокоразвитых странах использовать местную рабочую силу становится экономически невыгодным. То, что по плечу обычному рабочему, куда лучше и дешевле выполнят машины или рабочие из развивающихся

стран. Поэтому многие из нас обречены оставаться за бортом: молодежь, старики, больные, недостаточно образованные, люди с неправильным цветом кожи или принадлежащие к чужой, неправильной культуре. Для большинства из них шансы найти достойно оплачиваемую работу близки к нулю. Разумеется, покупательная способность таких людей чрезвычайно низка. Конечно, из-за этого у них возникают проблемы. А значит, возникают проблемы и у общества, в котором они живут.

2.12. Великолепный город Сан-Паулу

Не так давно я побывал в Бразилии. Экономический центр этой страны — Сан-Паулу, город бешеных ритмов и неслыханной роскоши.

Как всегда на новом месте, я потратил первые дни на то, чтобы разобраться в особенностях местного образа жизни. Мое внимание привлекли два утверждения и одно наблюдение.

1) «Я никогда не открываю окон в своей машине, даже если на улице свежо, и поэтому всегда езжу с включенным кондиционером», — сообщила мне одна дама. «Разве можно столь бездумно тратить электроэнергию?» — подумал я.

2) «По ночам я никогда не останавливаюсь на красный свет», — заявил другой житель Сан-Паулу. «Да он просто опасен, этот тип!» — возмутился я.

3) И, наконец, мое собственное наблюдение. Во всех без исключения бедных странах подростки толпятся на перекрестках, продавая водителям кофе, лимонад и газеты или предлагая помыть машины. Но только не в Сан-Паулу.

Что общего между всеми описанными явлениями? Страх перед преступностью. Жители Сан-Паулу ездят с включенными кондиционерами, потому что если открыть окно, тебя могут ограбить. Останавливаться на перекрестках по ночам опасно, поэтому все едут на красный свет. А поскольку никто не останавливается и не открывает окон, нет смысла в уличной торговле.

Мне довелось пообщаться с бразильской коллегой, которая брала у меня интервью для журнала. Эта женщина, активистка движения в защиту прав заключенных, в ходе бесе-

ды обмолвилась, что за последние несколько лет ее грабили восемь раз. Ее знакомая, преподаватель криминологии, всего за пару дней до нашего разговора попала в неприятную ситуацию. У нее старая машина, без кондиционера. Чтобы спастись от жары, женщина решила открыть окно. Вскоре она попала в пробку. Внезапно кто-то просунул в окно руку и приставил к ее горлу лезвие бритвы. Преступница — это тоже была женщина — потребовала денег. Был конец рабочего дня, криминолог очень устала, измучилась от жары и проголодалась, а дома еще надо было кормить детей. «На сегодня довольно, никаких ограблений», — сказала она, и нажала на газ. Грабительница с бритвой едва успела отскочить и удалилась, качая головой. Она была глубоко возмущена дурными манерами своей жертвы.

На следующий день я навестил местный полицейский участок. Он находился в маленьком здании, сразу за огромным международным отелем с комфортабельными одноместными и двухместными номерами и всем, что может облегчить жизнь бизнесмену в командировке. Между тем, по соседству в полицейском участке 70 задержанных ютятся в одной камере. Места катастрофически не хватает, и людям приходится сидеть по очереди. Есть две душевые кабинки, но в дневное время пользоваться ими нельзя: чтобы хоть немного разгрузить камеру «в час пик», полицейские помещают часть заключенных в душевые. Невыносимая жара, вонь, люди, чуть ли не сидящие друг у друга на голове, десятки рук, тянувшиеся сквозь прутья решетки, — картина как из Дантовского ада.

Я поспешил выйти на улицу; почти каждый дом был обнесен забором, снабженным высоковольтными проводами, рядом с большими зданиями дежурили вооруженные охранники. Каждый защищает свою собственность, как умеет. На вершинах холмов, окружающих город, на приличном расстоянии от жилых кварталов, светились огоньки. Там находились трущобные районы, где жили бедняки в своих самодельных хибарах.

Бразилия не Скандинавия, но с каждым новым замком не становится ли Скандинавия чуть больше похожей на Бразилию?

Ежегодно в Норвегии проводят грандиозную благотворительную акцию по сбору денег у граждан. Деньги собирают

в пользу групп, особо нуждающихся в помощи людей, или на борьбу с каким-нибудь бедствием: в Фонд защиты детей, на гуманитарную помощь для беженцев, на борьбу со СПИДом и так далее. Газеты, радио и телевидение участвуют в благотворительной рекламной кампании, призывая граждан поддержать благую цель, а тысячи добровольцев ходят от дома к дому, собирая пожертвования. Не так давно я услышал по радио интервью с некоторыми из ветеранов этого благотворительного движения. По их словам, раньше собирать пожертвования было проще. Не то чтобы люди не хотели давать деньги, но как их просить, когда даже в дом не войдешь. Раньше можно было беспрепятственно войти в любое здание и ходить по квартирам. Сегодня в дом, в котором ты никого не знаешь, просто невозможно попасть. Подъезды надежно закрыты. Можно сколько угодно звонить, но, скорее всего, никто не откроет. Кто знает, какая опасность может поджидать за дверью. А ты несешь ответственность не только за свою безопасность, но и за безопасность соседей.

2.13. Свободные от преступлений территории

Мой дом — моя крепость. Мое собственное, частное пространство, в котором можно почувствовать себя в безопасности. Так сказать, в приватной обстановке. «Приватный» происходит от английского «private» — «частный», которое, в свою очередь, восходит к латинскому «privere» — «отбирать», «лишать». Римляне имели в виду, что частная жизнь «отбирает» человека у других, изолирует его от общества, ограждает от важных общественных вопросов.

Мне приходилось бывать в квартирах с дверями, снаженными сложной системой замков и железной решеткой. Даже у владельца уходит немало времени, чтобы войти в такое жилище. Кое-кто ставит замки на окна и снабжает дома сигнализацией с прямой связью с полицией или охранным агентством. Если владельцы такого жилища вдруг решаются его продать, знайте — они нашли квартиру в жилом комплексе покрупнее, где защита надежнее.

Раньше было принято нанимать консьержку, приветливую, но бдительную женщину. Со временем женщину заменил мужчина, потом у мужчины появился пистолет, а наблюда-

тельный пункт превратился в маленькую сторожевую башню, оснащенную мониторами, позволяющими видеть все, что происходит на территории жилого комплекса. Вокруг дома можно очертить магический круг безопасности. Хотя почему только вокруг дома? Можно обнести забором весь квартал. Золотые клетки, рай для тех, кому есть что терять. Таких золотых кварталов становится все больше в каждой западной стране. Стража у ворот проверяет, чтобы у гостей было все в порядке с документами, (*credentials* — это все-таки документы, а не рекомендации. — *Прим. мое*) и потрудитесь изложить повод визита так, чтобы он показался достаточно обоснованным.

Сложнее дело обстоит с центром города, общественным местом, открытым для всех и каждого. Туда запросто могут пробраться всякие подозрительные личности. Решить проблему могла бы частичная передача общественных мест в частные руки. Нельзя прогнать оборванца с улицы, если он трезвый, но над территорией частных торговых комплексов установить контроль гораздо проще. Как указывают Боттомс и Вайлс (1996), на частную территорию вполне возможно воспретить доступ нежелательным лицам. Оборванцам вежливо, или не слишком вежливо, укажут на дверь. Открываются и другие интересные возможности. Например, можно окружить фешенебельные кварталы высокими заборами и соединить их скоростными шоссе, а нежелательные элементы пусть живут в трущобах вдоль шоссе, как это сделали в Лос-Анджелесе. Еще можно сконструировать специальные скамейки, на которых не то что спать, и сидеть долго не захочется. С центрального копенгагенского вокзала недавно вообще убрали все скамейки и к тому же запретили сидеть на полу в зале ожидания.

С появлением машин Нью-Йорк стал значительно чище, как тогда считали. Раньше по городским улицам бродили лошади и свиньи, и для того чтобы пройтись по Пятой авеню, приходилось надевать сапоги. Все изменилось с началом автомобильной эпохи. Город пришлось перестраивать. Кони больше не загрязняли улицы, участки, где раньше стояли загоны для свиней, были пущены под застройку — город рос, и вместе с ним росли цены на землю. Прогресс продолжается, на этот раз под знаменами криминалистов, борьба против тех,

кто непонятно почему предпочитает жить в кварталах с бьющимися окнами. Проще перекрыть ручей, чем речку, а речку — проще, чем бурный поток, проще поймать зайца в метро, чем того, кто может стать действительно опасным преступником.

* * *

Город с «золотыми» кварталами, трущобами, дверями на замке представляет собой современный мир в миниатюре. Богачи защищают свою собственность, скрываясь за высокими оградами. Так же поступают и богатые государства, охраняя свои границы от выходцев из бедных стран. Благодаря Шенгенскому соглашению и другим договорам подобного рода становится возможным превратить целые страны в «благородные» территории — позолоченные клетки.

3. Кому выгодны преступления

3.1. Когда нет места преступности

Иногда, чтобы понять, какие условия порождают то или иное явление, полезно бывает взглянуть на них со стороны — то есть выяснить, в каких ситуациях эти условия не работают. К подобным феноменам относится и преступность.

Мое отрочество пришлось на годы немецкой оккупации. Лично для меня это было легкое и беззаботное время. За всю войну никто из наших близких родственников и друзей не был убит, ранен или подвергнут пыткам. Нас, как и большинство норвежцев, объединяла ненависть к оккупантам и презрение к коллаборационистам. Только так и бывает, когда в твой дом приходят враги. Жизнь превращается в борьбу добра и зла, войну ангелов и демонов. Плакаты в трамваях сообщали, что продолжать стоять, когда есть свободное место рядом с немецким солдатом, — значит оскорблять рейх. Другие плакаты угрожали смертной казнью за участие в Сопротивлении. Радиоприемники конфисковали, телевидения еще не было, все газеты, за исключением лояльных режиму, закрыли, не было ни журналов, ни театра, ни кино. Спортивные соревнования запретили, многих учителей арестовали и выслали на север за отказ вступить в профсоюз, которым руководили нацисты, из публичных мероприятий разрешались только организованные коллаборационистами. И все же об этом времени у меня остались достаточно светлые воспоминания.

Прежде всего, это было время активного общения.

Мы с друзьями были слишком малы, чтобы участвовать в Сопротивлении. Что нам оставалось? Как мне сейчас кажется, больше всего времени у нас уходило на чтение и очень интен-

сивное общение со сверстниками. Мы собирались у кого-нибудь дома или на углу улицы. Осенними вечерами стояла непроглядная тьма: фонари не горели, а в домахочно задерживали шторы, чтобы свет не привлекал внимания английских бомбардировщиков. Мы шатались по улицам часами напролет, а потом шли домой, стайками или поодиночке.

Но разве не страшно ходить по ночному городу? Ни мне, ни моим друзьям и подругам и в голову не приходило чего-то бояться, да и родители не боялись отпускать нас гулять несмотря на мрак за окном. Мне не приходилось слышать от взрослых: «Будь осторожен!» Бояться было нечего. Конечно, немецкие солдаты были монстрами, но в реальной жизни вели себя безупречно. О преступности же мы ничего не знали. Мы не говорили и не думали о преступлениях. В основном мы болтали о самых обычных вещах, больше всего, конечно, о любви, физическом влечении и том, когда же кончится война. Я не припомню, чтобы мы хоть раз обсуждали преступление в традиционном смысле слова или криминальную обстановку в целом. Вероятно, во время войны просто было не до этого. Главным преступником был враг, а его действия — преступлениями. Для других преступников места в общественном сознании не оставалось.

* * *

Для моей страны те дни остались в далеком прошлом. А вот для Финляндии до сих пор характерны острые социальные дискуссии, никак не связанные с уровнем преступности, — возможно, отчасти поэтому я и испытываю к этой стране такие теплые чувства.

3.2. Где правят серьезные конфликты?

Тампере — финский Манчестер, центр тяжелой промышленности, форпост Рабочей партии. Побывав там несколько лет назад, я стал свидетелем ожесточенной полемики среди жителей города. *И все из-за генерала Маннергейма. Маннергейм* — национальный герой Финляндии. Его именем названы главные улицы во многих городах. Памятники ему стоят повсюду. Маннергейм на коне, Маннергейм во весь рост, Маннергейм в военной форме, готовый вести за собой войс-

ка. Этот генерал принес славу своей стране в Зимней войне 1939 г. против СССР и в Продолжении войны 1940–1944 гг. Любой уважающий себя финский город стремится поставить на главной площади его монумент.

Любой, кроме Тампера.

Все дело в прошлом этого человека. В 1918 г. в Финляндии разразилась кровавая гражданская война. В страну пришла революция из России. Тампера превратился в оплот красных. Маннергейм, между тем, был белым генералом. Постепенно белые дошли и до Тампера. Горожане отчаянно оборонялись. Ходили слухи, что захватчики не пощадят никого. Очень скоро выяснилось, что эти слухи правдивы. Историк Хейкки Иликангас (*Ylikangas*, 1996) приводит подробное описание штурма Тампера. После долгого сопротивления город пал. Тысячи коммунистов были убиты, тысячи погибли в лагерях для военнопленных в последующие годы¹.

И вот теперь, когда гражданская война осталась в далеком прошлом, городской совет решил поставить памятник Маннергейму — вражескому генералу. Компромисс все же был найден. Памятник поставили. Но за городом, в лесу.

Выходит, что Финляндия остается, или, по крайней мере, до недавнего времени оставалась территорией острых социальных конфликтов. Всего лишь несколько лет назад общественность оказалась втянутой в дискуссию на тему гражданской войны. Сейчас активно обсуждается инициатива создания комиссии по установлению истины (*truth commission* — это не следственная комиссия, это что-то вроде общественного трибунала. С успехом использовалась в ЮАР по окончании режима апартеида. Цель такой комиссии — выявить ранее скрываемые преступления против определенной группы членов общества — с целью наказания виновных, восстановления справедливости и общественного примирения — *Прим. мое*). Но напряженность в обществе ощущалась и раньше. В рекламных проспектах туристических фирм пишут о живописных лесах, озерах и знаменитых саунах. Финляндия и вправду очень красивая страна. И все же на знаменитом Длинном Мосту в Хельсинки мой финский знакомый рассказывал мне

¹ Вплоть до Зимней войны 1939 г. с СССР представителей рабочего класса не призывали в финскую армию. Им не хотели доверять оружие.

о том, что во время гражданской войны мост был последним рубежом обороны восставшей красной столицы.

Из гавани хорошо видно удивительно красивое здание — резиденция последнего русского губернатора. Его застрелил финский сепаратист. У берега фермеры-шведы прямо с лодок торгуют овощами: их предки жили здесь с тех пор, как Швеция завоевала Финляндию. По дороге в центр города я спросил, как пройти, на почти безупречном шведском, но прохожий-финн отвернулся от меня. Скорее всего, он решил, что я принадлежу к шведскому меньшинству, потомкам оккупантов, большинство которых до сих пор принадлежит к высшему классу. По его мнению, я обязан был говорить с ним по-фински, на языке, который мне полагалось выучить в школе, коль скоро я финский швед. Знай он, что я норвежец, которому негде было учить финский, он наверняка ответил бы мне вежливо, по-шведски, если мог, по-английски, или на языке жестов. Ну да бог с ним, я в конце концов сам нашел дорогу к дому своей давней приятельницы, которая только что стала матерью. Она назвала свою дочку Карелией в честь области, отошедшей к России после Второй мировой войны.

Не только озера, сауны и дружелюбие жителей делают Финляндию самой лучшей из скандинавских стран. Свою роль сыграла ее драматическая история. Правда, в последнее время появились признаки перемен. Финляндия начинает все более походить на остальные европейские страны с их скучной монополитической действительностью. Однако еще несколько лет назад я в очередной раз был поражен интенсивностью здешней культурной и политической жизни. Финнов волнуют вопросы жизни и смерти. Их история полна противоречий, а современность прибавила к ним новые. В тридцатые годы финское общество пережило всплеск фашизма. После войны в стране возникла мощная коммунистическая партия, причем радикальная молодежь избрала своим учителем Сталина, а не Мао, как в других скандинавских государствах (Суоминен, 1997). Вплоть до распада Советского Союза внешняя политика Финляндии заключалась в отчаянных попытках сохранить равновесие между Востоком и Западом. Таким образом, в финском обществе постоянно велись горячие дискуссии по целому ряду серьезных проблем. И здесь мы подходим к сути моего рассуждения. В подобной ситуации вним-

ние общества не могло сосредоточиться на теме преступности. Конечно, эта проблема тоже вызывала интерес, но в меру. В Финляндии происходит больше убийств, чем в других скандинавских странах, но они вызывают куда меньший резонанс¹. Только в последние годы Финляндия начала поддаваться бушующей в других странах истерии по поводу наркотиков. Здесь традиционно спокойнее подходили к обсуждению мер контроля над тем, что называется преступностью, чем в Скандинавии вообще. До недавних пор Финляндия представляла собой резкий контраст по отношению к другим странам, доказывая, что при наличии других важных тем для обсуждения общество не будет зацикливаться на преступности. Следовательно, непомерная озабоченность преступностью в наше время может объясняться отсутствием других точек интереса для общества. Хотя, возможно, что война в Ираке на какое-то время отвлекла внимание населения большинства западных стран от обычной преступности.

3.3. Слабое государство

Сегодня большинство национальных государств сталкивается с проблемой ослабления власти. Если государство не выполняет требований Крупного Капитала, он просто перемещается за границу. Так же поступает и Мелкий Капитал. В мире полно райских местечек, где нет высоких налогов и дорогостоящих социальных программ. Новым капиталистам эти программы ни к чему. Они готовы платить наличными, спасенными от налоговых служб старомодных государств, где социальную защиту всех членов общества все еще считают благом. Однако проводить политику социальной защиты, когда люди с деньгами покидают, или угрожают покинуть страну, становится все тяжелее.

Еще больше осложняет ситуацию для государств старого образца исчезновение противника. Холодная война означала преследование инакомыслия, нарушения прав человека, огромные траты на вооружение и работу спецслужб. Однако эта война — порой вовсе не холодная — придавала смысл некоторым действиям государства и нередко способствовала

¹ См.: Inkeri Anttila and Patrick Tornudd (1973), а также Tornudd (1996).

защите неимущих слоев. Правительства старались удовлетворять требования трудящихся, чтобы не допустить распространения коммунистической идеи. Западный истеблишмент активно поддерживал мероприятия, которые легко можно было счесть уступками социализму. Когда великое противостояние завершилось, права трудящихся и социальные гарантии, ранее бывшие частью системы обороны, превратились в досадные помехи на пути экономического развития.

В такой ситуации неизбежно появляется новый тип государства. Сильная государственная власть уже не нужна. Мировой рынок становится все сильнее, а роль государства становится все менее значимой. Экономическая ситуация требует Удобного слабого государства. Эта формулировка взята из книги Зигмунта Баумана «Глобализация» (1998). Вот что пишет Бауман о новой роли нового государства: «Чтобы полностью развязать себе руки, а также обеспечить свободу передвижения, мировой финансовый капитал, торговля и информационная индустрия нуждаются в создании фрагментирования — *morgellement*¹ — власти на мировой политической сцене. Они заинтересованы в существовании «слабых государств», которые, тем не менее, *остаются государствами*. <...> Такие слабые квази-государства способны исполнять (удобные) функции жандарма на страже интересов мирового капитала, но никогда не смогут ограничивать свободу его действий».

3.4. Контроль над преступностью как политическая арена

При норвежском парламенте работает некий юридический комитет. Эта чрезвычайно важная инстанция занимается обсуждением проблемы преступности. По словам председателя комитета, его работа существенно отличается от работы других комитетов такого рода. Его представители все время на виду: им звонят и пишут письма, они выступают по радио и телевидению, появляются на страницах газет. Войти в состав юридического комитета для политика означает выйти из тени, стать публичной фигурой.

¹ Дробление (фр. — *Прим. пер.*)

То же самое происходит в Дании и Швеции. Преступность постоянно находится в центре внимания политиков. Впрочем, так было не всегда. В послевоенный период термин «криминальная политика» (или, как говорят в Скандинавии, «*kriminalpolitik*») не соответствовал своему названию. Тогда этой проблемой занимались не политики, а специалисты. Политики лишь покорно проводили в жизнь их решения. Дипломированные юристы пользовались огромным авторитетом. В Норвегии до 1973 года министром юстиции мог стать только человек с высшим юридическим образованием. Как можно решать правовые проблемы или, тем более, определять справедливое наказание для преступника, не будучи профессиональным юристом? Парламентарии, в особенности руководители юридических комитетов, стремились во всем опираться на знатоков права. В норвежском парламенте эту должность на протяжении двадцати лет занимал один и тот же человек. Он не принадлежал к правящей партии. Этому политику удавалось так долго оставаться на своем посту по двум причинам. Во-первых, в то время деятельность юридической комиссии была скорее технической, чем политической, и требовала множества специальных знаний. Должность председателя юридического комитета не была престижной и потому не пользовалась большой популярностью. Кроме того, прежний председатель, хотя и не имел юридического образования, со временем стал рассуждать и действовать как юрист и восприниматься в качестве такого. Он пользовался таким уважением других юристов, что никто уже и не замечал отсутствия у него юридического образования. Он отделил преступность от политики и политику от преступности.

Но теперь времена изменились.

В условиях удобной слабости государства большинство политиков стремится во что бы то ни стало иметь отношение к правосудию, прежде всего уголовному. Причины очевидны: сегодня у них остается все меньше возможностей для самовыражения и демонстрации партийной линии, все меньше тем, способных сделать их популярными среди населения. В обществе, где целью жизни считается зарабатывание как можно большего количества денег, а нерегулируемая государством рыночная экономика является единственным средством достижения этой цели, преступность становится важнейшей

ареной для политики, точнее, того, что осталось от политики. На этой арене можно доказать, что политик достоин голосов избирателей, что у него есть цели и ценности, с которыми они могут идентифицироваться. В 2004 году в свет должна выйти книга Джонатана Саймона «Управление через преступление». Едва ли возможно точнее описать сложившуюся ситуацию.

Повсеместно политики стремятся доказать, что именно они и их партии находятся в авангарде «войны» с преступностью. Билл Клинтон и Тони Блэр не раз выступали с этих позиций. Готовность сделать это выражает и Джордж Буш (к проблеме терроризма мы еще обратимся). Партии и отдельные политики не имеют возможности проявить себя на другом поприще и потому, опережая друг друга, предлагают все более суровые меры. Все, что связано с преступлениями и их профилактикой, приобретает особое значение. Привратники слабого государства стараются доказать свою значимость. Преступность, точнее, борьба с ней, становится опорой такого государства и оправдывает его существование.

Можно предположить что у нас в Скандинавии, с нашим стремлением ко всеобщему благосостоянию и традицией заботы о неимущих, дела обстоят по-другому (Mathiesen, 1965). Это действительно так. Достаточно обратить внимание на низкое число заключенных в скандинавских тюрьмах. По сравнению с тем, что происходит в других развитых странах, скандинавские политики демонстрируют удивительное чувство меры. То же самое можно сказать о следователях и судах. В небольших странах, где все на виду друг у друга, не так легко оправдывать карательные меры заботой о благосостоянии государства. Однако это становится возможным, если представить жестокость необходимой мерой для защиты слабых и обездоленных. Пример тому — поля наркотиков. Северные страны не только не сопротивлялись вовлечению в эту кампанию, но и фактически возглавили ее. Особенно высокую активность проявляет Швеция.

3.5. Наказание в системе социальных гарантий

Швеция кажется воплощением понятия благосостояния. Страна, в которой целые поколения не знали войны и бедствий.

Страна, которой вот уже много лет правят социал-демократы. Страна, жители которой заботятся друг о друге.

История развития этого государства всеобщего благосостояния описана Хенриком Тамом (Tham, 1995 / 2001). По его мнению, в начале социал-демократы уделяли проблеме преступности мало внимания. Их гораздо больше интересовали социальные реформы, направленные на улучшение жизни бедных слоев. Эти реформы стали основой здорового общества. Постепенно социал-демократы стали больше интересоваться уголовной политикой, но в первую очередь их реформы были направлены на смягчение наказаний. Леннарт Гейер, министр юстиции Швеции в семидесятые годы, поставил целью, чтобы в стране было не более пятисот заключенных, а не четыре тысячи, как было на тот момент.

Однако вскоре ситуация резко изменилась. Война с наркотиками докатилась и до Швеции. Правила этой войны требовали ужесточения наказаний в качестве оружия. Улоф Пальме, бывший в то время премьер-министром, пытался охладить энтузиазм ревнителей карательных мер, доказывая, что в реформе нуждается общество в целом, так как причины злоупотребления наркотиками коренятся в самом общественном устройстве. Однако у его оппонентов было свое мнение. Левые радикалы припомнили слова Карла Маркса о том, что люмпен-пролетариат является врагом рабочего класса. Другие, тоже левые, нередко из работающих в учреждениях по реабилитации наркоманов, ссылались на традицию Рабочей партии помогать слабым и незащищенным членам общества. Они утверждали, что молодежь находится в смертельной опасности, и защитить ее могут лишь суровые меры по отношению к наркоторговцам. Общество, свободное от наркотиков, стало официальной целью. Шаг за шагом меры наказания ужесточались не только ради войны с наркотиками, но и в других сферах. Как отмечает Хенрик Там, в течение последних двадцати лет государство развернулось на сто восемьдесят градусов: призывы ограничить применение тюремного заключения сменились требованием вооружиться, что естественным образом подразумевало более широкое применение тюремного заключения.

В этот момент к требованиям ужесточить уголовное наказание присоединились также и либералы с консерватора-

ми. Для многих это стало неожиданностью. В особенности либералы традиционно декларируют уважение к отдельной человеческой личности и ее правам. По мнению Хенрика Тама, гуманистическая традиция в Швеции была слабее, нежели в других европейских государствах, поскольку там дольше всего сохранялись средневековые феодальные отношения. Едва миновав феодальный период, страна оказалась под управлением социал-демократов. Либеральная традиция не успела укорениться в общественном сознании.

Возможно, так оно и есть. Швеция и, в меньшей степени, Норвегия проявляет исключительную активность в войне против наркотиков, мотивируя это социал-демократической традицией. Вне всякого сомнения, что тяготение к ужесточению наказаний за наркопреступления в значительной мере объясняется заботой о всеобщем благосостоянии и стремлением защитить слабых. Однако в результате страдают именно те, кого государство пытается защитить. В опубликованном Тамом в 2003 г. докладе семь специалистов сходятся во мнении, что война против наркотиков обходится Швеции слишком дорого. Один из авторов доклада Маркус Хейлиг пишет (с. 41, перевод мой — Н. К.):

«Принято считать, что в политике в отношении наркотиков и реабилитации наркоманов Швеция проявляет себя как прогрессивное государство. Но в реальности все по-другому. Мне, как исследователю, врачу, просто нормальному человеку, такая политика кажется чудовищной».

По словам Хейлига, существуют хорошо изученные и эффективные методы лечения от героиновой зависимости, но по идеологическим причинам большинству наркоманов в них отказывают. Согласно приведенным Ленке и Олсоном, сведениям, столь высокая смертность среди наркоманов абсолютно неприемлема для так называемого государства всеобщего благосостояния. Там и Трескман указывают на непропорциональную суровость антинаркотического законодательства, если сравнить принятые в его рамках наказания с наказаниями за другие виды преступности¹.

¹ Согласно Францену (Frantzen, 2001), ситуация в Норвегии немногим лучше. Подробное описание политики в отношении наркотиков в скандинавских странах см. у Christie and Bruun (2003). Книга доступна на основных скандинавских языках и по-немецки.

Война с наркотиками привела к заключению весьма любопытного альянса — союзниками стали Швеция и США. Швеция обеспечивает совершенное алиби, так как всем известна ее репутация государства всеобщего благосостояния. Если уж такая страна считает, что в войне против наркотиков все средства хороши, значит, так оно и есть. Значит, это война за всеобщее благосостояние, в противном случае Швеция не стала бы в нее ввязываться. Швеция отвечает за законность, а США — за материальную сторону предприятия. США обладают достаточной мощью, чтобы организовать физическое истребление врага на чужой территории — например, в Колумбии, а также в Афганистане, где производство опиума достигло прежних показателей, или прибегнуть к экономическому давлению на государства, которые, по их мнению, не проявляют должного рвения в преследовании наркоторговцев. Судя по непомерному количеству заключенных, активные военные действия ведутся и в самих Соединенных Штатах. Оба государства тратят огромные средства на войну с наркотиками, осуществляемую ими в рамках программ ООН¹, что фактически позволяет им играть решающую роль в выборе средств, которые используются в этой войне.

Война с наркотиками ведется во имя благих целей. Что интересно, это весьма помогает усилить контроль над слоями населения, представители которых в любом обществе чаще всего оказываются за решеткой. Численность заключенных говорит сама за себя. В настоящее время половина заключенных шведских и норвежских тюрем осуждена за преступления, связанные с наркотиками. В общем и целом, они ничем не отличаются от тех, кто сидел в наших тюрьмах в прошлом. Это все те же люди из низов общества. Просто теперь к их прочим атрибутам добавились еще и наркотики.

3.6. Незаменимая мафия

Миролюбивый и добрый враг — плохой враг. Нет, враг должен быть жестоким и опасным. И сильным. Достаточно сильным, чтобы стяжать славу в борьбе с ним. Но не настолько

¹ Наиболее адекватное описание политики комиссии ООН по наркотикам см. у Bruun, Rexed and Lynn (1975).

сильным, чтобы эта слава не стала посмертной. Создание образа неприятеля — один из важнейших факторов подготовки к войне. В нашем случае незаменимыми становятся понятия «мафия» и «организованная преступность». Крайняя расплывчатость делает их универсальными ярлыками для обозначения злых сил. Слабое государство охотно прибегает к ним, преследуя свои цели.

* * *

От Хельсинки до Санкт-Петербурга всего несколько часов на поезде. Вежливые финские пограничники, не менее вежливые русские. Первую большую остановку на российской территории поезд делает в Выборге, где здание вокзала напоминает дворец. Должно быть, здесь останавливались русские цари по пути в свои финские владения. За пять минут до конечной станции в Петербурге состав проходит мимо «Крестов». Что ж, название вполне соответствует функции. «Кресты» — это окружная тюрьма Санкт-Петербурга, ставшая знаменитой благодаря Анне Ахматовой (1882–1966). Поэтесса посвятила одну из своих поэм узникам «Крестов», среди которых был ее сын. И по сей день это одна из худших тюрем в Европе; она рассчитана на две-три тысячи заключенных, но в настоящее время в ней сидят девять тысяч.

* * *

Санкт-Петербург — жемчужина России и ее дно. Этот город был построен, чтобы удовлетворить изысканные вкусы аристократии и продемонстрировать мощь империи, он полон бесценных сокровищ и памятников. И задыхается от количества преступлений, если верить туристическим проспектам, милиционским отчетам и работам некоторых криминологов. И показатели неуклонно ухудшаются. Число убийств, тяжких телесных повреждений, грабежей растет по всей России, но особенно в Москве и Санкт-Петербурге. За всем этим стоит мафия или, по меньшей мере, организованная преступность. Людого, кто собирается поехать в Россию, сразу начинают пугать этими зловещими словами. Которые могут означать все, что угодно, и в то же время ничего.

Вот такие ужасы. Существует, однако, и другая точка зрения.

Наиболее авторитетным из скандинавских специалистов в этой области является Йоханнес Бэкман. В своих статьях, выпущенных недавно в одной книге под общим названием «Раздутая ситуация с преступностью в России» (Bäckman, 1998), он показывает, насколько полезным может быть образ мафии. И не только в России, но и за ее пределами. В главе «Русский жанр как способ конструирования реальности» исследователь рассматривает использование темы мафии в западной литературе и особенно в кино: «Русский жанр породил на редкость доходную индустрию. Прибыль от мирового проката фильма «Золотой глаз» (*Golden eye*, одна из частей « бондианы » — фильмов о агенте 007 Бонде. — Прим. мое), к примеру, составила триста пятьдесят миллионов долларов при бюджете в шестьдесят миллионов. По приблизительным оценкам, в 1990-е гг. фильмы русского жанра собрали миллиард долларов только в США, а по всему миру — около трех миллиардов. По сравнению с 1980-ми гг. прибыль выросла в два раза. Приблизительные подсчеты с использованием информации, почерпнутой на сайте «Интернет муви датабэйз 1997», (то есть Интернет-базы данных о фильмах) не учитывают доходы от беллетристики и журналистики, где «русский жанр» также активно эксплуатируется.

Не исключено, что прибыль от историй о русской мафии уже превысила доходы от самого криминального бизнеса».

Западные обыватели охотно покупают истории о русской мафии. Ее образ пригодился и западным политикам. Они постоянно разыгрывают мафиозную карту. В Конгрессе США проходят слушания по поводу организованной преступности в России. Образ врага времен холодной войны канул в прошлое, но на смену ему пришли русские мафиози — хладнокровные, могущественные, непредсказуемые, и, разумеется, очень опасные. Разве можно доверять стране, которой правит мафия? Британский криминолог Патриция Роулинсон, поклонник русской культуры и проницательный исследователь российской действительности, пишет (Rawlinson, 1998, р. 346): «Дискредитированное специалистами еще в семидесятых обывательское представление о «мафии» получило новую жизнь благодаря охватившему Запад страху возникновения и распространения за пределы бывшего СССР русской организованной преступности. Привыкшие к риторике времен хо-

лодной войны с ее черно-белой картиной противостояния коммунизма и капитализма, средства массовой информации опять предлагают нам предвзятое и примитивное представление — теперь о «русской мафии», преувеличивая ее опасность, сбивая с толку и запугивая читателей, что только ухудшает сложившуюся ситуацию».

Роулинсон описывает усилия, прилагаемые масс-медиа для создания драматического образа «ужасных мафиози» (pp. 354–355): «Спрос на интервью с российскими гангстерами значительно превышает предложение, он давно превратился в источник дохода для целого ряда ловких предпринимателей. За определенную плату мелкие бандиты и даже обычные ребята готовы «сыграть мафиози» для журналистов».

Однако, как уже говорилось, и в самой России интерес к теме мафии не утихает. Бэкман предлагает несколько объяснений этому феномену. Россия переживает не лучшие времена, а изменения к лучшему происходят не так быстро, как хотелось бы. На мафию можно списать многие проблемы. Кроме того, существует явление, которое Бэкман называет «раздуванием мафии». На протяжении семидесяти лет стремление к личному обогащению приравнивалось к преступлению. В новой России оно в одночасье превратилось в признанную модель поведения — на сей раз для построения капитализма. Неудивительно, что общество оказалось сбитым с толку и до сих пор неправильно трактует многие явления. Бэкман отмечает и характерную для российского общества традицию опоры на личные связи. Человек, которому нужна помочь, в первую очередь обращается к друзьям, или к друзьям друзей, и так далее. Эта традиция распространяется на бизнес и общение с властями. Можно назвать это коррупцией и происками мафии. А можно увидеть в подобных явлениях общественные отношения, основанные на доверии, а не на деньгах. Если принять во внимание тоталитарное прошлое и сегодняшнюю ситуацию крайней слабости государства, вполне естественно, что люди пользуются системой личных связей в качестве защиты от нестабильности. Тем не менее, социальные явления такого рода приводят к возникновению привилегий «для своих», что вызывает понятное недовольство со стороны тех, кто не принадлежит к «своим» и оказывается за пределами функционирования системы, основанной на лич-

ных связях и взаимном доверии. Вполне естественно, что членов таких систем и групп прочие, непrivилегированные, спешат объявить мафиози.

* Российские власти активно используют страх перед мафией, чтобы вернуть Министерству внутренних дел былое могущество и расширить полномочия правоохранительных органов. Еще совсем недавно Россия была настоящим раем для милиции. Блюстителям порядка было известно местонахождение каждого гражданина. Простые люди не имели права переезжать с места на место. Формально крестьян освободили в 1861 г., но на деле с 1932 г. до недавнего времени все жители России были крепостными. В одной из работ Шелли, написанных еще во время существования старого режима (1980), исследователь описывает функционирование этой системы: «Жизнь каждого советского гражданина регулируется посредством паспортного контроля и государственной демографической политики. <...> При помощи внутреннего паспорта, а также института постоянной прописки становится возможным значительно ограничить свободу передвижения. Без предъявления внутреннего паспорта невозможно ни приобрести билет на самолет или поезд дальнего следования, ни снять номер в гостинице. Лица, не имеющие паспорта, могут пользоваться только городским и пригородным транспортом» (р. 113).

Страх перед мафией может послужить оправданием для возврата к таким мерам контроля.

3.7. Слова как оружие

Значит ли это, что мафии не существует вовсе?

Этого я утверждать не могу, я только присоединяюсь к мнению Гилинского (Gilinsky, 1997), который считает понятие мафии на редкость неопределенным. Именно в силу своей расплывчатости термин одинаково полезен и для киноиндустрии, и для МИДов — на Западе, да и в России его повторяют как напуганные граждане, так и сотрудники Министерства внутренних дел.

Однако понятие, которое используется таким количеством людей в самых разных целях, именно по причине своей многоликости никак не может помочь найти ответы на важные

для нас вопросы: существует ли в России развитая организованная преступность? Усиливается ли она? Каково ее будущее? Мафия — это своеобразное концептуальное оружие. Наблюдая над тем, какое применение в обществе находит такая концепция, можно лучше понять жизнь самого общества. Но сколько бы мы ни изучали разнообразные интерпретации терминов «преступление» и «мафия», мы не узнаем ничего о причинах возникновения или распространения нежелательного поведения.

Не приходится сомневаться в том, что в России, как и в других странах, нежелательные поступки, ужасные поступки, поступки, очевидным образом противоречащие отечественному и международному законодательству, порой совершаются не одним человеком, а целой группой лиц. Иногда это довольно крупные группы лиц, которые могут состоять из людей одного возраста, пола, национальности; случается, что они объединяются в иерархические структуры, подчас контролируя определенные территории, подкупая представителей власти, убивая своих жертв и конкурентов. Однако при таком многообразии деятельности неизбежно возникают проблемы с классификацией. Что из вышеприведенного списка можно считать признаками деятельности «мафии» или «организованной преступности»?

- Каковы внешние приметы мафиозной структуры: размер, наличие иерархии, внутреннего контроля, территории, на которой она действует — в пределах одной страны, или и за рубежом?

- Некоторые из этих организаций действуют предосудительным образом во всех аспектах своей активности, другие — только в определенных ситуациях, трети — практически никогда. Опять-таки: какого рода активность можно считать признаком мафии или организованной преступности?

- Наконец, случаются, что такие организации со временем отказываются от криминальной деятельности. Остаются ли они в этом случае мафией или превращаются в легальные бизнес-структуры?

Хокинс (Hawkins, 1969) сравнил организованную преступность с богом. Их объединяет одна черта: ни существование Бога, ни существование мафии нельзя опровергнуть. Я бы

добавил еще, что люди склонны использовать — и злоупотреблять обеими концепциями с самыми разными целями.

* * *

Мафии, как явления, в строгом смысле этого слова не существует. Нельзя дать ей определения, измерить, сравнить с другими явлениями. Между тем, мне доводилось встречаться с настоящими мафиози. Или с теми, кто их хорошо знает. Эти люди показались мне опасными. *Этого они и добивались.*

3.8. Мафия как продукт культуры

Я повстречал их совсем недавно на узкой дороге вдоль побережья Балтийского моря. Их роскошный автомобиль остановился и перегородил дорогу. Наш старенький автобус никак не мог проехать. Парни разыграли настоящий спектакль: подчеркнуто неторопливо направились к своей машине, мучительно долго возились с дверями и очень медленно отъехали в сторону, пропуская нас. У дорогих ресторанов можно наблюдать представления другого рода: у дверей появляется шикарный «порше», а за ним еще несколько автомобилей. Машины паркуются рядом друг с другом. Из них выходят большие, богато одетые молодые люди в сопровождении длинноногих женщин в шелках, мехах и золоте, каждое движение которых полно высокомерия и вызова.

Сначала я думал, что все дело в плохих манерах, свойственных нуворишам. А потом вспомнил о Джоан Нойбергер.

Джоан Нойбергер (Neuberger, 1993) написала замечательную книгу «Хулиганство. Преступность, культура и власть в Санкт-Петербурге 1900–1914 гг.». Слово «хулиган» было заимствовано русским языком в конце XVIII в., более-менее сохранив свое первоначальное значение. Автор открывает свою книгу цитатой из газетной статьи 1913 г.: «Страшная напасть, известная под названием „хулиганство“, поразила наш город и угрожает общественной безопасности. Разбой, драки, поножовщина, чудовищная распущенность нравов, беспробудное пьянство стали обыденным явлением на улицах города, причем занимаются этим не только взрослые мужчины, но и женщины, и даже дети».

Джоан Нойбергер продолжает: «Общественное мнение объединяло не связанные между собой правонарушения, потому что в среде мелких преступников и прочих представителей городского дна зарождалась новая ментальность. Хулиганы почувствовали в себе новую силу <...> основанную на способности унизить и запугать более респектабельных прохожих, которые занимали более высокое положение на экономической и общественной лестнице. Избегая открытого противостояния с властными структурами, они выражали протест символически, бросая вызов сложившейся общественной иерархии с помощью определенного публичного поведения.. Эти люди расшатывали общественные устои, но в то же время их поведение являлось индикатором общей для зарождающегося русского мегаполиса атмосферы скрытой враждебности, страха и неуверенности» (р. 2).

Мафия, как и хулиганство, — заимствованное с Запада понятие, которое было приложено к местным реалиям, сохранив первоначальное значение. Новому понятию тут же была найдена новая роль. Возможно, само явление совсем не было новым, возможно, оно существовало довольно давно, пусть и в зачаточном состоянии. Потом пришло слово, чтобы определить его. Потом все больше людей стали подгонять под новое определение. Постепенно на основании понятия сложилась соответствующая модель поведения.

А попробуем приложить ход мыслей Нойбергер к анализу современной ситуации. Если поведение — это своего рода послание обществу, значит, надо разобраться, в чем заключается послание нуоришер, что они хотят сказать обществу своим поведением. Хулиганство было формой протesta, который милиция, криминологи и социальные работники во что бы то ни стало хотели подавить. Русские нуориши — блестящие от золота, молодые и очень богатые — это своего рода российский эквивалент западных художников граффити. На Западе граффити выражают неприятие общепринятых культурных ценностей — как моральных, так и эстетических. Символы и знаки играют в нашей жизни огромную роль. Граффити на стенах ратуши или дверях собора — это в некотором роде контратака несогласных, попытка выразить альтернативный взгляд на мир (Skardhamag, 1999; Hølgård, 2002). На протяжении семидесяти лет в России частью официаль-

ной идеологии была пуританская рабочая этика. Моделью поведения и идеалом был рабочий-стахановец, чей образ глубоко укоренился в общественном сознании. А нам плевать на старые идеалы, мы едем на «порше», куда захотим, как будто говорят нам новые богачи.

Однако, пытаясь дискредитировать старые идеалы, нуориши тем самым неосознанно подтверждают их существование, а также способствуют усилению роли государства.

* * *

С помощью Бэкмана нам удалось доказать, что страх перед мафией выгоден государству. Он позволяет найти «объяснение» многим общественным аномалиям и оправдывает усиление властных структур. Тем не менее, государству приходится платить определенную цену за использование концепции мафии и всего, что с этим связано. Из-за бесконечных спекуляций на мафиозной тематике создается впечатление, что нежелательные деяния, вроде убийств или ограблений, происходят в России чаще обычного. Другими словами, что россияне совершают куда больше предосудительных поступков, чем жители западных стран.

А разве это не так?

На основе доступной нам информации сложно сделать какие-либо выводы. Насколько я могу судить, в России совершается больше преступлений против личности, чем в Западной Европе, но не больше, чем в США или Латинской Америке. Однако причины насилия в России такие же, как в Европе. Чаще всего преступления совершаются в семье, в пивных заведениях или рядом с ними. И в большинстве случаев агрессивность подогревается алкоголем. Причиной насилия становится нищета, усугубленная традиционным для русской культуры поведения пьянством. Кауко Аромаа и Андрай Авен (Aromaa, Ahven, 1995) говорят о схожих тенденциях в Эстонии. Большая часть убийств там совершается на бытовой почве, а не по вине мафии.

Количество поступков, именуемых кражами и ограблениями, судя по всему, выросло. Однако по иностранным туристам судить нельзя — их богатство бросается в глаза, что делает их особо привлекательной мишенью для грабителей. Постепенно Россия становится обыкновенным классовым

государством и сталкивается с присущими такому государству социальными проблемами. Тем не менее, мои собственные наблюдения и общение с русскими друзьями и скандинавскими коллегами, которым приходится бывать в России, не дают оснований полагать, что ситуация в этой стране существенно отличается от положения в западных государствах. Исследование Аромаа и Лехти (Aromaa, Lehti, 1995) подтверждает мои предположения.

Может показаться, что нарисованная мной картина слишком резко противоречит образу, создаваемому средствами массовой информации. Возможно, я слишком пристрастно отношусь к нашим соседям? Не преуменьшаю ли я их проблем? В газетах пишут совсем другое. А что если они все-таки опасны, эти русские?

По крайней мере, не те из них, кто бывает в Финляндии. Каждый год эту страну посещает миллион россиян. В 1998 г. Бэкман рассказал о результатах их нашествия на ежегодном Семинаре по изучению северных стран: «Несмотря на то, что в Финляндию каждый год приезжает миллион граждан России, согласно статистике, лишь один процент всех преступлений совершается русскими¹. В основном это нарушения правил дорожного движения и мелкие кражи. В 1996 г. в совершении убийств на территории Финляндии подозревались трое россиян и один швед, в то время как число подозреваемых в убийстве финнов составило свыше пятисот человек. Из трех тысяч двухсот заключенных только шестеро являются гражданами России».

Резкое увеличение числа российских водителей на финских дорогах не привело к ожидаемым рекам крови²: в 1997 г. на финских дорогах погибли около четырехсот человек, но лишь в девяти случаях виновниками аварий были жители России.

3.9. За пределами понимания

Проблематичность определения концепции мафии опять со всей остротой встала в начале 2003 г. На этот раз причиной

¹ В Финляндии 5 миллионов жителей.

² Каждый год финскую границу пересекают 300 тысяч автомобилей из России (Bakman, p. 2).

стали события в Белграде, столице бывшей Югославии. Мы узнали, что премьер-министр Зоран Джинджич был убит мафией. Общество объявило гангстерам войну.

• Все успели позабыть недавнюю историю Югославии. Международная блокада способствовала буйному расцвету контрабанды. Причем при полной поддержке государства, ведь только благодаря нелегальной торговле жизнь в Югославии могла продолжаться. Контрабандисты получали огромную прибыль и прекрасно понимали, что означает для страны их деятельность. Не то чтобы они в одночасье стали героями и начали вести себя благородно. В результате их деятельности образовалась теневая экономика, а ее особенность заключается в том, что она неподвластна контролю государства, и, следовательно, возникающие в ее среде конфликты невозможны разрешить законным путем. В такой ситуации конфликты имеют тенденцию усугубляться, что приводит к всплеску насилия. Но особенно сложная ситуация складывается тогда, когда меняются *внешние обстоятельства*: воцаряется хрупкий мир, как в Северной Ирландии, или кончается блокада, как в Югославии. Тогда государство стремится установить контроль над еще вчера полезным, а сегодня уже преступным бизнесом. В какой-то момент контрабандисты сослужили службу премьеру Зорану Джинджичу. А потом пришло время вернуть их в общество.

Существует несколько путей решения подобных проблем. Можно признать заслуги нелегальных бизнес-группировок в деле спасения государства и простить им прежние прегрешения. Это сделает возможным возвращение бывших преступников в ряды законопослушных граждан, хотя не исключено, что не все захотят такой возможностью воспользоваться. К тому же, по понятным причинам они все равно будут вызывать ненависть у значительной части населения. Нередко теневые бизнес-структуры связаны с определенными политическими силами. В этом случае искушение приклейт к ним ярлык мафии становится особенно сильным, и если получается, тогда можно призвать общество на войну с ними. Война с мафией — вполне благовидный предлог для уничтожения политических оппонентов. Выбор терминологии определяет и понимание явления, и общественную реакцию на него.

3.10. Террор

«Мафия» — не единственное понятие, которое государство успешно использует в своих целях. Как показывают события в Чечне, не менее полезным может оказаться образ «террориста». Война идет не с военными, не с борцами за свободу и не религиозными экстремистами, а именно с террористами. По словам Сергея Ковалева (Kovalev, 2000), директора Московского института гражданских прав и депутата Государственной думы:

«Российские политики заговорили на новом языке — на языке преступного мира... Старые понятия наполняются новым значением. Так, под словом «террорист» раньше понимали члена преступной группы, которая специализируется на политических убийствах. Теперь «террорист» значит просто «вооруженный чеченец». В военных сводках из Чечни так и говорится: «В районе Гудермеса была окружена банда из трех тысяч террористов»; «две с половиной тысячи террористов ликвидированы в Шали». А саму войну называют исключительно «антитеррористической спецоперацией российских войск».

Результатом подобной политики стал произвол московской милиции по отношению ко всем без исключения чеченцам или хотя бы похожим на чеченцев людей. Страх перед терроризмом помог Путину добиться власти и, как полагает Ковалев, может привести страну к авторитарно-полицейскому режиму при сохранении формальных признаков демократии и продолжении экономических реформ.

* * *

Я написал это до 11 сентября. События последнего времени являются еще одним аргументом в пользу моей правоты.

3.11. Тролли

11 сентября мир изменился. Не потому, что мы узнали о трех угоненных самолетах и представили себе, что происходило на борту в последние минуты их полета. И не потому, что в Нью-Йорке рухнули башни-близнецы. И не потому, что погибли две тысячи восемьсот человек. Несомненно, это ужасно. Но в бесчеловечной человеческой истории случалось и не такое. Были две мировые войны. Были Освенцим, Хироси-

ма и Нагасаки, Дрезден, ГУЛАГ, Вьетнам и Кампучия. Были куда более страшные вещи.

Так в чем же дело?

Дело в том, что удар был направлен не только против Нью-Йорка и даже не только против США. Он был направлен против всех нас, против Запада в целом. Смерть сошла с неба в ясное, солнечное утро. Какое элегантное злодеяние! Возможно, нас потряс контраст формы и содержания. Смерть должна была прийти из мрачных подземелий. Земля должна была развернуться у нас под ногами, и показаться тощая рука с костлявыми пальцами, рука тех, кого не пустили к разделу большого пирога, не дали воспользоваться плодами материального прогресса наравне с западным обществом. А после осуществления мести в мире воцарился бы новый порядок. С этим было бы легче примириться.

Но президент Буш не увидел тут костлявой руки жителей подземелья. Он дал случившемуся совсем другое объяснение. Вот цитата из его нашумевшего Обращения к Конгрессу и американским гражданам от 20 сентября:

«Мы, американцы, спрашиваем себя: за что они так нас ненавидят? Они ненавидят то, что мы видим в этом зале: правительство, избранное демократическим путем. Их лидеры назначают себя сами. Они ненавидят наши свободы: свободу вероисповедания, свободу слова, свободу выбора, свободу соглашаться или не соглашаться друг с другом...»

Когда речь заходит об интерпретации событий 11 сентября, в ход идет самая мрачная риторика. 5 декабря президент заявляет:

«Злодеи по-прежнему хотят погубить Америку. <...> Настало время для всего свободного мира объединиться и защитить свои ценности, так ненавистные злу».

Слова президента возвращают нас к криминологии. И там, и здесь налицо некие ужасные люди, прямо-таки чудовища. И мы должны их прогнать. А лучше уничтожить. Или, как сказал Буш 20 сентября: «...мы обязаны победить терроризм, угрожающий жизни наших граждан, остановить его, уничтожить его, разрушить его гнездо». (Аплодисменты).

Подобная риторика отнюдь не безопасна. «Они злые», и разговор окончен. Споры исчерпаны, ответ найден, и дальнейшие интеллектуальные усилия излишни.

Как поступить со злыми людьми, совершенно ясно. Их нужно устраниить. Придется начать войну. Войну на уничтожение.

* * *

У нас в Скандинавии тоже есть свои чудовища, не настолько злые, как террористы, конечно, но чем-то их напоминающие. Как правило, эти чудовища несколько туповаты. Мы называем их троллями. С троллем нельзя договориться. Не стоит пытаться приручить его или включать в специальные программы реабилитации. Тролль есть тролль, и баста.

Главных действующих лиц теракта 11 сентября никто не называл троллями. Их назвали террористами, а Усаму Бен-Ладена объявили «главным террористом».

В криминологии эта проблема существует давно. Тех, кто устроил 11 сентября, называют террористами. Но разве сущность людей определяют их поступки? Разве стремление красть — главная характеристика вора, а стремление убивать — того, кто совершил убийство? Люди-поступки, во всяком случае, те, кто близко подошел к этому состоянию, существуют. Такими были, наверное, Ганди и Иисус. Но, как правило, человеческая личность устроена гораздо сложнее. Человек может совершать крайне предосудительные поступки, однако у него есть и другие стороны. Осознав это, ты уже не сможешь считать своего ближнего чудовищем, даже если определенные аспекты его поведения являются совершенно неприемлемыми.

Впрочем, такой подход — отделение личности от ее поступков — вызывает много споров, в том числе и среди криминологов. И у нас есть свои монстры. Их принято называть психопатами. Больше всего на чудовище похож тип психопата, который на моем родном языке зовется «*føleleskald psykoperat*». Это можно перевести как «бесчувственный психопат» или «хладнокровный психопат». Сам я еще ни разу не сталкивался с такими людьми, но некоторые психиатры имеют с ними дело постоянно.

* * *

Орхан Памук не согласен с Джорджем Бушем. Памук — стамбульский писатель. В эссе, опубликованном в «Нью-Йоркском книжном обозрении» 15 ноября, он пишет: «Это не

ислам породил самых жестоких и изобретательных террористов в истории человечества, и даже не бедность; их породили чудовищные унижения, которым подвергаются жители стран третьего мира. Еще никогда в истории человечества пропасть между богатыми и бедными не была столь глубокой... (и) ...никогда еще бедных с такой настойчивостью не бомбардировали картинами чужой роскоши, как это делается сейчас с помощью телевидения и Голливуда».

* * *

У норвежских троллей есть одна ахиллесова пятка. Они боятся солнца. С первыми солнечными лучами тролли лопаются или превращаются в камень. Вот откуда взялись странные окаменелости в горах Норвегии.

Чем больше мы знаем о человеке, тем сложнее нам поверить, что он — чудовище. А узнать другого можно как через личное общение, так и путем научного исследования. Если мы научимся лучше понимать поведение других и тем более, если сумеем поставить себя на их место, Чудовище исчезнет.

Однако государству чудовища могут быть очень даже полезными.

4. Тюремное заключение как решение

4.1. Стимулирование преступности общественным согласием

Если бы я был всесильным диктатором и для каких-то своих целей нуждался в росте преступности, я бы ввел общественную организацию, повторяющую те, что существуют в наши дни в большинстве стран.

В нашем обществе очень легко — и в интересах очень многих — объявить любые формы плохого, безумного, странного, эксцентричного, неприличного или просто нежелательного поведения преступлениями. Существующее общественное устройство дает прекрасные условия для распространения нежелательного поведения и в то же время не оставляет почти никаких возможностей для неформального контроля над ними. С этим очевидным образом связано и количество заключенных в индустриально развитых странах. Пенитенциарные системы большинства государств подвергаются тяжелейшей нагрузке. Здесь, однако, возможны и исключения. Количество заключенных в любой стране зависит также от особенностей ее исторического развития, главенствующей идеологии и не в последнюю очередь — от доброй воли государства поискать другие пути решения проблем, кроме карательных мер.

Таблица (с. 78–79) отражает число заключенных на 100 тысяч жителей в разных частях земного шара. Страны в каждом регионе расположены в зависимости от количества заключенных, по убыванию. Большинство цифр взято из статистических данных, собранных Роем Уолмсли (Walmsley, 2003)

и периодически обновляемых усилиями Международного центра изучения тюрем¹. Некоторые данные базируются на информации, полученной мною лично в общении с администрацией тюрем в странах, где мне удалось побывать. Иногда мои данные расходятся со сведениями, которые предоставляют Рой Уолмсли и Международный центр изучения тюрем, однако в целом расхождения довольно незначительны. Большинство цифр относится к 2000–2003 гг.

* * *

Таблица

Количество заключенных на 100 тысяч жителей

Западная Европа

Англия / Уэльс	139
Португалия	135
Испания	126
Италия	100
Франция	99
Нидерланды	93
Германия	91
Ирландия	86
Австрия	85
Бельгия	85
Греция	80
Швейцария	69
Дания	66
Финляндия	66
Швеция	64
Норвегия	62
Исландия	37

Центральная и Восточная Европа

Российская Федерация	597
Белоруссия	554
Украина	406
Латвия	361
Эстония	328
Литва	327
Молдавия	300

¹ <http://kcl.ac.uk/depsta/rel/icps/worldbrief/>

Польша	260
Румыния	215
Грузия	196
Венгрия	176
Чешская Республика	159
Словакия	139
Болгария	114
Турция	89
Словения	56
<i>Северная Америка</i>	
США	730
Канада	115
<i>Центральная Америка</i>	
Белиз	459
Куба (приблизительно)	500
Панама	359
Коста-Рика	229
Гондурас	172
Сальвадор	158
Мексика	156
Никарагуа	143
Гватемала	71
<i>Южная Америка</i>	
Чили	204
Уругвай	166
Бразилия	137
Колумбия	126
Аргентина	107
Перу	104
Боливия	102
Парагвай	75
Венесуэла	62
Эквадор	59
<i>Океания</i>	
Новая Зеландия	115
Австралия	11

Первое, что бросается в глаза при изучении таблицы, — огромный разрыв между странами. Исландия попала в са-

мый конец списка, в то время как США и Россию можно считать абсолютными чемпионами по количеству заключенных среди индустриальных стран. Мы еще вернемся к таблице и выводам, которые она позволяет сделать, однако давайте спросим сейчас: что общего между двумя величайшими тюремными державами?

4.2. Тюремные сверхдержавы

В настоящее время в американских тюрьмах содержатся более 2,1 миллионов человек. То есть 730 заключенных на 100 тысяч человек, более 0,7 %. Начиная с 1975 г. наблюдается совершенно беспрецедентный рост населения тюрем. В последние годы рост замедлился, но не прекратился. К существующему числу заключенных нужно прибавить 4,7 миллионов подследственных, отпущеных под залог и досрочно освобожденных. Иными словами, в 2003 г. 6,8 миллионов граждан США находились под контролем государственной пенитенциарной системы. А это 2,4 %. Или 3,1 % американских граждан старше пятнадцати лет.

Россия сильно отстает, и с годами разрыв увеличивается. 1 января 2003 г. в заключении находились 866 тысяч россиян или 680 человек на 100 тысяч жителей России. Количество лиц, находящихся в предварительном заключении, сократилось, — от 282 тысяч в 2000 г. до 145 тысяч в 2003¹. Хуже всего в России обстоит дело со следственными изоляторами, которые больше напоминают камеры пыток. Вивьен Штерн (1999) издала книгу о состоянии российских тюрем. Она называется «Приговоренные к смерти». Приведенные в книге факты вполне соответствуют ее названию. Следственные изоляторы, узники которых вынуждены спать в три смены, превратились в настоящие рассадники СПИДа и туберкулеза, в перспективе угрожающие здоровью всего населения страны. После оглашения приговора осужденных переводят в расположенные за пределами Москвы колонии, наследие ГУЛАГа. В них условия существенно лучше.

В мае 2001 г. Государственная дума приняла ряд важных

¹ Источник: Людмила Альперн, Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия.

законов, направленных на то, чтобы сократить количество заключенных в три раза. Результат не заставил себя ждать. До принятия новых законов на одного человека в камере предварительного заключения приходился 1 кв. м. Теперь это пространство увеличилось до 3,5 кв. м, а принятая по закону медицинская норма составляет четыре квадратных метра на человека (Kalinin 2002, p. 17).

4.3. Общие черты

Что общего у этих двух государств, кроме переполненных тюрем?

Сразу вспоминаются размеры, количество жителей и мощь обеих стран. Это, в свою очередь, способствует возникновению большой дистанции между людьми и властью. На широких московских трассах специальная полоса в центре отведена для президента и других важных особ. Даже я, простой ученый, не заслуживающий ничего, кроме обычных российских ухабистых дорог, однажды смог почувствовать себя президентом. Несколько часов мы ехали по центральной полосе в сопровождении милицейских машин с сиренами и мигалками. Обычным водителям приходилось останавливаться и пропускать нас, будто мы были императорами, — ну, если не императорами, то хотя бы императорской свитой.

Такое возможно не только в России. Для западных лидеров аналогом специальных полос стали вертолеты. И они строго придерживаются правил игры во власть имущих. Мне пришлось столкнуться с этим во время одной из последних поездок в Вашингтон. Я попал на прием, на котором присутствовало немало высокопоставленных персон. Хозяин обратился к своим гостям с приветственной речью. И вот что меня в ней поразило. Приглашенных было много, и большинство пришли, но были и те, кто не смог. И каждый из этих важных шишек — хозяин перечислил поименно всех не явившихся — лично позвонил, извинился и объяснил причины своего отсутствия. Секретарю поручить это было нельзя. Мне казалось, что я очутился на рауте в королевском дворце. Вы обязаны присутствовать на нем или, по крайней мере, убедительно оправдать свое отсутствие. В противном случае вы рискуете быть изгнанным из круга избранных.

В крупных иерархических общественных системах на самом верху может оказаться лишь незначительная часть населения. Во всяком случае, без особых политических ухищрений увеличить репрезентативность органов власти невозможно. Когда избранных немного, они поневоле сближаются. И в то же время отдаляются от тех, кем правят. В обществе с ослабленными межличностными связями значение пенитенциарной системы существенно возрастает.

* * *

Америку и Россию сближает еще одно обстоятельство: в обеих странах у судов слишком мало прав. В США это само собой разумеется. В отличие от западноевропейских, американские судьи уступили значительную часть своих полномочий политикам и прокурорам. Принятая в Америке процедура вынесения приговора — наличие особых таблиц, где четко представлено, какой приговор полагается за то или иное преступление, совершенное при тех или иных обстоятельствах, — дает политикам неограниченные возможности влиять на решение суда. Ведь именно политики определяют содержание таблиц. Права судей ограничивает и широкое применение обязательных наказаний¹. Если дело более-менее ясно, судья практически лишен свободы выбора. Исследование, проведенное среди американских судей, показало, что 86 % районных федеральных судей и должностных лиц, осуществляющих надзор за условно осужденными, признают, что существующее законодательство предоставляет слишком много полномочий стороне обвинения. 71,5 % полагают, что система обязательных наказаний должна быть частично или полностью пересмотрена².

Формально судья в Соединенных Штатах — выборная должность. Однако участие граждан в этих выборах ограничено. Более четырех миллионов человек, в том числе 1,4 миллиона темнокожих, не могут голосовать из-за прошлых судимостей (Mauer and Chesney-Lind, 2002). Многие из них

¹ Катаайя Франко Аас приводит эту информацию в своей блистательной диссертации, посвященной влиянию технического прогресса на теорию и практику судебных разбирательств (Aas, 2003): *From Faust to Macintosh: Sentencing in the Age of Information*.

² (Federal Judicial Centre at <http://www.fjc.gov/pubs.html>).

никогда не будут восстановлены в избирательном праве. Следовательно, для политика эта группа населения не представляет интереса. В отличие от судей, обвинители в полной мере сохранили свою власть. Они имеют право заключать сделки с обвиняемым и снимать часть обвинения в обмен на признание в совершении других преступлений. При существовании системы обязательных наказаний прокурор может серьезным образом влиять на вынесение приговора.

Ситуация в странах Восточной Европы не лучше. Здесь судьи находятся нередко в непосредственной зависимости от существующих властей — власти являются их работодателями, они назначают и увольняют судей. Значение стороны обвинения здесь чрезвычайно высоко. Именно поэтому судебные изоляторы переполнены. Российские и белорусские судьи не часто решаются оправдывать подсудимых. Они предпочитают возвращать дела в прокуратуру. Пока прокурор думает, обвиняемый остается в заключении. Иногда годами.

Доказать мой тезис о необходимости баланса сил непросто. Однако я привык наблюдать и слушать. В своей правоте я смог убедиться во время симпозиума, который состоялся в Белоруссии в 2002 г. Если Россия продолжит сокращать количество заключенных согласно плану, Белоруссия вскоре может занять ее место и стать ведущей тюремной державой Европы. Несколько лет назад в этой стране на 100 тысяч жителей приходились 500 заключенных. В 2001 г. их было уже 560. Это означает, что всего в стране 56 тысяч заключенных. А всех жителей — 10 миллионов.

На симпозиуме присутствовали руководители пенитенциарной системы Белоруссии, а также начальники некоторых белорусских тюрем и колоний. Кроме того, там были судьи и прокуроры. Когда встреча уже подходила к концу, слова попросила хрупкая женщина, сидевшая в самом дальнем углу. Она была судьей, но подала в отставку и решила рассказать нам, почему. Зал встретил ее выступление ледяным молчанием, но женщина продолжала говорить. Она была хорошим юристом и точно знала, в чем ее главная задача: поймать и посадить за решетку как можно больше преступников. Именно так она и поступала, когда была следователем. Служебное рвение позволило нашей собеседнице сделать карьеру. Она стала судьей со всеми правами и привилегиями, в том числе

материальными, что соответствовали этой должности. И снова правила игры были просты и понятны: выносить как можно больше обвинительных приговоров. Слишком часто оправдывать подсудимых или давать им чересчур мягкие наказания не рекомендовалось. В один прекрасный день судья поняла, что полностью зависит от государства, действия которого призвана контролировать, и решила уйти.

* * *

Еще одна общая черта, объединяющая некоторые из тюремных сверхдержав: их пенитенциарные системы уходят корнями в эпоху рабовладения или крепостного права.

Скотт Кристиансон (Christianson, 1998) озаглавил свою книгу — одно из самых основательных исследований этой проблемы — «Свобода для избранных». Разумеется, я несколько упрощаю, и все же не будет особым преувеличением сказать, что, едва обретя свободу, в том числе свободу передвижения, темнокожие жители американского Юга потянулись на Север, где их поджидали гетто, а потом и тюрьма. К концу 2001 г. на 100 тысяч афроамериканцев мужского пола приходились 3535 заключенных, а на 100 тысяч белых мужчин только 462¹. Такое соотношение является наследием рабства.

В общей истории России и Белоруссии можно отыскать похожие явления. В эпоху царизма тюрьмы редко бывали переполнены. В этом просто не было необходимости. Тюрьмы с успехом заменял институт крепостного права. Крепостные были собственностью своего хозяина. Они не могли переезжать с место на место и даже вступать в брак без разрешения владевших ими дворян. Таким образом, низшие классы находились под жестким контролем. Для крестьян, с которыми не смогли справиться хозяева, и для нарушителей порядка из других сословий существовала Сибирь. Колонизацией этого огромного края во многом занимались именно

¹ Для меня олицетворением борьбы с подобной несправедливостью стал Эл Бронштейн, юрист, который, рискуя собой, защищал темнокожих демонстрантов во время выступлений в Алабаме в 1960-е годы. Позже он стал активистом движения против увеличения числа заключенных в североевропейских странах. В настоящее время Эл Бронштейн является советником Международного центра реформ пенитенциарной системы в Лондоне.

осужденные¹. Так что ГУЛАГ стал всего лишь возрождением былых традиций. Его создали не только для того, чтобы карать инакомыслящих. Прежде всего, это было огромное промышленное предприятие, на котором трудились мужчины из низших классов общества. Крепостничество приняло новые формы.

Таким образом, пенитенциарные системы тюремных сверхдержав основываются на общих предпосылках. Эти системы вызвали к жизни весьма похожие друг на друга тюремные субкультуры с их специфической музыкой, языком и манерой одеваться. В Москве есть целая радиостанция, где ведущие говорят на тюремном жаргоне и крутят музыку, созданную в русле тюремной субкультуры. Те же явления наблюдаются и в культуре США. Сходство можно обнаружить и во внутреннем устройстве обеих систем. В российских тюрьмах сложилась всеобъемлющая, если не считать диссидентов, которых в прошлом осуждали по политическим статьям, иерархическая структура с бесправными париями у подножия. В США тюремная иерархия не получила такого распространения благодаря более приемлемым условиям содержания, большим возможностям для изоляции и большему количеству охранников. Однако, если судить по репортажам о бандитских войнах, и в Америке власти контролируют далеко не все.

* * *

Впрочем, существуют и определенные различия. У тюрем в обеих державах разная потребительская стоимость.

Российская пенитенциарная система уже довольно давно находится в состоянии кризиса. Колонии перестали приносить доход. Нравится нам это или не нравится, но именно ГУЛАГ обеспечивал военную мощь Советского Союза в 1940–1945 гг. Лагеря более-менее успешно функционировали в условиях плановой экономики, господствовавшей в СССР

¹ Антон Чехов оставил уникальное описание быта ссыльных на острове Сахалин, недалеко от берегов Японии, колонизированном в 1890-е гг. усилиями осужденных. Сам Чехов не был ссыльным, он прибыл на остров по доброй воле, чтобы лечить своих попавших в беду соотечественников. Мне хотелось бы поблагодарить Людмилу Альперн, которая познакомила меня с этим бесценным пенологическим свидетельством.

после Второй мировой, которую здесь принято называть Великой Отечественной. Но в эпоху рынка труд заключенных оказался неконкурентоспособным. Тюремы в современной России — серьезная статья убытка для экономики.

Лаура Пьячентини (Piacentini, 2002) занималась исследованием положения российских колоний в новой экономической ситуации. В результате она пришла к двум интересным выводам. Во-первых, степень адаптации к новым условиям прямо зависит от близости к Москве. Чем дальше от столицы располагается тюрьма, тем вольготнее чувствует себя ее администрация; инспекторы из Москвы заглядывают к ним нечасто. В окрестностях Москвы все по-другому. Здесь администрация тюрем должна выполнять требования центральной администрации. Каковы эти требования, пенологам рассказывать не надо — они сами их придумали. Как и везде, они однозначны и толкованиям не подлежат: задача исправительного учреждения — перевоспитать правонарушителя, превратить его в порядочного человека. А потому в колонии должны предоставлять им возможность работать и учиться. В то же время заказов колониям никто не дает, огромные цеха в прямом смысле слова опустели, лишь изредка где-нибудь небольшая группа заключенных занята каким-нибудь пустяковым заданием. Поэтому работа с заключенными в России, как и в большинстве других стран, происходит только на словах.

В отдаленных уголках Сибири, вдали от пристального взгляда центральной администрации, сложилась иная ситуация. В начале 1990-х гг. наступил глубокий кризис. В колониях, как, впрочем, и на обычных предприятиях, зарплаты порой не видели месяцами. В то же время не хватало продовольствия и одежды для заключенных, начались перебои с отоплением. Приходилось прибегать к бартерному обмену. Администрация колоний пыталась разыскать заказы для своих цехов в окрестных населенных пунктах; под их надзором находились голодные люди, готовые на любую работу, лишь бы выжить.

Мало-помалу некоторые колонии в российской глубинке превратились в рентабельные предприятия. И, к огорчению специалистов, перестали быть исправительными учреждениями. С точки зрения теории и международных конвенций, это ужасно. Но у заключенных появилась работа, а значит, еда. И здесь мы подходим к еще одному сходству между ситуацией

в США и в России. Обе тюремные сверхдержавы стоят перед опасностью, проис текающей из самой организации их пенитенциарной системы: использованием принудительного труда.

Соединенным Штатам куда проще, чем России, содержать огромное количество заключенных. Американская тюремная индустрия давно стала весьма прибыльным делом. Я посвятил этой проблеме книгу «Контроль над преступностью как индустрия» (Christie, 2000). Дешевая рабочая сила заключенных в США, как показывают недавние исследования, позволяет тюремным предприятиям конкурировать со странами третьего мира. Конечно, лучше пусть заключенные работают, чем умирают с голоду. Неплохо, что они работают, вместо того, чтобы томиться от безделья. Но в этих очевидных, на первый взгляд, преимуществах, кроется главная опасность. Властям выгодно, чтобы заключенные трудились. Заставив заключенных работать, власти одним махом решают две проблемы: устанавливают надежный контроль над беднейшими слоями общества и находят источник дешевой рабочей силы. Слишком велико искушение. Слишком силен соблазн превратить узников в рабов.

4.4. Социальные гарантии

Мы начали эту главу сравнением тюремных сверхдержав. Однако в связи с представленной в таблице статистикой количества заключенных возникают и другие вопросы. Было бы интересно, например, сравнить пенитенциарные системы США и Канады. Разница между ними колossalная. В Канаде приходится 116 заключенных на 100 000 жителей, а в Соединенных Штатах 702. Такие похожие, и в то же время такие разные страны. Общая граница от океана до океана, общий язык, в основном общая религия, практически одинаковые по содержанию СМИ, по большому счету одинаковый стиль жизни и отношение к деньгам. Чем же объясняется огромная разница в количестве заключенных? Даже если бы число афроамериканцев в американских тюрьмах не было бы так непропорционально велико, как сейчас, все равно процент заключенных в Америке превышал бы канадский показатель в три раза.

Прежде чем делать какие бы то ни было выводы, остановимся, чтобы отметить: исключения из правила возможны! И Канада — одно из них. Перед нами современное высокоразвитое и успешно функционирующее государство. Как и любое другое современное государство, оно постоянно сталкивается с проблемой преступности. Как и в любой другой стране, политики в Канаде охотно рассуждают о ней, когда нуждаются в саморекламе. Тем не менее заключенных в стране в шесть раз меньше, чем у ее южного соседа. И в последние годы разрыв между ними только увеличивается. В Канаде наблюдается стабильное снижение количества клиентов исправительных учреждений, а в США оно, наоборот, растет. Степень контроля над преступностью, как известно, зависит не от судьбы, а от политических решений.

Так с чем же связано особое положение Канады?

К сожалению, у меня нет исчерпывающего ответа, лишь несколько версий, основанных на опыте многократных визитов в эту страну.

Скандинав чувствует себя в Канаде, как дома. Немного скучное место. Разумное общественное устройство, предсказуемая жизнь, вежливые люди.

Тот, кто хоть ненадолго погрузился в канадскую жизнь, сразу замечает еще одну важную черту, общую со Скандинавией: Канада — тоже государство всеобщего благосостояния. Здесь существуют все виды льгот: пенсия по старости, медицинское страхование, оплачиваемый отпуск по рождению и уходу за ребенком, пособие по безработице. Разумеется, у канадской системы социальной защиты есть свои недостатки, в обществе постоянно возникают оживленные дискуссии по этому поводу, и бедняки время от времени лишаются той или иной льготы. Тем не менее положение бедных слоев населения в Канаде существенно отличается от ситуации в США. Здесь социальную защиту гарантирует высшая власть. В Канаде нет столь существенного имущественного расслоения, как в Соединенных Штатах, «благодаря постоянной поддержке малоимущих со стороны государства» (Sharpe, 2000, р. 158).

С этим обстоятельством связано еще одно различие. На протяжении многих лет канадские чиновники сознательно стремятся не допускать увеличения количества заключенных

в тюрьмах. Мне самому довелось присутствовать на обсуждении бюджета для пенитенциарных учреждений в канадском Министерстве финансов. Всем министерствам было предписано сократить свои бюджеты, но представители правоохранительных органов заявили, что это невозможно, что им, наоборот необходимо увеличить финансовую поддержку, потому что уровень преступности вырос! Неужели и впрямь невозможно, был задан вопрос. Собственно, меня как раз и пригласили, чтобы узнать мое мнение по этому вопросу. Последовала увлекательная дискуссия — министры решали, как уменьшить ущерб — во всех смыслах — для канадского общества и во сколько это обойдется.

В заключение скажу: канадцам не свойственно использовать пенитенциарную систему в качестве альтернативы социальной защиты.

4.5. Восток и Запад Европы

Изучая европейский сегмент нашей таблицы, можно сделать два интересных вывода. Прежде всего, бросается в глаза существенная разница в цифрах между Восточной и Западной Европой. Лишь в двух западноевропейских странах на 100 тысяч жителей приходится 100 заключенных, в то время как показатели восточноевропейских государств в основном превышают эту цифру.

Тем не менее — это второй вывод — и Восточная Европа не представляет собой однородную картину. На первом месте Россия, за ней идет Белоруссия, третье место занимает Украина, немного отстают прибалтийские республики с показателями в 300 заключенных на 100 тысяч человек и больше. Замыкает список Словения: здесь в течение многих лет количество заключенных не превышает скандинавских показателей.

Картина ясна: Россия — тюремная сверхдержава Европы, за ней следуют бывшие республики Советского Союза. И внешне, и по внутреннему устройству тюрьмы в этих государствах поразительно напоминают российские. Более скромные, но все же довольно высокие показатели демонстрируют страны, ранее входившие в социалистический блок.

Они как бы застряли между Востоком и Западом. В кни-

ге «Контроль над преступностью как индустрия» я рассказал о том, как после Второй мировой войны Финляндия приняла осознанное решение покинуть Восточную Европу, в том числе и в области пенитенциарной системы. И Финляндия не прогадала; теперь в этой стране заключенных меньше, чем в Дании, Норвегии и Швеции. Правда, во время холодной войны Финляндия не входила в восточный блок, напротив, реформа уголовной политики была одним из инструментов общей политики по сближению со Скандинавией.

В наши дни похожие споры вокруг уголовной политики ведутся в бывших социалистических странах. Особенно интересен в этом отношении пример Польши.

4.6. Польские ритмы

Диаграмма¹ — настоящая находка для криминолога, но за ее цифрами кроются изломанные судьбы. Эта диаграмма отражает абсолютное количество заключенных в польских тюрьмах в период с 1945 г. по 2002 г. Изучая ее, стоит обратить внимание на три обстоятельства.

Прежде всего, на частоту колебаний. Самое низкое за весь указанный период количество заключенных наблюдается в 1945 г., потом оно начинает расти и достигает своего первого пика в 98 тысяч человек в 1950 г. Потом опять сокращается вплоть до показателя в 35 тысяч человек, достигнутого через шесть лет. К 1963 г. количество заключенных опять выросло до 105 тысяч. Абсолютный рекорд был достигнут в 1973 г., когда в тюрьмах сидели 125 тысяч человек. Похожая ситуация сохранялась до 1989 г., когда количество заключенных резко упало до 40 тысяч человек.

На мой взгляд, перед нами картина пенитенциарной системы, лишенной элементарных возможностей для маневра, не способной сопротивляться давлению извне — со стороны правоохранительных карательных органов. Репрессивное государство, всесильные прокуроры, суровые судьи — неудивительно, что в такой ситуации выносится куда больше обвини-

¹ Моника Платек и Павел Мочидловский составили для меня эту диаграмму и предоставили дополнительную информацию, когда я читал лекции и проводил семинары в Варшаве. Я также признателен Витольду Клаусу и Дагмаре Возняковской за их содействие.

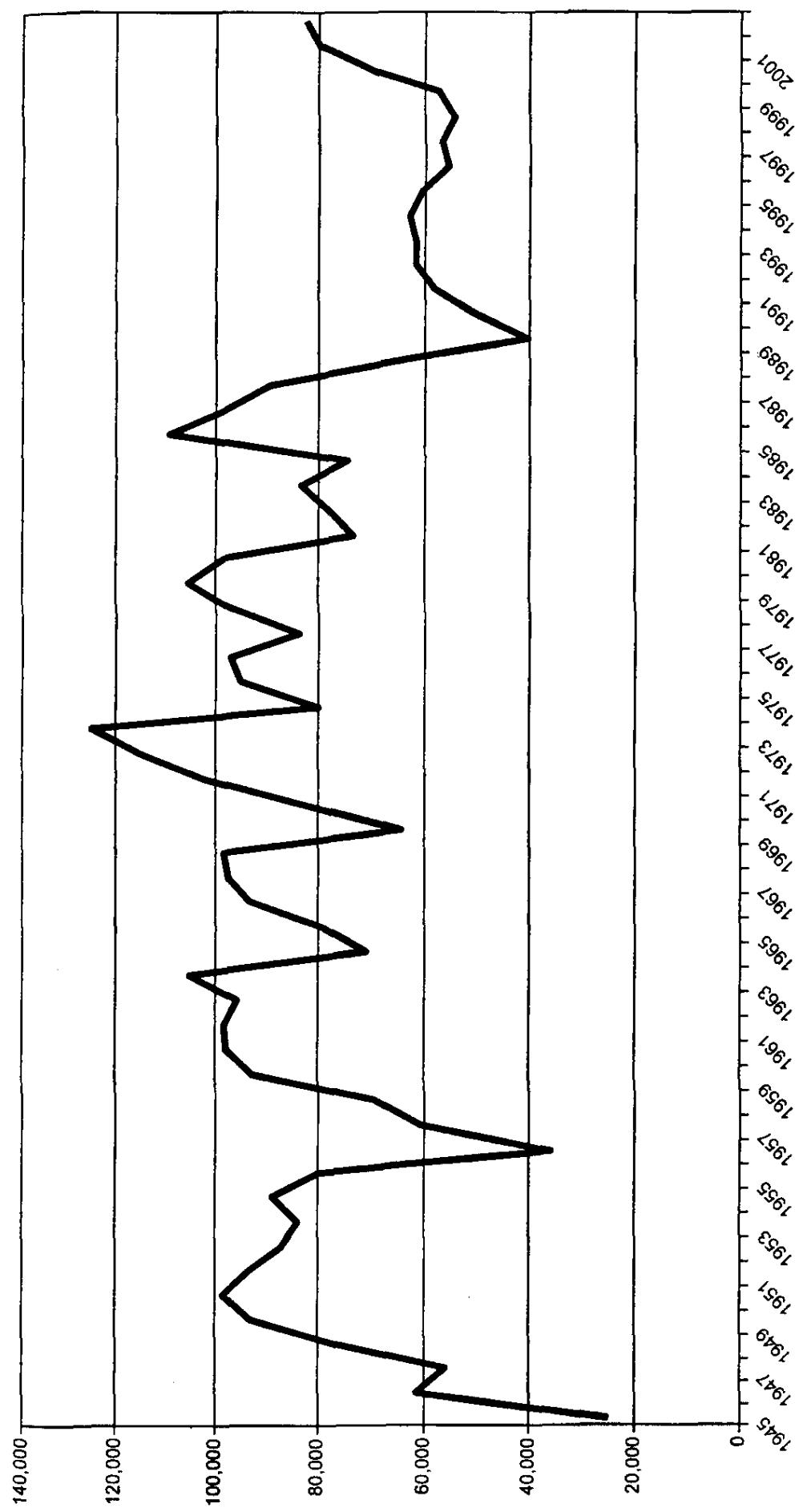

Диаграмма. Абсолютное количество заключенных в польских тюрьмах. 1945–2002 гг.

тельных приговоров, чем оправдательных. Однако система нередко давала сбои. При таком наплыве заключенных далеко не всем можно было обеспечить нормальные условия жизни и достойную работу. Заключенные протестовали. Время от времени вспыхивали мятежи. Государство отвечало на них амнистиями. Крупнейшие амнистии были объявлены в 1956, 1964, 1969, 1974, 1977, 1981 и, наконец, в 1989, в год падения стены, разделявшей Восток и Запад. Диаграмма дает понять, что количество заключенных — на редкость плохой индикатор криминальной обстановки. Из нее определенно следует, что число обитателей тюремных камер зависит от проводимой политики. На примере других стран это не столь очевидно.

Еще интереснее проследить ситуацию в тюрьмах после 1989 г. Старый режим рухнул. Свобода для всех, в том числе для осужденных!

Торжество свободы, когда заключенных было не больше 40 тысяч человек, не продлилось долго, но все же на какое-то время удалось добиться стабилизации положения на уровне 55–60 тысяч. В эти годы власть принадлежала политическому движению — позже партии — под названием «Солидарность» «Солидарность» солидаризировалась со всеми, включая узников. Однако скоро свобода перестала быть новостью, все вернулось на круги своя, что нашло отражение и в нашей диаграмме. В период с 1999 г. по октябрь 2002 г. абсолютные показатели выросли с 56,765 до 81,654. Я использовал эти цифры в табл. 4.1, где Польша представлена показателем в 260 заключенных на 100 тысяч жителей. Правда, в действительности все еще сложнее. Тюрьмы забиты людьми. По официальным оценкам, в конце 2002 г. 18 тысяч человек ожидали своей очереди отбывать тюремное заключение. Реальная цифра, скорее всего, значительно выше. Учитывая стоящих в очереди, число заключенных в Польше превышает 100 тысяч. Прямо как раньше.

Что же произошло?

Прежде всего, амнистии, эти несовершенные инструменты для исправления несовершенств системы, были похоронены вместе с системой. Не стану спорить, амнистии и вправду не лучший выход. Когда на свободу одновременно выходит масса заключенных, органы социальной поддержки оказываются под слишком мощным и неожиданным давлением, к которо-

му они совершенно не подготовлены. Ну что ж, либо это, либо катастрофически переполненные тюрьмы.

Во-вторых, виновата частичная вестернизация польского общества с появлением типичных для западного общества проблем. Между тем сама пенитенциарная система не слишком изменилась — полиция, прокуроры и судьи остались теми же, но параллельно в стране наметились тенденции перехода к монокультуре, о которых мы говорили в предыдущих главах. А это значит, что, как и повсюду в Европе и Америке, появилось много политиков, готовых использовать криминальную карту для саморекламы. Их деятельность широко освещается прессой. Как отмечает Мария Лос (Los, 2002), в средствах массовой информации произошел колossalный сдвиг от государственной пропаганды старого режима, основанной на *позитивной* информации, к доминированию частных масс-медиа, предпочитающих новости с *негативной* окраской. Лос пишет:

«Неудивительно, что для общества, привыкшего к такой системе уголовного правосудия, где практикуется обязательное предварительное заключение подозреваемых, пренебрежение буквой законов, длительное судопроизводство и запрет на критику со стороны общественного мнения, обилие (плохих новостей. — Н. К.) приводит к созданию представления о системе на грани коллапса» (р. 166).

По моим оценкам, а я основываюсь на данных диаграммы, система исправительных учреждений Польши находится под угрозой распада. Скоро Польша войдет в ЕС. Это неизбежно приведет к разорению большого числа крестьян. Образовавшиеся излишки рабочей силы отправятся в города. Это приведет к обострению уже существующих социальных проблем. Нагрузка на тюрьмы станет расти. Снова возникнут мятежи заключенных, а следовательно, опять будут применяться и амнистии. Но такие меры могут обойтись слишком дорого.

4.7. Англия и Уэльс: совсем как в Восточной Европе

Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток, в том числе и в отношении количества заключенных. Но не всегда. Если верить таблице, Словения — скандинавская страна. А вот Англия и Уэльс, как ни странно, вплотную приблизились к вос-

точноевропейским стандартам. В 2003 г. на 100 тысяч жителей там приходились 139 заключенных. Их число постоянно растет, приблизительно на 600 человек каждую неделю¹. Несколько лет назад ведущей тюремной державой Западной Европы была Португалия. Теперь она утратила свои позиции. Англия и Уэльс присоединились к Восточной Европе, обойдя по относительному количеству заключенных Болгарию и догнав Словакию. Канада, традиционно близкое к Великобритании государство, давно осталась позади, и в самое ближайшее время относительное количество заключенных в Англии и Уэльсе в два раза превысит показатели их ближайшего соседа Ирландии.

Эпоха Уинстона Черчилля и его сподвижников, которые с некоторым недоверием относились к исправительным учреждениям и стремились поддерживать показатели заключенных как можно ниже (Bennet, 2003), остались в прошлом. Цвет кожи заключенных — еще одна из черт, сближающих Англию и США. Согласно последнему отчету Министерства внутренних дел Великобритании, один из ста взрослых темнокожих граждан страны в настоящее время сидит в тюрьме².

Я искренне люблю Великобританию, и рассуждать беспристрастно мне нелегко. Однако, как бы хорошо я не относился к этой стране, я не мог не заметить, что социальная структура Уэльса и Англии претерпела существенные изменения.

Прежде всего, налицо движение на всех парах к монокультурному обществу. Уровень жизни значительно вырос по сравнению с послевоенными годами, но с ним выросло и социальное неравенство. Бедняки уже не так бедны, как раньше, но они видят, как живут богачи, — на порядок лучше, — и ощущают собственную ущербность. Социальные гарантии государства стали куда скромнее, чем 50 лет назад.

С 1946 по 2000 годы сменилось три поколения британцев. В исследовании доходов населения и уровня жизни Дирден, Гудмен и Сондерс (Dearden, Goodman, Saunders, 2003) отмечают: «Подводя итоги сказанному в этом разделе, можно утверждать, что рост уровня жизни, характерный для всех без исключения общественных групп, сопровождался углуб-

¹ Guardian, June 16, 2003

² The Observer, March 30, 2003

лением неравенства в доходах и оплате труда. Одни эти данные достаточно красноречиво говорят о тех изменениях, что претерпело британское общество за последние десятилетия 20 века. Кроме того, не следует забывать, что среди членов каждой группы наметился разрыв в уровне доходов, связанный с разницей в социальном положении их родителей, и что этот разрыв постоянно углубляется с каждым новым поколением. Таким образом, в Британии не просто наблюдается резкое социальное расслоение, но и все большая зависимость доходов молодого поколения от положения в обществе их родителей, т.е. социальное расслоение закрепляется по наследству» (р. 189).

И еще одно важное наблюдение: в Англии и Уэльсе полномочия судей значительно ограничили. Министерство внутренних дел рассыпает по судам статистические отчеты, чтобы судьи видели, какие приговоры выносятся их коллегами по всей стране. Кроме того, существуют специальные рекомендации, не таблицы преступлений с приговорами, как в США, но методические указания с определением рамок приговоров для того или иного преступления. И контроль над судами становится все жестче. «Гардиан Уикли» (номер за 8 мая 2003 г.) приводит предложение, с которым за день до этого выступил министр внутренних дел:

«Преступления, за которые полагается пожизненное заключение:

1. Массовые убийства с явными признаками преднамеренности, в том числе связанные с похищением и садистским поведением по отношению к жертве.
2. Убийство ребенка в аналогичных обстоятельствах.
3. Террористический акт, приведший к убийствам.
4. Наказание не применяется к подсудимым моложе 20 лет.

Убийства, за которые предполагается минимальное тюремное заключение в тридцать лет:

1. Убийство полицейского или сотрудника тюрьмы, находящегося при исполнении служебных обязанностей.
2. Убийство, совершенное при помощи огнестрельного оружия или взрывчатого вещества.
3. Убийство, совершенное на почве расовой, религиозной или сексуальной нетерпимости.

4. Убийство взрослого на сексуальной почве или носящее садистский характер.

5. Прочие массовые преступления.

Преступления с минимальным сроком наказания в 15 лет тюремного заключения: прочие убийства, совершенные взрослыми, а также любое убийство, совершенное подростком моложе семнадцати лет».

Как сообщает «Гардиан», «представители высших судебных инстанций выразили недовольство законопроектом. <...> Совет адвокатов Великобритании назвал его в буквальном смысле слова «прыжком в бездну» и заявил, что господин Бланкетт (министр внутренних дел) стремится «институциализировать административную удавку на шее судебной системы». Говардская лига в поддержку реформы пенитенциарной системы высказала предположение, что принятие предложения привело бы к увеличению количества отбывающих пожизненное заключение, которых на сегодняшний день 3 900 человек, на 50 процентов».

Для оптимизации британской судебной системы был введен пост, аналогичный должности главного поверенного. Этот пост, получивший название генерального стряпчего (фактический заместитель генерального прокурора. — *Прим. мое*), позволяет следить за выполнением рекомендаций министерства внутренних дел. Далее, была расширена система профессиональных прокуроров, что позволяет обвинению в случае необходимости оспаривать приговоры. Раньше подавать апелляции могли только обвиняемые. Согласно официальной точке зрения, подобные меры призваны способствовать «последовательности в вынесении приговоров». Однако в них можно усмотреть устойчивые централизующие тенденции. Британские судьи все чаще присоединяются к жалобам своих американских коллег: им дают все меньше свободы действий в принятии решений. Высшие инстанции чрезвычайно далеки от обвиняемых, зато близки к политикам. А политики чрезвычайно восприимчивы к кровожадным настроениям в обществе и сами зачастую их провоцируют. Нарушение баланса между судебной и политической властью с большой долей вероятности может привести к появлению новых возможностей для применения карательных мер.

Существенным изменениям подверглась и британская

система условного наказания, или пробации. Прежде в основе ее лежало стремление помочь осужденному. Теперь все переменилось. Пробация превращается в карательный орган, на американский манер. Она становится централизованной службой, которая держит всех своих сотрудников под неусыпным надзором.

* * *

По устройству пенитенциарной системы можно судить о том, к какому типу принадлежит общество. Происходящие с ней перемены свидетельствуют об изменениях в общественном устройстве. Характерные для Англии и Уэльса тенденции к централизации, переход от попыток помочь преступникам к жесткому контролю над ними и ощутимый рост количества заключенных, скорее всего, прямо связаны с базовыми социальными преобразованиями. Мы должны отдавать себе отчет, в том, что происходит, чтобы не упустить из вида более важные политические процессы.

5. Государство или соседи?

5.1. Исландский блюз?

В Исландии самое низкое в Западной Европе число заключенных. Летом 2002 г. их было всего сто, то есть 35 на 100 тысяч жителей. В этой стране есть всего одна большая тюрьма, способная вместить 87 человек. Впрочем, исландцам такие большие тюрьмы не нравятся, поэтому они и построили исправительные учреждения поменьше — вмещающие от 6 до 14 заключенных. Эрлендур Бальдурссон (Baldursson, 2002) — представитель местной тюремной администрации. По его словам, «...перевод из крупного исправительного учреждения в более мелкие положительно сказывается на поведении самых трудных заключенных».

* * *

Проще всего было бы отмахнуться от исландского опыта. То, что успешно работает в маленькой стране, едва ли подойдет для крупных держав. Готов согласиться. И все же во многих больших странах есть свои Исландии в виде небольших городков. Даже в больших городах можно найти свои кварталы-островки, напоминающие Исландию. Они найдутся даже в Нью-Йорке, а Лондон и Париж, насколько я могу судить, вообще представляют собой конгломераты небольших поселков. Я сам живу в таком поселке, расположенном внутри моего родного города Осло. В нем я поселился восемнадцать лет назад, и с тех пор пытаюсь понять, отчего мне так интересно здесь жить.

Прежде всего, потому, что этот район населен, за редкими

исключениями, вроде меня, людьми с низким доходом. Проще говоря, меня окружают бедняки. Это обстоятельство порождает несколько любопытных социальных явлений:

- Местное население довольно бедно. Продолжительность жизни у мужчин здесь в среднем на десять лет ниже, чем в западной части города. В нашем районе значительно больше бессемейных людей, чем где бы то ни было. Впрочем, людей, имеющих проблемы с алкоголем и наркотиками, тоже.
- Многие местные жители, в силу своей бедности, не могут себе позволить приобрести машину. Следовательно, у них нет возможности ездить за покупками в другие районы. До супермаркетов, расположенных за пределами квартала, просто не на чем добраться. К тому же, у большинства нет денег, чтобы закупать продукты впрок.
- Это позволяет выживать местным магазинчикам. В Осло не так-то легко найти район, в котором было бы столько же киосков и маленьких магазинчиков.
- И еще один немаловажный фактор: большинство здешних жителей живет на пособие или пользуется другими формами социальной защиты. А значит, у них больше свободного времени, чем у других горожан.

Поэтому по субботам я не иду в лес кататься на лыжах, как полагается правильному норвежцу, а брожу по окрестным улицам, делаю покупки, общаюсь с соседями, просто гляжу по сторонам.

Как вы понимаете, в нашем квартале живут разные люди; кое-кто давно на примете у правоохранительных или медицинских органов. Но в небольших районах, жители которых тесно общаются между собой, о человеке не судят *исключительно по поставленному диагнозу*. Люди обретают индивидуальность: этот — человек со слепым пском, вон тот — собирает окурки, есть и славная старушка, и подозрительного вида юнец, от которого стоит держаться подальше...

В таких кварталах уровень преступности значительно ниже, чем в более респектабельных районах. Я, разумеется, не утверждаю, что в нашем квартале реже, чем обычно, берут без спроса чужое имущество. Или что здесь не бывает драк. Возможно, здесь это случается даже чаще, чем в других местах. Просто на нашем островке к подобным событиям относятся по-другому. Соседи слишком хорошо знают друг друга, что-

бы бояться. Поэтому нередко в случае возникновения спорной ситуации оказывается, что ты либо непосредственно знаком с ее участниками, либо хотя бы с кем-то, кто их знает, и т.д. По отношению к знакомым не так просто употребить официальные термины «кражи» или «насилие». Преступление как феномен существует исключительно в человеческом сознании. Люди редко толкуют поведение других людей, знакомых им, в категориях преступления. Мы можем сколько угодно осуждать дурные поступки своих близких и препятствовать им по мере сил, но нам не приходит в голову применять к ним уголовное право. Даже если слово «преступник» срывается с наших губ, оно не звучит так серьезно, как соответствующий юридический термин.

5.2. Разрушение естественных отношений

Всем нам хорошо известно, что следует за разрушением естественных отношений.

Возможно, кое-кто из вас еще помнит Джорджа Каспера Хоманса, офицера военно-морского флота Соединенных Штатов с хриплым голосом, способным перекричать штурм. Позже он стал социологом и в 1951 г. выпустил книгу под названием «Человеческое сообщество», где, помимо прочего, поведал захватывающую и трагическую историю гибели города Хиллтауна. Было время, когда горожане сами принимали важные для жизни города решения. Но если в течение долгого времени уклоняться от участия в общественной жизни, это неизбежно приведет к роковым ошибкам. Хиллтаун был обычным городом, с присущими любому обществу достоинствами и недостатками, где отлично работала система первичного контроля. Известно, что для работы системы первичного контроля необходимо заинтересованное участие людей, хорошо знающих друг друга. Если таких людей не находится, в ход идет государственная — централизованная система контроля. Печальный конец истории таков. В один прекрасный день железная дорога соединила городок с внешним миром. И Хиллтаун превратился в сонный пригород, напрочь утратив свою уникальную общественную жизнь.

Сорок девять лет спустя Роберт Патнэм (Putnam, 2000) опубликовал книгу под названием «Боулинг в одиночестве».

По мнению автора, современный американец превращается из социально активного, постоянно окруженного друзьями человека в довольно замкнутую в себе личность, гораздо больше времени проводящую в одиночестве, чем среди себе подобных. Патнэм проводит сравнение поколений на материале множества исследований. Чем поведение пятидесятилетних людей в 1955 г. отличалось от поведения их сверстников из 1995 г.? Автор прослеживает явную тенденцию к самоизоляции. Символичная деталь: раньше, чтобы поиграть в боулинг, собирались целыми компаниями и командами, теперь в него все чаще играют в одиночестве. В залах для боулинга устанавливают огромные экраны, чтобы посетители могли смотреть телевизор, дожидаясь своей очереди. И закрывают буфеты. В них больше не собираются дружеские компании. После игры, которая превращается в соревнование с самим собой, американец садится в машину и отправляется в свой пригород, чтобы провести семь часов у телевизора: согласно статистике, у большинства семей в Соединенных Штатах по два телевизора, у которых проводят в среднем по семь часов. Связи между людьми трещат по швам, а поглощение всякого рода сцен насилия с телеэкрана продолжает расти.

Работа Патнэма была встречена с большой долей скептицизма, в частности, та ее часть, где говорится о связи отмеченных тенденций с изменениями в политической жизни страны. К недостаткам работы относится также и отсутствие классовой перспективы. Для нас, однако, чрезвычайно ценно утверждение автора о том, что люди перестали встречаться друг с другом. Это значит, что они все больше полагаются на масс-медиа при создании и осмыслиении представлений о происходящем в мире. И все сильнее нуждаются в защите государства от навязанных им воображаемых опасностей.

Если я хорошо знаю своих соседей и поддерживаю с ними доверительные отношения, мне ничего не стоит справиться с компанией подростков, которые хулиганят в моем подъезде. Достаточно позвонить тому, кто близко знаком с одним из них, или позвать на помощь соседа с внушительными бицепсами, а еще лучше прибегнуть к содействию одной маленькой женщины, известной своим умением улаживать конфликты между соседями.

Но если никаких связей с соседями у меня нет, а есть

лишь панический страх перед преступностью, остается только запереть дверь и вызвать полицию. Таким образом, я одновременно поощряю предосудительное поведение и навешиваю на него характер преступления. Возможно, в этом случае меня можно назвать частично ответственным и за появление объявлений, подобных тому, что автор этой книги недавно получил по электронной почте. Это уникальное коммерческое предложение было озаглавлено: «Проследите за своей няней». Спустя пару дней я получил его снова, на этот раз под заглавием «Как уследить за подрастающими детьми и не спускать глаз с няни»: «Мы предлагаем вам скрытую беспроводную камеру, взятую на вооружение ЦРУ, ФБР и другими специальными службами. <...> Это крохотное устройство помещено внутрь электрической лампочки, обнаружить его практически невозможно, так что у тех, за кем вы наблюдаете, не возникнет ни малейшего подозрения. Вы просто ввинчиваете лампочку в осветительный прибор в любом помещении, можно даже в душе — камера может работать и в темноте. Подключаете передающее устройство к своему видеомагнитофону (или к телевизору любой модели, говорится в других рекламах), и вы получите такое же четкое изображение, как если бы сами снимали происходящее. Наша камера работает без подсоединения к электрической сети. Такое средство наблюдения должно появиться в каждом доме и офисе».

Опасности подстерегают нас повсюду. Но автор другого объявления спешит протянуть нам руку помощи. Текст озаглавлен «Зашитим наших детей» и предлагает доступ к базе данных, содержащей сведения о 50 миллионах правонарушителей. Автор сообщения обращается к нам: «Велика вероятность того, что один из этих опасных преступников живет неподалеку от вас. В любой момент времени в американских тюрьмах находится около 200 тысяч человек, осужденных за изнасилование. Многие из них рецидивисты».

Доступ к базе данных о сексуальных преступлениях бесплатный, но для того чтобы открыть один из файлов базы по 50 миллионам преступников, придется заплатить десять долларов. Можно подумать, что эти объявления взяты из документального фильма Майкла Мура «Боулинг для „Колумбайн“». («Колумбайн» — название школы в США, двое уч-

ников которой несколько лет назад открыли огонь по своим соученикам и учителям, несколько человек погибло. Известный режиссер и публицист Майкл Мур в своем фильме расследует все аспекты происшедшего, которые могли привести к трагедии, интервьюирует знакомых жертв и убийц, а также влиятельных общественных деятелей и т.д. — *Прим. мое*).

5.3. Простые истины

А что же мы, многочисленные дипломированные социологи? В силу своей профессии, мы знаем о последствиях разобщения больше, чем остальные. Но говорим об этом редко, робко и абстрактно, не вдаваясь в детали. Ведь наши слова противоречат духу времени.

Мы могли бы рассказать о городском строительстве. На окраине старого города планируют построить огромный торговый центр. Проект сулит немало благ: новые рабочие места во время строительства, прибыль для строительных компаний, а со временем и торговых фирм, увеличение ассортимента товаров и новая удобная парковка для жителей. За это придется заплатить увеличением числа арестов за магазинные кражи и затуханием общественной жизни в самом старом городке и его окрестностях, что в перспективе приведет к росту нежелательного поведения. Чем меньше маленьких магазинчиков с прилавками, тем больше охранников и полицейских для охраны новых супермаркетов.

Мы могли бы обратиться с воззванием: долой супермаркеты. И пусть покупателя и товар всегда разделят прилавок.

Или, в качестве альтернативы методам полицейских нью-йоркской подземки, мы могли бы предложить: чтобы правонарушений стало меньше, в каждом автобусе и в каждом трамвае должен находиться кондуктор. Контроль со стороны человека, который не носит формы и не склонен видеть в каждом преступнике, улучшит атмосферу в транспорте, позволит пассажирам почувствовать себя увереннее и сведет к минимуму применение силы. Разумеется, такие меры обойдутся недешево: придется платить кондукторам, однако можно будет сэкономить на установке электронного оборудования для продажи билетов, кроме того, платить за проезд придется тогда всем, даже тем, кто предпочитает этого не делать.

Или мы могли бы выступить с по-настоящему радикальным заявлением: бедность — относительная категория. Отнимите у богатых часть их состояния — и бедняки автоматически перестанут быть таковыми.

Так что нам есть что поведать и журналистам, и общественности. Но в то же время мы отлично понимаем, что стоит нам начать говорить, и репортеры моментально расходятся иметь с нами дело. К чему им свободные интеллектуалы, когда есть полезные криминологи. Впрочем, мы еще вернемся к этой теме в восьмой главе.

5.4. Старомодная Россия

Мне повезло родиться в непосредственной близости от Восточной Европы. У Норвегии и России общая граница на севере. Мы никогда не воевали друг с другом, если не считать набегов викингов в стародавние времена. Но дело даже не в этом. На Востоке я чувствую себя как дома. И вовсе не потому, что жизнь там напоминает мне мое теперешнее существование. Скорее, мне кажется, что я возвращаюсь во времена своей прабабушки. Это касается не только России. Такие же чувства вызывают у меня Польша, Венгрия и почти все восточноевропейские страны.

Почему?

Не могу предложить никакого объяснения, кроме смутной догадки: возможно, причиной всему коммунистический режим. Конечно, дело не в старой пропаганде и сказочках о рае для трудящихся. Не в преобразовании общественного строя, произошедшем после восемнадцатого года. И тем более не в успехах, вызванных таким преобразованием. Наоборот, все дело в его *неэффективности*. Капитализму удалось изменить общественное устройство западных стран, изменить их ценности и, в конце концов, превратить их в сегодняшние монолитные системы. Государственный коммунизм восточного образца тоже сумел создать новое общество. Коммунисты изменили систему управления государством и характер властных структур. Ценой тяжелых человеческих и материальных потерь они добились улучшения жизни большой части населения. Они модернизировали материальные условия жизни. Но не слишком преуспели в модернизации человеческой души.

5.5. Общества на нескольких ногах

Даже в разгар холодной войны между Восточной и Западной Европой время от времени возникали контакты на профессиональном уровне. В начале 1960-х в Норвегии побывали советские криминологи, а мы нанесли ответный визит в СССР в 1968 г. Потом такие обмены визитами стали происходить регулярно. Моя книга «Пределы наказания» (Christie, 1981) была опубликована в Советском Союзе в 1985 г.; должно быть, я первый «западный» криминолог, работа которого вышла в этой стране. С того момента наши контакты с коллегами из СССР были узаконены, благодаря чему удалось наладить постоянные связи и с коллегами из других восточноевропейских стран.

Я позволил себе небольшой экскурс в историю, чтобы вы с доверием отнеслись к тому, что я собираюсь сказать: эти страны были, да и сейчас во многом остаются старомодными. Когда я посещаю Восточную Европу или принимаю гостей оттуда, мне всякий раз кажется, будто я попал во времена, о которых знаю по рассказам бабушек и дедушек или из старых книг.

На самом деле так оно и есть. Восточноевропейские общества существовали в худших материальных и технических условиях, чем западные. Предполагалось, что государство должно обеспечивать своим гражданам достойные условия жизни. Однако с этой задачей власти не всегдаправлялись. В Восточной Европе главенствовала однопартийная система. Высказывать оппозиционные суждения было опасным делом. Люди не хотели говорить со мной на улицах, визит к кому-нибудь домой мог привести к плачевным последствиям — для хозяина. Уезжать из Восточной Европы на поезде было довольно неприятно. Вооруженные пограничники с собаками и фонариками обшаривали багажное отделение, проверяя, не пытается ли кто-нибудь сбежать в капиталистическую страну. Могло показаться, что ты покидаешь тюрьму.

Пустые прилавки при избытке контроля со стороны государства. Неудивительно, что многие мечтали об ином общественном строе!

Не так давно я ездил в Россию с внучкой. Я собирался посетить семинар в Астрахани, дорога туда неблизкая, и у меня была куча времени, чтобы пообщаться с русскими кол-

легами. Все разговоры начинались одинаково: русские тепло приветствовали мою четырнадцатилетнюю внучку, им было приятно познакомиться с норвежской девочкой. Спустя пару минут следовал роковой вопрос: какой путь она избрала для себя, где собирается учиться и в какой области в будущем планирует работать. Пока девочка не привыкла к этому вопросу, он приводил ее в отчаяние. Она — обыкновенный норвежский подросток. Ведь вся жизнь впереди. Сначала нужно окончить школу, потом можно поездить по миру, можно поступить в университет или просто поработать, чтобы скопить денег. Конечно, она собирается продолжать образование, но как бы то ни было, дедушку ее выбор совершенно не касается. «Дома меня об этом спрашивали только один раз», — сказала мне внучка после первого подобного перекрестного допроса. А вот русские коллеги меня осуждали. Считали плохим дедом. Думали, что я пренебрегаю своими обязанностями. Такая славная, умная девочка — и родной дед не может наставить ее на путь истинный, — помочь ей в выборе своего призыва!

Уж я-то должен был быть готовым к подобным вопросам. Много лет меня занимал феномен исключительной жизнестойкости восточноевропейской интеллигенции. При коммунистах, когда рабочий класс считался привилегированным, я почти не встречал образованных людей, происходивших не из академических семей. Я могу ошибаться, но не исключено, что в других сегментах советского общества семейственность имела не меньшее влияние. Нехватка самого необходимого и жесткий контроль со стороны государства заставляли жителей социалистических стран ставить семью и семейные ценности куда выше, чем это было принято на Западе. В эпоху дефицита представителям разных поколений приходилось уживаться вместе. Комната или даже угол в родительской квартире становился единственным выходом для молодой пары, ожидавшей ребенка. В семье с маленькими детьми и мама, и папа должны были работать, чтобы прокормиться. Они также нуждались в своих старых родителях, на которых можно оставить внуков, как старики нуждались в материальной поддержке детей, потому что маленькой пенсии могло не хватить. Хорошей поддержкой для большой семьи был и летний домик, так называемая «дача», где дети проводили канику-

лы, а на грядках можно было выращивать овощи на зиму. В таком обществе одиночкам и аутсайдерам было несладко. Социальный вес имел вполне материальный эквивалент.

Однопартийная система в своих более мрачных проявлениях также оказывала давление на семью. Такая система держится на доносах, о чем красноречиво свидетельствуют архивы Штази, рассекреченные после падения Берлинской стены. Оказаться осведомителем властей мог любой. Можно было лишь надеяться (не имея, однако, полной уверенности), что их нет среди твоих близких родственников. Об этом неоднократно говорил в своих лекциях Иво Мошный, талантливый социолог из чешского города Брно.

Мы познакомились во время «пражской весны», краткого периода ослабления политического гнета. Когда та удивительная весна закончилась, Иво удалось уцелеть. Он получил работу вахтера в университете, в котором раньше преподавал. Теперь он декан социологического факультета в том же университете. Как-то раз группа норвежских криминологов отправилась на автобусе из Скандинавии в Вену через Польшу и тогдашнюю Чехословакию. В то время Иво еще работал вахтером. Прямо в автобусе, вдалеке от всевидящих глаз тайной полиции, он прочел нам блестящую лекцию. Иво говорил именно о том, как семья помогает противостоять тоталитарному режиму.

Чтобы спастись от государственного гнета, человек придумал сотни убежищ. Одним из них стала семья. Но спасения искали и в культуре, наследии прошлого, старых романах, музыке, поэзии. Материальное неблагополучие может способствовать расцвету иных, альтернативных форм деятельности. Интерес к искусству, до сих пор характерный для России и некоторых соседних стран, можно объяснить именно этим. Хотя, скорее всего, причины высоких культурных запросов обитателей постсоветского пространства не исчерпываются стремлением укрыться от тоталитарного государства. Возможно, все дело в русском характере. Может быть, ему удастся сохранить свою оригинальность вопреки материальному благополучию. К счастью, в ближайшее время материальное благополучие еще не может быть искушением для русской культуры.

* * *

Однако нельзя сказать, что советский режим канул в прошлое, не оставив следа. Поговорим об этом.

5.6. Ох уж эти польские студенты

Для лекций в Польше я выбрал несколько тем, о которых мы с вами уже говорили: благотворное воздействие обширных знакомств, практическая польза дружбы с соседями, значение общественного контроля как альтернативы государственного. Понимания мои идеи не встретили. Иначе и быть не могло. Люди были научены горьким опытом, когда любой сосед мог донести. Времена поголовного доносительства могут вернуться, так зачем же подвергать себя опасности, доверяясь соседям? Таковы нелицеприятные уроки однопартийной системы.

Наследие прошлого препятствует введению в Восточной Европе медиации и восстановительной юстиции. Местные жители сыты ими по горло. Они насмотрелись на работу домкомов и райкомов. Возродить на предприятиях товарищеские суды? Нет уж, спасибо!

И такую позицию можно понять. Все это в странах Восточной Европы уже было, только существовало под контролем государства. Судьи, конечно, были народными, но оставались членами партии. Альтернативные способы разрешения конфликтов, вызывающие столь сильный интерес в западных странах, на Востоке встречают без энтузиазма. И на то есть весомые исторические причины. Впрочем, и Западу не стоит заходить слишком далеко в стремлении отстранить государство от решения социальных проблем. Эту тему стоит рассмотреть отдельно.

6. Без наказаний

6.1. Два типа правосудия

Мы знаем, как складывалось общественное мнение в традиционных обществах. Женщины каждый день в одно и то же время встречались у источника или у реки. Набирали воды, стирали и обменивались новостями и мнениями. Отправной точкой для бесед нередко становились конкретные ситуации или происшествия. Они рассказывали об этом друг другу, оценивали, сравнивали с аналогичными событиями прошлого. Хорошо или плохо то, что случилось; благо это или зло; как следовало поступить на самом деле? В мужских компаниях говорили о том же. Таким образом, в обществе постепенно, хотя и далеко не всегда, складывалось единое представление о том или ином происшествии. В этом случае можно говорить о формировании социальных норм через общение. Назовем эту модель моделью *горизонтального правосудия*, осуществляемого равными по отношению к равным, где равенство обуславливается тесным общением. Конечно, это равенство относительное. Кто-то лучше одет, кто-то происходит из особо уважаемой семьи, кто-то — непревзойденный остряк. Но в данном случае они равны. Они формируют свое мнение в коллективе.

* * *

У горизонтального правосудия есть три основных признака:

1. Его решения носят *локальный* характер. Никому не интересно, как поступают в других деревнях. Важно то, что происходит здесь и сейчас, то, что творилось здесь в прошлом, и то, чего стоит ждать в будущем. В пунктах А, В, и С

могут созреть три разных способа решения одной проблемы. Но чтобы вердикт стал легитимным, общественное мнение локального общества должно быть полностью убеждено, что он является продуктом местного значения.

2. Представления горизонтального правосудия о значимости тех или иных событий значительно отличаются от тех, которые предлагает уголовное правосудие. Они вырабатываются каждый раз в процессе всеобщего обсуждения. Значимо то, что большинство считает значимым. Причем принятые решения должны быть хотя бы в какой-то мере одобрены всеми заинтересованными сторонами. Тот факт, что Пер обидел Кари пятнадцать лет назад, непременно будет принят во внимание, если младшая сестренка Кари обмажет маленького брата Пера дегтем и обваляет в перьях.

3. При обсуждении у колодца компенсация ущерба всегда является предпочтительнее возмездия. Это связано с самой структурой мелких сообществ. Как правило, такие сообщества носят эгалитарный характер. Это вовсе не означает, что все обладают одинаковым материальным достатком или статусом, однако, если возникает конфликт, каждый из его участников может рассчитывать на поддержку родственников и друзей, что дает сторонам равные возможности. Обычно такие общества существуют вне зоны действия официальных властных структур. А значит, все проблемы приходится улаживать самим. Соседи знают друг друга с незапамятных времен и понимают, что им предстоит жить вместе долгие годы. Они не могут, как большинство современных людей, сбежать от проблем, порвав прежние связи и переселившись в другую общественную среду. В такой системе наказания неэффективны. Умышленное причинение боли другому человеку, каким является наказание, в условиях хрупкой общественной структуры может привести к братоубийству. Когда центральная власть находится вне пределов досягаемости, а на месте никто не обладает большей властью, чем другие, когда бежать некуда, лучшим решением конфликта является не наказание, а возмещение.

* * *

А вот и другая картина: Моисей спускается с горы. В руках у него скрижали, на которых записаны правила, продиктованные кем-то свыше. Моисей был всего лишь посланником, ко-

торый донес до народа волю высшего существа. Много позже то же самое сделали Иисус и Мохаммед. Перед нами классический пример «вертикального правосудия».

Оно коренным образом отличается от правосудия горизонтального. Стоит записать свод правил на каменных скрижалях, как они становятся общезначимыми. По закону, в одинаковых ситуациях нужно прибегать к одному и тому же решению. Однако если принимать во внимание все обстоятельства, одинаковых ситуаций не бывает. Потому формальное право *никогда не принимает во внимание все обстоятельства*. Чтобы подвести тот или случай под определенную — одинаковую — категорию закона, приходится игнорировать многие факторы. Начинается процесс исключения *несущественных* деталей. Их выбор всегда субъективен. Следовательно, чтобы создать условия для применения закона, необходимо выработать критерии для определения несущественного. Вопрос релевантности решается догматически: так, адвокаты часто запрещают своим клиентам упоминать в суде о фактах, которые кажутся обвиняемым главными аргументами в их защиту. Поступать подобным образом обучают на юридических факультетах. Эта форма правосудия существует за счет ограничений, определяющих существенные и несущественные аспекты дела. В противном случае применять законы было бы практически невозможно. В этом главное отличие вертикального правосудия от горизонтального, при котором вопрос о релевантности решается в ходе общего обсуждения.

Вертикальное правосудие, которое подразумевает наличие социальной разобщенности, создает благоприятную почву для создания системы наказаний, т.е. преднамеренного причинения страданий. В современном мире нас окружает слишком много людей, которых мы не знаем и никогда не узнаем. В такой ситуации чрезвычайно легко применять карательное правосудие. Пенитенциарное право как нельзя лучше годится для нашего времени.

6.2. Становление формального права

Каждые два года мне в офис присыпают новое издание довольно необычной книги, которую издает юридический факультет Университета Осло. Это большая, толстая, в красной

обложке книга, напечатанная на словарной бумаге. В 1930 г. в книге было 2099 страниц, а в 2002 их количество возросло до 3111. В ней собраны все законы норвежского государства с 1687 г. и по сегодняшний день. Ни один юрист не может обойтись без последнего издания этой книги. Для студентов юридических факультетов эта книга такой же символ профессии, как стетоскоп для медиков.

В наше время к юридической литературе прибавилась информация на электронных носителях. Любой юрист, имеющий доступ к профессиональной базе данных, узнает о последних судебных решениях прямо за утренним кофе. Близится время, когда все юристы будут подключены к этой базе данных, иначе никто не станет принимать их всерьез. Все индустриально развитые страны постоянно совершенствуют компьютерное обеспечение своих судов. Таблицы приговоров по типу практикуемых в США вот-вот устареют. Теперь достаточно ввести в электронную систему информацию о преступлении и преступнике, и вы получите «профиль» — список приговоров по «подобным» преступлениям. Это, конечно же, только информация к сведению, а не закон, но при этом довольно убедительный пример того, как действуют другие судьи. От каменных скрижалей к таблицам с нормативными приговорами на дисплее компьютера. Электронная эпоха не принесла юридического равенства, а скорее породила юридическую пирамиду.

Со временем мест для неформального общения становится все меньше. К источникам никто больше не ходит, хотя в какой-то мере это и компенсировалось распространением кофеен. Деревня старого типа постепенно исчезает. Правда, недавно появилась деревня нового типа. И здесь горизонтальное правосудие функционирует вполне успешно.

6.3. Мировая деревня

Женщины у колодца, наверное, не согласились бы со многим из высказанного. Они, скорее всего, были не сильны в классификациях. Что все это означает, и о чем я вообще говорю? Впрочем, в наше время никто уже не собирается у колодца. Зато появилось новое поле для применения принципа внесудебных разбирательств. Я говорю о крупных экономических корпорациях.

Принято считать, что в современном обществе деревни больше нет. Что от нее осталась только мертвая оболочка, затхлое сонное место. Теперь судьба человечества — жить в мегаполисах, в окружении незнакомых людей. Это так. И все же не совсем. Деревни действительно исчезли. А на смену им пришла мировая деревня. В наше время, чтобы изучить деревенскую жизнь, не нужно ехать за город, лучше отправиться в самый центр города. В Сити. В лондонский Сити, на Уолл-стрит, в центральные районы Сингапура, Токио или хотя бы Осло. Там нужно отыскать здание с самой серьезной охраной и попытаться проникнуть в какую-нибудь крупную компанию, арендующую в нем офис. В моей стране это будет, по всей вероятности, нефтяная компания или, скорее всего, адвокатская контора. Войти в такое здание все равно, что оказаться в одной из хижин в африканской деревеньке.

И как мне только могла прийти в голову подобная чушь?

По трем веским причинам. Правда, излагая их, мне придется прибегнуть к определенному упрощению.

Во-первых, жители современных хижин-корпорций, как и их первобытные коллеги, прочно *связаны* между собой посредством телефонной связи и постоянно общаются с заокеанскими коллегами по электронной почте или факсу. Их объединяет общее представление о мире, почерпнутое со страниц «Файнэншл Таймс», «Уолл-стрит Джорнала» и «Экономиста».

Во-вторых, они зависят друг от друга не меньше, чем жители старых деревень. Все они живут на одной планете, другой нет. И они прекрасно понимают, что уходить им некуда — либо деревня, либо пустыня.

В-третьих, высшая власть далеко, и полномочия ее ограничены. Современная адвокатская фирма порой располагает куда большим количеством первоклассных специалистов, чем министерства юстиции и внутренних дел вместе взятые. Ее сотрудники знают законы лучше, чем государственные чиновники, и лучше умеют применять их на практике.

В сложившихся обстоятельствах служащим крупных фирм приходится разрешать конфликты так же, как жителям старых деревень. Деваться некуда: приходится беречь имеющиеся связи. Ждать помощи извне, как правило, не приходится. Споры нужно улаживать, не прибегая к помощи властей. Любой социальный антрополог подтвердит, что попытка нака-

зать преступника может обернуться разрушением закрытой общины. Это повод к войне. В маленьких закрытых сообществах особое значение приобретает баланс сил. Лишь обеспечив его сохранение, можно приступить к ликвидации конфликтов. За нежелательным поступком должна следовать компенсация пострадавшему, а не наказание нарушителя, ведь лишь в таком случае можно сохранить единство общины. Это непреложный закон как для деревенских жителей, так и для сотрудников «Дженерал Электрикс».

В некоторых случаях уголовное право работает отлично, в других — только все портит. Оно основывается на дихотомиях — «все или ничего», «виновен — не виновен». Но порой мы виновны лишь отчасти. Эта неполная виновность, в особенности в сочетании с былыми грехами пострадавшего или его сторонников, позволяет прийти к компромиссу. Разрешая конфликты без помощи внешних сил, проще сохранить отношения между людьми и социальную систему, в основе которой они лежат.

Юристы мировой деревни, как и обычные деревенские жители, чаще предпочитают мирные решения и поиск компромиссов открытой конфронтации. Труд миротворцев и посредников, как всегда, высоко ценится обществом, а в условиях нашей культуры это означает и высокую оплату. Чтобы примирить враждующие стороны, нужна хорошая репутация. Поэтому такие юристы будут сторониться политики и клиентов с плохой репутацией. Ведь хорошая репутация юриста гарантирует высокий гонорар. Кроме денег и престижа, такая работа приносит больше удовлетворения, чем решение обыкновенных юридических проблем. Пусть в условиях мировой деревни, пусть в рамках своей административно-экономической системы, но они работают с целым, а не с частностями. Юристы, как и их первобытные коллеги, получают истинное удовольствие, открывая основы законов, придумывая решения, которые устроят все стороны конфликта, и тем самым помогая восстановить гармонию существующей корпорации. Их подход характеризуется глобальностью и направлен на сохранение мира, в отличие от похода специализированного, провоцирующего вражду.

Парадокс заключается в том, что преуспевающие юристы, наслаждающиеся жизнью в своей мировой деревне, вносят

весомый вклад в разрушение обычных деревень. Принимаемые ими экономические решения служат делу международной индустриализации. Они способствуют укреплению мировой деревни, так что их деятельность можно считать одним из ключевых элементов современного сценария развития. А для решения проблем, вызванных этой их деятельностью, призывают юристов совсем другого толка, совершенно не признающих мирных переговоров у источников.

* * *

Перед нами два пути разрешения конфликтов — предложенный Моисеем и выбранный женщинами у ручья. В наше время получили распространение *оба* способа. И уголовное право, и медиация.

6.4. Долой наказания?

В дискуссиях о наказаниях все больший вес приобретают сторонники так называемого аболиционизма.

Аболиционисты недоумевают: в чем логическое или этическое превосходство наказаний над мировой? В результате моих предосудительных действий ты потерял глаз — так возьми себе мой дом. По твоей вине я попал в аварию — что ж, я готов тебя простить. Наказание означает умышленное причинение боли. Разве, преумножая боль, можно восстановить гармонию? Разве боль — это путь к успокоению и прощению? Я понимаю, откуда взялись эти вопросы, но не могу полностью разделить позицию аболиционистов.

Самые отчаянные головы предлагают вовсе уничтожить уголовное право и запретить наказания. Столь радикальное решение неизбежно создаст новые проблемы.

Далеко не все захотят искать примирения. Большинство преступников не способны или попросту не смеют просить прощения у своих жертв, глядя им в глаза; как правило, они приходят в ужас от одной мысли об этом и настаивают на безличном судебном разбирательстве. Далеко не все жертвы смогут простить своих обидчиков; многие предпочутут, чтобы они понесли наказание. В таких случаях избежать суда не удастся. В современном мире уголовное право должно существовать хотя бы в качестве альтернативы примире-

тельных процессов. Может случиться, что за один и тот же поступок кто-то будет прощен, а кто-то понесет наказание. Но сама идея того, что хоть кто-нибудь, пусть не каждый, сможет получить прощение, безусловно, нравственна. Наказанные просто получат свое, как если бы восстановительного правосудия не существовало вообще. Однако возможно, что наказания станут мягче. Прощение как реальная альтернатива наказанию хотя бы в некоторых случаях способно повлиять на послабление в рамках правовой системы в целом.

Еще одна причина, по которой стоит сохранить наказания, — то, что полная их отмена может привести к разрушению примирительного процесса. Не исключено, что обвиняемые или их близкие в отчаянии могут наобещать больше, чем способны выполнить. В этом случае потребуется вмешательство арбитра, посредника или других участников процесса, и дело, скорее всего, придется вернуть под юрисдикцию уголовного суда. Или, наоборот, обидчик может подвергнуться излишнему давлению со стороны потерпевшей стороны. А в замкнутых сообществах, где разрешением конфликтов управляют мужчины, обиженной женщине очень трудно отстаивать свои права.

То же самое можно сказать и о конфликтах на государственном уровне. Вот как формулирует это Лора Нэйдер (Nader, 2002, р. 144): «Результаты подробных исследований показывают, что стремление к принудительной гармонии становится орудием, с помощью которого затыкают рот несогласным аборигенам, когда те открыто выражают свой гнев и протест...

Очень похоже на то, что альтернативное разрешение конфликтов в руках экономической и правовой элиты превращается в схему усмирения недовольных масс, применяемую для предотвращения инициации судебных тяжб со стороны последних, параллельно с анонсированием воображаемых катастрофических последствий, которые возбуждение такой тяжбы вызовет» (pp. 127; 144).

Энтузиастам медиации не стоит забывать о том, что ритуализированность судебной процедуры несет и важную защитную функцию. Когда нервы у всех напряжены до предела, а в некоторых случаях может возникнуть даже угроза вспышки прямого насилия, торжественные, громоздкие и утомительные ритуалы, совершаемые в зале суда, обладают успокои-

тельным эффектом. Формальности судебной процедуры помогают справиться с эмоциями, так же, как церковные обряды (или гражданские, если мы говорим о сторонниках набирающего популярность этического гуманизма¹) помогают совладать с горем на похоронах любимого человека.

Особая ситуация складывается, когда обычный человек должен противостоять целой организации, будь то мелкий воришко — против крупной фирмы, юный художник граффити — против муниципальных властей, безбилетный пассажир — против администрации метро. И проблема заключается не только в неравенстве сил, но и в том, в качестве какой из сторон действует представитель крупной организации. Такие представители обычно обладают большим опытом, однако лично не заинтересованы в разрешении конфликта. Напротив, частное лицо, скорее всего, представляет себя в первый раз. В Норвегии органы медиации завалены обращениями мелких воришек, а именно эти случаи хуже всего подходят для решения таким способом. Если так будет продолжаться, то посреднические суды легко могут превратиться в суды по делам несовершеннолетних. Хольгорт дает очень меткую характеристику создавшемуся положению в своей книге «Уличные галереи», посвященной культуре граффити (Hølgård, 2002, pp. 288–293). По ее словам, происходящее в системе медиации больше всего напоминает избиение младенцев.

Положение изменилось бы к лучшему только в том случае, если к участию в примирительных процессах можно было привлечь непосредственно менеджеров крупных компаний, руководство метрополитена или чиновников муниципалитета. Это позволило бы поднять вопрос о целесообразности такой организации работы магазина, при которой товары выложены таким образом, что представляют собой практически непреодолимое для юных воришек искушение, а половина продавцов, присматривающих за торговым залом, уволе-

¹ Союз этического гуманизма (*Humanistiskt forbund*) — основанная в Норвегии организация, чьей целью является создать альтернативу теряющей авторитет церкви (и протестантской религии), сохранив при этом лучшее из религиозного наследства — этическую основу и общечеловеческие ценности. В рамках идейного учения этического гуманизма, атеистическом по существу, важное место отводится и ритуалам как способу объединения людей, в частности, проводятся и альтернативные похороны.

на в целях экономии. Или о том, почему граффити на городских улицах неуместны, а реклама нижнего белья вполне приемлема. Дискуссии такого рода были бы чрезвычайно полезны для общества. Но это скорее из области утопий.

Традиционная система судебных наказаний незаменима в том случае, если преступление совершено не против конкретного лица. Скажем, когда идет речь об оскорблении религии. Например, кто-то произносит богохульство в адрес Христа или Аллаха в присутствии людей, для которых согласно их религиозным убеждениям это является серьезным грехом. Сюда же относится нанесение людьми ущерба самим себе и своему телу, что в какой-то степени требует контроля со стороны государства. Эта категория представлена в основном наркопреступлениями.

И наконец, существует и элементарная потребность в усилении некоторых простых мер. Бывают водители, превышающие скорость, когда им вздумается. Административные меры, вроде изъятия прав и конфискации транспортного средства, далеко не всегда дают желаемый эффект. В качестве последнего средства должно оставаться уголовное наказание.

Впрочем, для многих людей мои соображения вообще не представляют интереса. Наказаний никто не отменит, потому что, как известно, карать — это долг общества. Вне зависимости от преимуществ и удобств пенитенциарной системы, существуют поистине чудовищные преступления, которые общество просто не может оставить не отмщенным. И так далее. Обычные аргументы сторонников наказаний.

6.5. Зимняя ночь

В то самое время, когда я писал эту главу, сорок тысяч жителей Осло вышли на улицы. Это произошло темным вечером первого февраля, когда холод пробирал до костей. Дул сильный северный ветер, градусник показывал минус тринадцать, но, находясь среди этих людей, я не чувствовал холода.

Они пришли из-за Бенджамина. Выступали его друзья и даже сам премьер-министр. Какая-то девушка спела песню. Потом молчаливая процессия двинулась по улицам.

Бенджамина убили за несколько дней до этого. Ему едва исполнилось пятнадцать. Мальчика зарезали трое молодых

людей, симпатизировавших нацистам. С нас хватит, решило наше общество. Бенджамин был темнокожим. Год назад он выступил по телевидению и заклеймил норвежский расизм. Возможно, поэтому его и убили.

Процессия на улицах стала не только выражением общественного мнения, но и примером похоронного обряда нового типа, таким же, как цветы для принцессы Дианы, свечи на могилах и в местах, где разыгралась какая-нибудь трагедия. Массовая акция, вдохновленная и широко освещаемая прессы.

Но достаточно ли этого — вот в чем вопрос.

Было предпринято немало усилий, чтобы пресечь распространение нацистской идеологии и появление националистических организаций. Государство выделяет деньги молодежным движениям, которые помогают членам экстремистских групп покинуть их ряды и вернуться к нормальной жизни. Родители действуют, школа не дремлет, исследователи пытаются поближе подобраться к неонацистам, чтобы выявить особенности их поведения и мотивы, которые ими движут¹.

Но, повторимся, достаточно ли этого? Виновными признали двух парней и одну девушку². Возможно ли в этом случае говорить о восстановительном правосудии? Преступники посягнули на человеческую жизнь. И даже более того. Они полагали сначала, по крайней мере, что совершают благородный поступок, вносят собственный вклад в борьбу с экспансией неполноценной культуры и неполноценной расы.

Неужели я осмелюсь настаивать на применении восстановительного права?

* * *

Бывают и другие сложные случаи. Не так давно всю Норвегию потрясло убийство двух маленьких девочек, которые отправились купаться на лесное озеро, где-то на юге страны. Над ними надругались, а потом убили. Виновных — двух молодых людей — приговорили к длительным срокам заключения. Покидая зал суда, один из них смеялся. Вся страна была в шоке, и я в том числе.

¹ Cf. Fangen (2001) and Bjorgo (1997)

² Один из обвиняемых был приговорен к 18 годам тюремного заключения, другие к 17.

И все же вообразим другой конец этой истории. Что, если процесс примирения все же был организован, и после долгого обсуждения родственники погибших сказали: «Вы убили наших детей, но мы прощаем вас. Мы узнали историю ваших жизней, мы видим, как глубоко и искренно ваше раскаяние, а потому не держим на вас зла. Мы знаем, что ждет вас в тюрьме, и потому попросим отпустить вас». Что, если бы родственники и вправду сказали такое, а власти их поддержали?

Такое решение вполне согласуется с заветами нашей морали. Но в то же время я отлично понимаю, что этому не бывать, не говоря уж о том, что было бы трудно привлечь близких погибших к участию в процессе примирения и к тому же убедить их простить преступников. Вполне естественно и не подлежит осуждению желание близких погибших добиться суворой кары для преступников. Но если примирение все же состоится, сможет ли общество принять его? Почему мы предпочитаем звать прокуроров и тюремщиков?

Если бы все жертвы и родственники тех, кто замолчал навсегда, даровали прощение своим обидчикам, какой-нибудь вооруженный Дюркгеймом социолог стал бы доказывать, что для сохранения единства общества необходимо, чтобы за столь ужасными преступлениями следовало наказание. Впрочем, повсеместное торжество идеи прощения столь же вероятно, как обвал нефтяного рынка из-за того, что владельцы автомобилей решат отказаться от них по этическим соображениям. Но если это все же произойдет, я буду на стороне родителей жертв, нашедших в себе силы простить. Долгий процесс следствия, обвинения, раскаяния и получения прощения позволит изобличить весь ужас, всю невероятную мерзость подобных преступлений. Прощение же преступников, напротив, даст обществу положительный моральный пример.

* * *

Но будет ли это правосудием? Случается, что детей подвергают чудовищным издевательствам, а потом убивают. Справедливо ли отпускать тех, кто это сделал, позволив им отделаться словами раскаяния? Но и противоположные действия были бы столь же несправедливы. Наказание не может быть равным содеянному. Как пишет Гирстен (Giertsen, 2003, привожу цитату в собственном переводе), «наказание — символи-

ческий акт, который по сути своей не может быть равнозначным преступлению и не имеет отношения к ущербу, нанесенному жертве. Наказание — это исключительно знак того, что обществу был нанесен вред, который необходимо как-то компенсировать» (р. 13).

Наказание никогда не равнозначно причиненному злу. Близкие жертвы скажут: «Убийце дали всего двенадцать лет. А мы потеряли сына навсегда. Это несправедливо!» И будут по-своему правы. Однако такая логика является по сути своей разрушительной для общества. Сохранение человеческих ценностей важнее простого возмещения ущерба. Убитого сына не вернешь, а адекватная кара превратит самого виновного в жертву. Наша мораль не должна быть столь примитивной. Если наказание вообще должно иметь место, оно призвано отражать нашу систему ценностей.

Потерпевшие или инициативные группы потерпевших нередко бывают глубоко оскорблены неадекватностью понесенного преступниками наказания с точки зрения той боли, которую они причинили. Это разочарование обычно находит выражение в виде резкой критики судебной системы, пресса охотно хватается за скандальный материал, а вскоре к общему хору присоединяются и политики.

Что делать в этом случае?

То же, что и всегда: искать аргументы, обмениваться идеями, терпеливо объяснять. Подход к наказанию преступников определяется культурой нации. В этом вопросе нельзя полагаться на инстинкты. Решая его, мы неизбежно сталкиваемся с целым рядом глубочайших моральных проблем. Это дело писателей, драматургов, художников — и каждого из нас. А вовсе не только дело специалистов. И разумеется, не только самих пострадавших. Это хор голосов, тысячи суждений, в которых непросто разобраться и которые не всегда можно примирить друг с другом. Как только мы осознаем общекультурный масштаб проблемы, то перестанем искать простые решения.

6.6. Минимализм

Как я надеюсь, мне удалось довольно убедительно показать, что идея аболиционизма в чистом виде нежизнеспособна.

Нельзя вовсе отменить систему наказаний. Однако в предыдущих главах, как мне кажется, я показал также, что мы можем достаточно далеко продвинуться в этом направлении. Преступления как данности не существует. Это всего лишь одно из названий для нежелательных поступков. Выбор остается за нами, и мера наказания за тот или иной проступок зависит от состояния нашего общества на данный момент времени, что является лишним доказательством свободы выбора.

В такой ситуации мне самому куда ближе позиция *минимализма*¹. Эта позиция в целом близка аболиционизму, но сохраняет возможность применения наказания в особых случаях. И аболиционисты, и минималисты за исходную точку своих рассуждений берут понятие нежелательного поступка, а не преступления. И те, и другие размышляют, каким образом можно разрешить проблемы, возникающие из-за таких поступков. Что может помочь делу — выплата ли потерпевшей стороне компенсации, создание следственной комиссии, или нужно помочь обвиняемому просить о прощении. Минимализм оставляет возможность выбора. Если принять во внимание все обстоятельства, так или иначе связанные с нежелательным поступком, наказание становится всего лишь одним из возможных выходов. Правосудие, берущее за точку отсчета конфликт, а не преступление, оставляет участникам процесса больше свободы. В этом случае они не связаны «необходимостью наказания» и вольны принимать решения сами.

Это хорошо и плохо одновременно. Наказание перестает быть единственным выходом, но на нас падает вся тяжесть выбора, — покарать виновного или добиться примирения. Попробуем теперь проверить жизнеспособность минималистского подхода применительно к некоторым катастрофам последнего времени.

¹ Термин «аболиционизм» пришел из эпохи борьбы за отмену рабства в Соединенных Штатах. В среде аболиционистов шли ожесточенные споры о том, стоит ли отменить рабовладение полностью или только ограничить. В нашем случае у движения за отмену наказаний есть свое умеренное крыло. Речь идет о минималистах. Исторически у этого термина не слишком хорошая репутация, однако он вполне подходит для обозначения тех, кто ищет новые пути противостояния преступлениям.

7. Реакция на зверства

7.1. Слепые, глухие, непомнящие

Никто из нас не может запомнить всего, с чем ему приходилось сталкиваться на протяжении жизни. Мозг просто не выдержал бы такой нагрузки. Мы не запоминаем надписей на стенах, мимо которых проходим. А если и запоминаем, то лишь частично. Мы замечаем, запоминаем и воспроизводим информацию выборочно. Такая избирательность определяет интерпретацию увиденных или пережитых нами событий. То, что врач назовет абортом, а священник сочтет убийством, для одной женщины станет моментом величайшего облегчения, а для другой страшным грехом, погребенным под толщей памяти¹. Наше восприятие избирательно, как и наша память. Мы конструируем реальность.

Жизнь подростка во время Второй мировой войны на оккупированной территории мало чем отличалась от жизни его сверстников. Правда, приходилось следовать определенным правилам: никакого близкого общения с немецкими солдатами и норвежскими нацистами. Но, как ни странно, я совершенно не помню депортации евреев. Не могу припомнить, чтобы хоть кто-нибудь из моих в целом патриотически настроенных близких высказывался по этому поводу. Евреев арестовывала обычная норвежская полиция. Арестованных было так много, что понадобились сотни обыкновенных такси, чтобы свезти их на корабль и отправить по немецким концлагерям, где большинство и нашло свою смерть. Полагаю, так-

¹ Интересно, что первоначальное значение английского слова «mind» (сознание) — «память». На древнескандинавском это будет «Minne».

систы вскоре забыли об этом эпизоде своей жизни. Когда горстка выживших вернулась обратно, они обнаружили, что страна уже успела позабыть об их существовании. Их имущество разошлось по чужим рукам. Только в 1996 г. жертвы нацизма, точнее, их дети и внуки, наконец-то получили достойную компенсацию.

Молчание — один из самых распространенных ответов на жестокость. Люди молчат, потому что их некому выслушать. Изоляция жертвы — одна из главных примет общественной системы, допускающей неправомерное насилие. Подобный механизм можно наблюдать в случае с женщинами, которых избивают мужья. Эти мужчины стараются изолировать жену и детей, следят за тем, чтобы у них не было близких контактов с родственниками и друзьями. Детям запрещено приводить домой приятелей. Не с кем поделиться, некому рассказать. А зачастую и не о чем. Ведь когда отец семейства пришел в тот день с работы, обед был не готов или мясо оказалось жестковатым. Значит, он не зря рассердился? Стремясь понять происходящее, женщина находит объяснение в своих собственных недостатках, что мешает ей протестовать. Чтобы спастись, ей нужно вырваться из порочного круга изоляции и поделиться с людьми, не поддерживающими авторитет мужа.

Так было и в концлагерях. Тем, кто не решался признать своих мучителей врагами, было куда тяжелее, чем тем, кто сражался с оружием в руках. Потому что в первом случае негде было искать объяснений, нечем было утешить себя, кроме того, что все происходящее — чудовищное недоразумение.

Многие узники стремились нарушить молчание и передать на свободу весть о том, что происходит в лагерях. Замечательный пример — молочный бидон из лодзинского гетто. Лодзь — большой индустриальный город примерно на полпути между Krakowem и Warsawой. Что бы ни творилось в гетто, его обитатели каждый день выпускали газету, в трех экземплярах. В 1944 г., за несколько дней до отправления в лагерь смерти последней крупной партии обреченных, подшивку газеты спрятали в бидон из-под молока и закопали в землю. Она была найдена уже после войны и опубликована в замечательной и страшной книге Люциана Доброжицкого (Dobroszycki, 1984) «Хроника Лодзинского гетто. 1941–1944». Так жертвы обрели голос.

7.2. Свершение правосудия

Неподалеку от Кракова расположен Освенцим, а рядом с Освенцимом находился Биркенау, один из крупнейших лагерей смерти. Когда закончилась Вторая мировая война, на железнодорожном тупике «Лагерь Биркенау» поставили виселицу. На ней повесили коменданта.

Этого я не могу понять. Одна жизнь за полтора миллиона жизней! Одна сломанная шея за всех задушенных газом, уморенных голодом, просто убитых в стенах Биркенау. Для меня казнь коменданта — утонченное издевательство над памятью полутора миллионов жертв. Получается, что жизнь каждого из них стоит в полтора миллиона раз меньше жизни коменданта лагеря.

«А что же надо было сделать?» — спросили меня польские коллеги, когда я поделился с ними своими сомнениями. На это я мог ответить только одно: возможно, стоило устроить суд. На котором изо дня в день выжившие узники рассказывали бы о том, что происходило в Биркенау. Каждая жертва получила бы возможность выразить свое презрение, гнев и жажду мести. А комендант мог бы высказать свое мнение и свои аргументы, теперь перед лицом выживших жертв и судей.

Но какое решение принял бы судья, независимый судья, а не палач, нанятый победителями?

Лучше всего, по-моему, если бы он выступил с таким обращением к коменданту: «Вы, вне всякого сомнения, сделали то, в чем вас обвиняют. Вы отправили на смерть больше миллиона людей. Вы виновны. Мерзость ваших преступлений находится за пределами человеческого понимания. Мы все слышали. Весь цивилизованный мир узнает о чудовищных действиях, совершенных вами в этом чудовищном месте. Мне нечего к этому добавить. Ступайте, и будьте прокляты».

Разумеется, такого произойти не могло. В начале шестидесятых мне довелось беседовать с одним профессором из Варшавы по имени Батавия. Он был судебным психиатром и в свое время провел немало бесед с комендантом одного из крупнейших концлагерей. Я забыл имя, скорее всего, это был Рудольф Гесс. У нас была возможность сравнить свои наблюдения — я тоже в свое время занимался исследованиями в этой области, а именно опрашивал надзирателей, которые пытали и убивали заключенных в рамках фашистской

программы «Nacht und Nebel»¹ («Ночь и туман») в лагерях на севере Норвегии. Оказалось, что наши результаты во многом схожи. Во-первых, наши собеседники отнюдь не были монстрами. Плохие новости для тех, кто полагает, что на злодейства способны только нелюди: таковых мы не обнаружили. Во-вторых, ни в Польше, ни в Норвегии никто не проявил интереса к нашим исследованиям. Работу Батавии просто запретили; мой скромный труд проигнорировали. Должно было смениться целое поколение, чтобы мне предложили опубликовать свои наблюдения в виде книги (Christie, 1952/74). Пока память о зверствах была слишком свежа, общество требовало мести, а не исследований.

7.3. Казнь идеи

И все же, те, кто вздернул коменданта, были по-своему правы. Они расправились не с одним нацистом, а с целой системой. Его сломанная шея символизировала побежденную идею. Это нацистская идеология болталась на виселице. Общество требует незамедлительных и ясных ответов, если под угрозой оказываются его фундаментальные ценности, как это было в эпоху нацизма.

Согласен, совершенно согласен, а как же иначе?

7.4. Препятствие на пути к пониманию

В глубине своей социологической души я все-таки продолжаю сомневаться. Мы убили коменданта. Более того, в Нюрнберге мы осудили и казнили главных идеологов нацизма. Мы очистили мир от бесчеловечной идеи и ее носителей. Мы раз и навсегда решили, что геноцид и «уничтожение рабово неполноценных народов» — преступления, которые нужно искоренять без всякой жалости. Но добились ли мы главной цели? Казнив коменданта и его начальников, общество успокоилось: свершилось мщение или, как его иногда называют,

¹ «Ночь и туман» — нацистский проект перемещения крупной партии заложников и военнопленных из Югославии в концлагеря на севере Норвегии. Эти лагеря не были «лагерями смерти» в строгом смысле слова, там не было газовых печей и массовых казней, тем не менее смертность составляла 70 % в год. Подробнее об этом в 7.9 — прим. перев.

правосудие. Есть только одно «но». Одновременно прекратились все дискуссии о нацистской идеологии и о том, что явилось ее предпосылками.

Комендант лагеря был виновен и, с точки зрения карательного правосудия, вполне заслужил свою участь. И все равно он стал козлом отпущения, как и его руководители, осужденные в Нюрнберге. То были лишь исполнители, а стоящие за ними могущественные и неосознанные силы после их казни так и остались в тени. Стремление поскорее покарать злодеев не позволило нам разглядеть эти силы и понять сущность породивших их явлений. Только в 1989 г. мы смогли получить более глубокое представление о концлагерях благодаря книге Зигмунта Баумана «Современный мир и холокост».

Коменданта повесили, нюрнбергские судьи нашли виновников зверств, но из поля зрения общества ускользнули другие опасные явления, которые продолжали расти и принесли свои плоды. Вот какие темы не обсуждались в Нюрнберге:

- Дрезден;
- Хиросима и Нагасаки;
- ГУЛАГ.

Дрезден сравняли с землей менее чем за сутки, похоронив под его обломками по меньшей мере 135 тысяч человек. Эта бомбёжка никак не могла быть оправдана с точки зрения военной необходимости. Но в Нюрнберге эту тему не поднимали: то был суд победителей.

Две атомные бомбы превратили Хиросиму и Нагасаки в кладбища. Зачем понадобилось массовое убийство мирных людей, непонятно. Разумеется, в то время никто не позволил бы поднять этот вопрос ни в Нюрнберге, ни в каком бы то ни было другом международном суде. Зачем на японские города сбросили атомные бомбы, мы не знаем до сих пор. Скорее всего, американцы хотели запугать СССР в преддверии «холодной войны».

И наконец, ГУЛАГ. Разумеется, в Нюрнберге, где одним из влиятельнейших судей был русский, об этом и не заикались. Но, пока на процессе выносили смертные приговоры нацистам, ГУЛАГ рос иширился.

* * *

- Вешая непосредственных участников зверств, мы восстанавливаем нарушенный порядок. Общество получает хороший урок: злодей непременно закончит свои дни на виселице. Возможно, таким образом, можно предотвратить новые бесчинства.

Таковы традиционные аргументы в пользу суровых наказаний. Но, как мне кажется, в данном случае эти слова стоят даже меньше, чем обычно. Исполнители подобных злодеяний считают себя слугами государства, окруженного во всех сторонах агрессорами. Или считают себя рядовыми чиновниками, как Адольф Эйхман. Или полагают, что они солдаты неизбежной и справедливой войны, которую их враги называют террором. После освобождения Норвегии мы расстреляли главного предателя Видкюна Квислинга. Не думаю, что это остановит других предателей. Придет другое время, появится новая великая идея — опять найдутся люди, готовые на злодействия во имя правого, как им кажется, дела, которое обязательно должно победить. На скамье же подсудимых окажутся, как всегда, только бандиты и только из стана противников.

7.5. Если бы восторжествовала безнаказанность

Разумеется, я прекрасно понимаю, что произошло бы, если бы комендант Биркенау и главари нацистов избежали смертной казни. Ненависть к ним переходила все границы. В некоторых концлагерях узники разорвали надзирателей на куски сразу после освобождения.

Жажда мести — вполне естественное и понятное чувство. В так называемых правовых государствах этот инстинкт стремятся укротить, для чего и созданы судебные органы, где дело передают в хладнокровные руки судьи. И так оно и должно быть, даже в относительно спокойные времена. Если же восторжествует безнаказанность, мир невозможно будет восстановить.

Таков главный аргумент сторонников наказаний. С ним трудно спорить. Однако в перспективе стремление мстить может обойтись нации слишком дорого. Вот пример из истории моей родной страны Норвегии.

7.6. Квислинг

Во время Второй мировой войны имя «Квислинг» было синонимом слова «предатель». В Норвегии эти понятия неразделимы до сих пор. Видкюн Квислинг был офицером норвежской армии. В 1933 г. он основал норвежскую национал-социалистическую партию. В 1939 г. встретился с Гитлером. 9 апреля 1940 г. немцы оккупировали Норвегию. В тот же день Видкюн Квислинг провозгласил себя премьер-министром. Он оставался главой коллаборационного правительства вплоть до капитуляции Германии 8 мая 1945 г. Буквально на следующий день он был арестован, предан суду и, несмотря на усилия предоставленного ему блестящего адвоката, осужден на смертную казнь. Апелляция к Верховному суду была отклонена, и казнь привели в исполнение 24 октября 1945 г.

Имя Квислинга стало нарицательным. Но не он один помогал оккупантам. Из трех с половиной миллионов жителей тогдашней Норвегии 80 тысяч состояли в нацистской партии. И еще больше людей сотрудничали с немцами: работали на заводах, доносили на соседей и даже пытали людей по указаниям гестапо. Для коллаборационистов придумали специальный термин: *landssvikere* (изменники родины — норв. — *Прим. перев.*). Это было куда хуже, чем обычный коллаборационизм. Это означало изменить своей стране, предать целую нацию и те основные ценности, что составляли опору нации во время войны и оккупации.

7.7. Очищение

Первая норвежская газета, увидевшая свет на следующий день после капитуляции Германии, вышла под заголовком «RO-ORDEN-VERDIGHET». «СПОКОЙСТВИЕ-ПОРЯДОК-ДОСТОИНСТВО». «Ничего не предпринимайте, — убеждала газетная статья. — Предоставьте властям свершить правосудие, которое они не замедлят осуществить». И в самом деле, правосудие свершилось.

Все члены нацистской партии, даже те, кто состоял в ней лишь формально, предстали перед судом. Приговоры, вынесенные в первые годы после оккупации, были чрезвычайно суровы. Наказанию подверглись более 40 тысяч человек, из них 17 тысяч были осуждены на тюремное заключение. Двад-

цать пять норвежцев были казнены. Такая же участь постигла двенадцать немцев.

7.8. Превенция индивидуальной мести

Ни Видкюн Квислинг, ни его сподвижники не избежали расплаты. Мысль о том, что Квислинг будет продолжать ходить по улицам Осло после освобождения от немецкой оккупации, была в равной степени невероятной и невыносимой. Казнь предателей позволила сохранить мир в стране.

Благодаря этим мерам удалось успокоить общество в период сразу после капитуляции Германии. Случаи индивидуальной расправы были достаточно редки, если не считать преследования женщин, уличенных в связи с немецкими солдатами, и чудовищного обращения с их детьми (Olsen, 1998). За этими исключениями, наша мирная страна вновь вернулась в свое мирное состояние.

Но за этот мир нам пришлось дорого заплатить.

7.9. Нарвик, октябрь 2002 г.

В октябре 2002 г. в городе Нарвике на самом севере Норвегии состоялась необычная церемония. Нарвик приобрел известность в 1940 г. как место ожесточенного сражения между немецкими войсками, с одной стороны, и британскими, французскими, польскими и норвежскими силами — с другой. Тогда полегло немало солдат. Их похоронили на одном кладбище в центре Нарвика. В 1942–43 гг. город был вновь отмечен знаком беды. В гавань вошел корабль скорби. На нем заключенных из Югославии привезли на крайний север Норвегии во исполнение гитлеровского плана «Nacht und Nebel». Неподалеку от города построили концлагерь. Только тридцати процентам заключенных удалось пережить первую зиму.

Состоявшаяся в 2002 г. акция должна была продемонстрировать волю к примирению. В Нарвике собрались представители всех наций, принимавших участие в тех событиях. Там были ветераны войны и молодые солдаты, послы, спикер норвежского парламента, мэр города, ученые. Мы отправились на кладбище. Слева от нас были немецкие могилы, справа и прямо перед нами захоронения погибших союзников. В

церкви мы вместе молились на разных языках. Мы организовали семинар, на котором обсуждали теорию и практику примирения.

Мы все были там.

Или не все?

Немецкие ветераны получили наше приглашение и приняли его. Но большинство из них к этому времени были слишком старыми и не отличались крепким здоровьем. И ни один немецкий ветеран в Нарвик не приехал. Не скрою, мы испытали облегчение. Нам с трудом удалось убедить норвежских ветеранов встретиться с ними. Но принимать пришлось только немецкого посла.

Но были и те, кого не пригласили вовсе. На встрече не было ни одного последователя Видкюна Квислинга. Ни одного бывшего коллаборациониста. «Я бы ни за что не пришел, если бы их тоже пригласили», — заявил один из лидеров движения норвежских ветеранов войны, переживший к тому же и немецкий концлагерь. Я хорошо его знаю, это добрый и порядочный человек. «Впрочем, — добавил он, — если они искренне раскаялись в своих старых преступлениях, это меняет дело». В пылу дискуссии председательствующий задал мне вопрос: «Вы согласились бы принять здесь бывшего плача во имя примирения?»

Я бы согласился.

7.10. Памятник

Мы посетили место неподалеку от Нарвика, где располагался концлагерь. Там поставили памятник. На постаменте выбита надпись: «Жители Норвегии и Югославии отдают дань памяти 500 югославам, жертвам нацизма, умершим в немецком концлагере <...> в 1942–43 гг.»

Умершим? Да ведь их убили.

Немецкий концлагерь? Да, его организовали и возглавляли эсэсовцы. Но охранниками служили норвежцы, несколько сотен норвежцев. После войны сорок семь из них предстали перед судом и получили длительные тюремные сроки. Я хорошо знал этих людей. Как уже упоминалось выше, через несколько лет после окончания войны я проводил интервьюирование этих людей, а также и тех их бывших коллег, кто не

запятнал себя серьезными преступлениями во время работы в лагере. О суде много писали норвежские газеты.

7.11. Цена наказания

Октябрьская встреча в Нарвике ничего не доказывает, но зато служит хорошей иллюстрацией. Когда оккупация закончилась, колаборационисты и военные преступники понесли суровое наказание. Но свершение правосудия не освободили общество от ненависти. Норвежцы до сих пор презирают предателей, их дети чувствуют себя изгоями, и даже внуки скрывают прошлое своих семей. Тем самым, значительной части населения отказано в уважении общества. И до сих пор большинство норвежцев полагает, что узников в концлагерях убивали только немцы.

7.12. Международные и уголовные суды и трибуналы

Нюрнбергский процесс являлся очевидным примером суда победителей. Он был международным лишь в том смысле, что четверо судей представляли четыре ведущие нации, победившие в войне с Германией. Суд шел над врагом, потерпевшим сокрушительное поражение. Безусловно, это существенно облегчило задачу судьям, ведь все внимание было обращено на побежденных.

Впоследствии были и другие, более успешные попытки воплотить в жизнь международные правовые стандарты. Некоторые интернациональные суды в большей мере соответствуют своему названию, чем Нюрнбергский. Среди примеров можно назвать Гаагский международный трибунал по преступлениям в бывшей Югославии и аналогичный трибунал по делам Руанды, расположенный в танзанийском городе Аруша. По тому же образцу создается в настоящее время и Международный уголовный суд.

Однако очевидно, что интернациональная сущность таких судов достаточно условна. Особенно хорошо это видно на примере Международного уголовного суда. Самые могущественные на мировом пространстве игроки не участвуют в этом предприятии. США не только не ратифицировали дого-

вор о Международном суде, но и вынудили другие страны гарантировать, что в нем не будут рассматривать дела американских граждан. Среди других держав, не подписавших соглашение, Израиль и Российская Федерация. Те, у кого есть власть, предпочитают действовать по-своему.

Международное правосудие сталкивается и с другими проблемами — например, с международными политическими играми. Весной 2001 г., когда я только начинал писать эту книгу, Запад оказывал огромное давление на руководство Югославии, требуя выдать Милошевича Гаагскому трибуналу. За это югославскому правительству обещали материальную помощь в восстановлении страны. Решив судить бывшего президента дома, югославы не получили бы ничего. В конце концов, Милошевича отправили в Гаагу¹.

Деятельность Международного трибунала по делам Руанды позволяет выявить трудности иного рода. Трибунал заседает в танзанийской Аруше. На его содержание ежегодно уходит миллион долларов. Главная его обязанность — рассмотрение дел обвиняемых из элиты: около ста человек ожидают решения суда в расположенной неподалеку тюрьме, во вполне приличных условиях. Согласно первоначальному замыслу, главные виновники должны быть осуждены в первую очередь. Но это значит, что мелким рыбешкам придется подождать. Что они и делают — за границей, в руандийских тюрьмах. В условиях столь чудовищных, что из 120 тысяч заключенных большинство погибнет до того, как получит свое наказание от трибунала в Аруше. В 1999 г. в тюрьмах Руанды умерли 3 тысячи человек. К счастью, в 2002 г. в этой стране начала действовать система судов присяжных Гацаца, в большей степени ориентированных на медиацию и примирение.

* * *

У меня нет готовых ответов на поставленные выше вопросы. Но должен признаться, что сама идея обуздить жестокость посредством уголовного пенитенциарного правосудия вызы-

¹ Наверняка Милошевич — скверный человек, и скорее всего суд в Белграде признал бы его виновным. Мне трудно судить об этом вопросе. Однако теперь мы можем наблюдать, как он превратил факт выдачи в Гаагу в один из важнейших элементов своей стратегии защиты.

вает у меня сомнение, если не сказать недоверие. Уголовное правосудие в силу своей специфики использует доступную информацию выборочно, многие обстоятельства не принимаются в расчет, что не очень-то может помочь по-настоящему разобраться в произошедшем. Международный суд — это, как правило, суд победителей, и как таковой вряд ли способен восстановить мир в обществе. С его помощью можно восстановить лишь частичную картину преступлений, совершенных в прошлом. А нам нужна система, ориентированная на будущее. Механизмы, позволяющие не только разобраться в прошлом, но и не совершать ошибок в будущем. Возможно, добиться этого помогут комиссии по установлению истины, способствующие примирению сторон.

7.13. Комиссии по установлению истины

Главная цель комиссий по установлению истины — сломать стену молчания, основа их деятельности — вера в силу правды. Мир узнал о том, что происходит в Южной Африке во многом благодаря усилиям архиепископа Туту. Люди, постоянно подвергавшиеся нечеловеческим мучениям и унижениям, как физическим, так и моральным, получили возможность рассказать о своих страданиях. Они смогли обличить угнетателей, глядя им в глаза. И, сколько бы ни критиковали такие комиссии в дальнейшем, вне всякого сомнения, они представляют исключительное в своем роде явление. Их первостепенная цель — дать жертвам возможность рассказать всю правду о том, что им пришлось пережить, а не формулировать обвинения и осуществлять месть. Настоящий уголовный суд ограничился бы той информацией, которую счел бы юридически обоснованной. Люди, пришедшие рассказать свои правдивые истории, были бы встречены недоверием и подвергнуты допросу со стороны защиты.

Эти обстоятельства коренным образом меняли и положение обвиняемых. Они согласились присутствовать на слушаниях, главным образом, для того, чтобы избежать формального судебного разбирательства. Выступая публично, эти люди подвергались серьезному стрессу. Им было что терять — они рисковали своей честью и добрым именем. И все же они согласились нарушить молчание, принять участие в работе

комиссии, рассказать свою правду. Никто не ограничивал их в высказываниях, как это бывает в настоящем суде.

Можно ли было принять их показания во внимание?

Если бы целью работы комиссии было установление вины конкретных людей по конкретным уголовным обвинениям, то вряд ли. Возможно, при более дотошном исследовании можно было бы получить более точную и достоверную информацию. С этим уголовные суды справляются великолепно. Но узнать всю правду как она есть, правду, увиденную разными сторонами, могут только комиссии по установлению истины. Здесь люди имеют возможность поделиться своим мнением, чувствами и эмоциями, а также отрицать и все, в чем их обвиняют. Если целью является рассказать о произошедшем, а не приговорить к тому или иному наказанию, преимущества комиссии по установлению истины очевидны¹.

Судебное разбирательство в рамках уголовного права помогает избежать ошибок при вынесении наказания преступникам — в том случае, если оно проходит, как должно, а это бывает не всегда. А когда требуется разобраться в произошедшем и залечить раны, комиссии по установлению истины эффективнее судов — в том случае, разумеется, если они функционируют должным образом, что тоже бывает не всегда. Хочу заранее оговориться, что я описал идеальную ситуацию. Иногда комиссиям приходилось работать в невыносимых условиях, при отсутствии средств и под политическим давлением. Тогда им пришлось столкнуться с проблемами, которых не избежали бы и обычные суды в схожей ситуации.

7.14. Примирение

Установление истины — важный шаг. Однако это только первый шаг на пути разрешения конфликтной ситуации. Необходимо инициировать процесс примирения.

Этот процесс состоит из двух этапов. Прежде всего, должен быть поднят вопрос о компенсации для жертв. Отрадно, что удалось найти истину; когда преступники, как правило, богатые и могущественные, встречаются лицом к лицу со сво-

¹ О соотношении примирительного и восстановительного правосудия см. Parmentier (2001).

ими обездоленными жертвами, и становится ясно, что произошло на самом деле. Но правды и покаяния недостаточно. Имущественное неравенство сохраняется даже после восстановления истинной картины событий. К сожалению, эту проблему слишком часто игнорируют во время подобных процессов. Сказав правду, богатый обидчик возвращается к себе на комфортабельную виллу, а бывший узник и жертва выходит на свободу, но остается нищим.

Второй этап связан с *медиацией*, направленной на установление мира. Искать его приходится после целых лет угнетения, череды убийств и насилия, порой случаев откровенного геноцида. Разумеется, полное примирение в таких случаях невозможно. Мужчин убивали, женщин насиловали, избивали, многие из них забеременели от своих мучителей. Или, как это было с цыганами в моей родной Норвегии, их насильно стерилизовали и разлучали с детьми. Никто не в силах отменить уже совершенного зла.

В Европе самой сложной за последние годы стала ситуация в Косово, где за предосудительными поступками сербов и косовских албанцев последовало не менее предосудительное вмешательство Запада. До начала бомбардировок в Косово находились тысяча триста иностранных представителей миротворческих сил. Накануне первого удара их отзвали. Многие специалисты полагают, что тринадцать тысяч миротворцев помогли бы сохранить мир и предотвратить бомбежку, а также и бегство 800 тысяч человек. Зато теперь в автономной области находится 45 тысяч иностранных солдат.

Существуют два пути умиротворения косовского конфликта. Первый — традиционный: уничтожить убийц, бросить их в тюрьму или покарать их еще каким-нибудь способом. Есть и другой: собрать вместе представителей противоборствующих сторон, чтобы они могли поведать свои истории, высказать взаимные претензии и постепенно, не сразу, но все же прийти к общей картине произошедшего и найти общее решение проблемы.

Верх наивности?

Не совсем. Такой способ разрешения конфликтов хорошо известен коренным жителям Австралии и Новой Зеландии, он же восходит к традициям индейских племен, живших на территории Канады и США. В наше же время в тюрьмах

развитых стран находится непропорционально большое количество молодых аборигенов. Тем очевиднее потребность вернуться к традиционным путям разрешения конфликтов. Эти традиции основываются на медиации. Как я уже говорил в предыдущей главе, в обществе, сравнительно равноправном и находящемся вне поля действия центральной власти, применение наказаний может спровоцировать гражданскую войну. То же самое может произойти и на международном уровне при отсутствии диктующей свои условия сверхдержавы: наложение санкций на одну страну только спровоцирует возобновление старых конфликтов и военных действий. Чтобы сохранить общество, нужно восстановить нарушенный порядок. Восстановить в древнескандинавском смысле этого слова. Дословно это означает поднять упавшие деревянные подпорки — *staur*¹ — и укрепить дом. Такой подход по своей сути отрицает основные принципы уголовного права. Обвинения и порицания должны быть направлены на восстановление пошатнувшегося общественного единства. Если имя преступника установлено, встает вопрос о том, каким образом он может компенсировать причиненный вред, материально или символически, а не о том, как заставить его страдать. Примириительные процессы такого рода могут стать продолжением работы комиссий по установлению истины.

Это невозможно на Балканах?!

Так мне сказали и в албанской столице Тиране несколько лет назад. Меня пригласили на большой симпозиум, в котором принимали участие несколько сотен человек. Мы пытались понять, как искоренить кровную месть. «Это невозможно, — говорили выступавшие. — Наша гордость нам не позволит. Мы испокон веков живем по закону кровной мести и не можем иначе». Тогда поднялся высокий, седой человек. После я узнал, что он командовал партизанским отрядом, который сражался с итальянскими оккупантами, а затем служил в армии. Но это было очень давно. А тогда седой человек сказал: «При Ходже (бывший руководитель Албании. — Н. К.) я провел в тюрьме много лет. Теперь все это позади. В моем сердце не осталось ненависти. И в этом мы, албанцы,

¹ По-английски «восстанавливать» — *to restore* (прим. пер.) — в оригинале игра слов, автор соотносит древненорв. *staur* и совр. англ. *restore*.

ничем не отличаемся от других людей». Дискуссия моментально сошла на нет. В настоящее время в Албании успешно развивается программа по развитию медиации.

Хорошо, но ведь если речь идет о монстрах, творящих страшные зверства, примирение точно невозможно!

Я посвятил свою жизнь изучению проблем преступлений и наказаний, но мне так и не довелось повстречать монстра. Их не было даже среди убийц из концлагерей. Многие люди не вызывали у меня никакой симпатии, но в каждом непременно оставалось что-то человеческое. Мне кажется, что все человеческие существа могут найти что-то общее в своем жизненном опыте. Всех нас воспитывали, когда мы были маленькими, да и на протяжении последующей жизни мы попадаем в схожие ситуации, связанные как с позитивными, так и с негативными эмоциями. В каждом из нас заложен минимум общих представлений, позволяющий людям находить общий язык.

В наших силах увеличить взаимопонимание с окружающими на основании этих общих представлений. Взять, к примеру, людей, которые ненавидят цыган и стараются всячески навредить им. Тем не менее, и на этих людей можно повлиять, взяв за основу такую общепризнанную ценность, как забота о родственниках. Цыгане известны своей трогательной заботой о родственниках, а значит, их тоже можно признать достойным народом, который никак не заслуживает ненависти.

Но, даже сознавая, что нас окружают такие же люди, как мы, с которыми можно найти общий язык, в некоторых ситуациях мы вынуждены прибегать к насилию. У человеческой души есть темная сторона, иногда выходящая из-под контроля. Чтобы предотвратить нежелательный поступок, иногда приходится применять силу. Бывает, что изоляция преступника — единственный выход. Так же и с политическими конфликтами. Не исключено, что у меня много общего с человеком, который упорно борется за достижение совершенно неприемлемых для меня целей. Но может возникнуть ситуация, в которой я буду вынужден применить силу для защиты своих целей.

Почему я все время настаиваю, что у всех нас есть много общего, и в каждом нужно разглядеть человека, такого же, как ты?

Потому что это необходимо для контроля над контролиру-

ющими. Если перед тобой монстр, не имеющий ничего общего с нормальным человеческим существом, в обращении с ним можно позабыть о гуманизме. Представление о том, что чудовища живут среди нас, опасно для всех, но в особенности для тех, кто по долгу службы призван контролировать поведение других людей.

Однако в мире порой творятся запредельные, немыслимые злодейства. Как быть с геноцидом?

Геноцид лежит в основе существования многих наций, в том числе той, к которой принадлежу я сам. На протяжении многих лет норвежцы делали все, чтобы физически истребить автохтонный народ саамов и в особенности уничтожить их культуру. В школе моих знакомых саамов подвергали физическим наказаниям за то, что они говорили на родном языке. Тем не менее, в девяностые годы саамы получили право учредить свой собственный Парламент. Это было сделано государством в качестве компенсации за чудовищное загрязнение одной из главных рек, где саамы традиционно добывали лосося. Вскоре моя альма матер, университет Осло, передал саамской общине коллекцию черепов. В свое время антропологи собрали ее для учебных целей, и с тех пор, в течение десяти лет, коллекция была выставлена в университете, неподалеку от кабинета, который я в то время занимал. Признаюсь, тогда я не особенно интересовался этими черепами. Они принадлежали саамам, казненным за колдовство или за сопротивление норвежским властям. Само собой, все эти грехи далекого прошлого не идут ни в какое сравнение с тем, что творили белые люди в Африке или в Америке. Но каково было саамам, столкнувшимся с норвежскими монстрами!

Зверства — неотъемлемая часть человеческой истории, ее характерная черта. Многие нации оказывались в роли палачей или жертв, а иногда и тех, и других. Жестокость нужно рассматривать как норму аномального поведения. Мы должны использовать весь накопленный человечеством опыт разрешения конфликтов для того, чтобы не допускать зверств или, по крайней мере, вовремя на них реагировать.

Но как быть, если случившееся находится за гранью человеческого понимания? Как быть с действиями Бен-Ладена, с точки зрения западного человека, или с поступками Ариэля Шарона,

с точки зрения палестинца? Получается, я призываю отправиться в ад взывать к доброй воле сатаны и тех, кто представляется его исчадиями?

Именно так. Теракт 11 сентября показался нам столь омерзительным, поскольку его мишенью стали мирные люди. Понять, как такое могло произойти, очень трудно, но все же возможно. Это чудовищное зверство, но сотворили его не монстры, а люди. Оно выше нашего понимания, но не настолько, чтобы не попытаться разобраться в том, что случилось. Для этого понадобится объединить усилия социологов, криминологов и миротворцев.

Начинать переговоры стоит всегда. До того, как пролилась кровь, лучше всего вместо этого, или, по меньшей мере, сразу после. Мы обязаны искать встречи с теми, кого считаем злодеями. Мы должны понять причины их поступков, предложить альтернативные ходы и найти точки соприкосновения. Позволив противоборствующим сторонам углублять противостояние, мы никогда не остановим насилия. Дипломатия могла бы защитить Соединенные Штаты куда лучше, чем бомбы.

Возможно, переговоры и не увенчаются успехом. И, тем не менее, попытки вести дискуссию — это не только морально правильное решение, они могут оказаться весьма полезными для понимания точки зрения противной стороны, не дожидаясь начала открытого конфликта. Кто знает, может быть, враждующие стороны постепенно, не сразу, но все же научатся слушать друг друга?

7.15. Как важно не знать ответов

Итак, человечество не имеет готовых ответов, как противостоять индивидуальным проявлениям жестокости, эффективно противостоять агрессии в международном масштабе оно тоже не способно. Звучит неутешительно, и, в принципе, так оно и есть. Однако претензии на знание ответа могут еще больше ухудшить ситуацию. За утверждениями о единственно верном пути нередко прячутся корыстные интересы. То, что предпринимается в ответ на проявления жестокости, зачастую приводит к новым вспышкам насилия. Санкции могут усилить некоторые страны или определенные силы внутри этих

стран, и неизбежно ослабят других. Это верный способ посеять семена новой вражды. Международные трибуналы, чья практика существенно расходится с установлениями обычной судебной процедуры, не всегда бывают способны выявить причины массовых убийств. Признание того, что общество не обладает готовыми рецептами по борьбе с жестокостью, должно заставить нас отказаться от героических поступков; это означает, что ни решительные действия, ни новые сверхмощные методы защиты против злых сил нам не помогут. Однако, признавая, что у нас нет подходящих ответов, мы закладываем более надежный фундамент для создания мира в будущем. Когда поиск верных решений оказывается тщетным, волей-неволей приходится обращаться к традиционным путям разрешения конфликтов. Переговоры, медиация, возмещение ущерба, а также гражданские и уголовные суды в тех случаях, когда это может предотвратить эскалацию насилия.

Мы живем в мире, полном нищеты и горя, под постоянной угрозой подвергнуться насилию. Но в то же время мы должны испробовать все известные способы разрешения конфликтов, возможно, и не дожидаясь, когда виновные сами этого захотят. Мы не говорим о том, что преступления надо предавать забвению. Но, даже собрав и сделав общедоступной всю возможную информацию вокруг того или иного акта жестокости, с тем чтобы он навсегда остался в памяти человечества, мы едва ли найдем лучший выход из сложившейся ситуации, чем возмещение убытков и примирение.

8. Когда пора остановиться

Признание преступности неисчерпаемым природным ресурсом позволяет нам обратиться к вопросам, которые редко поднимаются в обществе. Когда пора остановиться, или, наоборот, когда количество преступлений слишком мало? Какое количество поступков, называемых преступлениями, является наиболее приемлемыми? И как следствие этого, какое количество людей, официально заклейменных преступниками, должно находиться под контролем пенитенциарной системы? Каковы должны быть размеры этой системы, максимально и минимально допустимые, и нужна ли она вообще? Возможно ли установить верхние и, соответственно, нижние границы количества наказаний, приемлемые в современном обществе? И, наконец, для тех из нас, кто по роду своей деятельности связан с проблемой преступности: можно ли повлиять на происходящее?

8.1. Уголовное право как знаковая система

Уголовно-правовые системы обладают глубоким смыслом. По ним можно судить о сущности государств, в которых эти системы приняты. Что может поведать о нацистской Германии, СССР или маоистском Китае лучше, чем карательные институты этих стран, с их полицией, прямой дорогой из зала суда в тюрьму, концлагерями и ГУЛАГом? Можно вынести суждение о конкретной стране по ее пенитенциарной системе. Оценив ее с точки наших собственных представлений и ценностей, мы можем определить, в чем проблема того или иного государства. Или признать его безупречным, если уголовное законодательство этой страны отвечает нашим требованиям.

Такой принцип оценки можно применить к четырем важ-

нейшим характеристикам любой уголовно-правовой системы.

Прежде всего, это *виды преступлений*, против которых реагирует государство. Некоторые режимы карают граждан за поступки, которые в других странах не считаются преступлениями (например, за политическое или религиозное инакомыслие).

Во-вторых, *принципы принятия решений*, которых придерживается государственная власть, когда заходит речь о применении кары. В некоторых странах власти используют на допросах пытки или приравниваемые к пыткам методы воздействия. Случается, что приговоры выносят без суда, при отсутствии независимой защиты, за закрытыми дверями, судьями, которые имеют ярко выраженные политические пристрастия, или принадлежат к особым группам населения, вроде священников, военных или масонов.

Третья характеристика — *структурный состав осуждаемых*, насколько он репрезентативен для всего населения в отношении возраста, пола, расы, классовой принадлежности и так далее. Если большинство заключенных принадлежит к одной социальной категории, можно с уверенностью сказать, что в системе есть серьезный изъян.

Четвертая характеристика — *размер и форма наказаний*. Слишком длительные сроки или особая жестокость наказаний свидетельствует о значительных неполадках в устройстве государства.

Меня больше всего интересует именно последний вопрос, в особенности сроки наказаний, и именно этому посвящен следующий раздел этой книги¹.

Данная проблема напрямую связана с той, что дала название этой книге: «Удобное количество преступлений». Как мы знаем, определение того, что называется преступлением, зависит от организации общества. Так можно ли выработать *адекватные критерии* для определения приемлемого в данном обществе количества преступлений? И можно ли утверждать, что в отношении сроков уголовных наказаний в одном госу-

¹ Любопытно, что страны, имеющие очевидные проблемы с третьим и четвертым критериями — с размером наказаний и неравномерным составом заключенных, имеют обыкновение критиковать другие государства за отклонения по двум первым — видам преступлений и принципам применения наказаний.

дарстве дела обстоят лучше, чем в другом? И самое главное: можно ли утверждать, что государство с низким уровнем наказаний лучше государства, где этот уровень высок?

Наша интуиция подсказывает, что так оно и есть. В некоторых случаях ситуация настолько ясна, что любая аргументация кажется излишней. Разве имеет смысл обсуждать устройство нацистского концлагеря, узники которых работали до полного физического истощения или попросту уничтожались? И в Советском Союзе количество и положение заключенных вплоть до середины 50-х годов превосходило все мыслимые пределы.

Но какие сроки наказаний и условия жизни для осужденных можно считать приемлемыми в современном обществе? И какие следует признать неприемлемыми? Где должна проходить граница? Когда количество заключенных в той или иной стране достигает предела, после которого мы начинаем понимать, хотя бы интуитивно, что это не совсем верно, в корне неверно, просто недопустимо? И какие условия жизни можно считать угрожающими человеческому достоинству? Опять-таки некоторые ответы может подсказать интуиция. Внимательный читатель наверняка догадался, какого мнения придерживаюсь я сам. Остается вопрос, возможно ли превратить интуитивные ответы в осмысленные суждения.

* * *

Позвольте начать разговор об этом с трех ЕСЛИ.

1. *ЕСЛИ мы верим в добро и справедливость*, применение уголовного права должно быть ограничено.

Большинство из нас разделяют базовые представления о том, что допустимо, а что нет по отношению к другому человеческому существу. Говоря словами Кули (1902): «Любому из нас нужна хотя бы капля доброты и заботы, чтобы вырасти и стать человеком». Достаточно следовать основным правилам:

Будь добрым.

Не убивай.

Не пытай.

Не причиняй зла умышленно.

Прощение лучше, чем возмездие.

Таковы основные человеческие ценности. Не пускаясь в

рассуждения о естественном праве, осмелиюсь утверждать, что эти ценности не подлежат обсуждению — они самоочевидны. Очевидно и то, что идея наказания противоречит элемен-тарным человеческим ценностям. Складывается впечатление, что мы попросту забываем о сущности наказания; а между тем в его основе лежит стремление заставить человека страдать. Наказание означает умышленное причинение боли. Применяя его, мы вступаем в противоречие с остальными общечеловеческими ценностями. Принцип «око за око» задумывался скорее как ограничительный механизм, а не руководство к действию. Наказание допускается повсюду, применяется повсюду и, тем не менее, идет вразрез с ценностями, которые разделяет большинство из нас.

Причинение боли — краеугольный камень системы наказаний даже в тех странах, где не применяются пытки и смертная казнь. Заключить человека под стражу совсем не то же самое, что убить. Но и в этом случае у осужденного отнимают какую-то часть жизни. А в случае пожизненного заключения практически всю жизнь. Зигмунт Бауман (2000; р. 209) описывает тюрьмы, где в полной изоляции находятся осужденные на пожизненный срок, так: «Если не принимать во внимание то, что заключенные продолжают есть и испражняться, их камеры легко принять за гробы».

Причинение боли противоречит главным человеческим ценностям. С этической точки зрения, чем реже общество прибегает к нему, тем лучше оно устроено. Когда-то пытки и смертная казнь были вполне естественными формами наказания. Теперь они совершенно неприемлемы для большинства стран, ориентированных на западную культуру. Отказ от пыток и высшей меры наказания можно автоматически считать лучшим признаком превосходства нашей уголовной системы. Их отсутствие — предмет нашей гордости. Но заключение человека в тюрьму близко к лишению жизни. Фактически мы лишаем заключенного того, что составляет *сущность* нормального человеческого существования. Но в отличие от пыток и смертной казни, тюремное заключение никто не спешит отменять.

По-моему, небольшое количество заключенных в не меньшей степени свидетельствует о высоком уровне развития государства, чем отсутствие пыток и смертной казни. Огра-

ничение числа приговоров к тюремному заключению способствовало бы улучшению социального климата. Нам было бы проще строить свою жизнь в соответствии с непреходящими ценностями. Если эти ценности оказываются под угрозой, наш долг устраниТЬ эту угрозу, а не ценности.

* Итак, коль скоро мы верим в ценность добра и прощения, нашей целью является как можно реже обращаться к институту уголовного права, в основание которого положен принцип умышленного причинения боли.

2. *ЕСЛИ нам дороги принципы гражданского общества, полномочия уголовного права нужно ограничивать.*

Разумеется, регулировать количество нежелательных действий вполне возможно и с помощью полиции и системы наказаний. Мне, выросшему в условиях военной оккупации, это известно как нельзя лучше. В те времена значок с норвежским флагом на воротничке мог легко привести тебя в тюрьму. Потом ставший слишком опасным флаг заменили на скрепку — то, что скрепляет вместе бумаги, это оказалось подходящим символом для обозначения скрепленности, единения нации, противостоящей оккупантам. Однако те вскоре догадались о его значении, публичное ношение скрепок запретили, тех, кто их носил, арестовывали, и использование символов сопротивления в публичных местах прекратилось. А вот пример из современной жизни: ездить в машине, не пристегнувшись, очень опасно. Было достаточно несколько раз наложить крупные штрафы на нарушителей при широкой огласке в средствах массовой информации, и большинство водителей отучилось от этой скверной привычки. Мотоциклисты не должны выезжать на дорогу без шлемов. Контролировать повинование для карательного аппарата не составляет особого труда.

Наказание — сильное средство. Означающее намеренное причинение боли гражданам. Его использование предполагает наличие сильного государства. В условиях нашего общества это означает наличие мощных институтов контроля за осуществлением властных полномочий и намеренного причинения боли. И если в гражданском обществе взаимодействие между людьми бывает как формального, так и неформального характера, аппарат уголовного преследования будет всегда жестко формализован — как для защиты тех, кому

умышленно причиняют боль, так и тех, кто ее причиняет по долгу службы.

Прототипом взаимоотношений в любом гражданском обществе являются взаимоотношения свободных граждан. Это можно проиллюстрировать хотя бы на примере бытовых контактов. Цивилизованным, гражданским общением в данном случае мы считаем взаимоотношения между полноценными человеческими личностями на основе искренности и доверия, не ограниченные раз и навсегда установленными социальными ролями. Первичный контроль также может быть жестким и неприятным. Однако в условиях сравнительно прозрачных и более-менее равноправных человеческих отношений этот контроль будет в какой-то степени взаимным, не односторонним. Контроль является неотъемлемой частью любых взаимоотношений. Иногда это может вылиться в насилие — самым обычным примером можно назвать ситуацию, когда муж избивает жену, — и здесь уже необходимо вмешательство со стороны формальных контролирующих органов. К сожалению, довольно часто в этих случаях вмешательство закона не приводит к решению проблемы, но зато приводит к тому, что альтернативные пути воздействия — кризисные центры, совместные акции женщин или просто соседей — также перестают рассматриваться. «И в эту субботу она ужасно кричала! Куда только смотрит полиция?»

3. *ЕСЛИ мы хотим предотвратить разобщенность и дезинтеграцию общества, мы обязаны затормозить разрастание системы уголовных наказаний.*

Усиление системы наказаний угрожает единству общества и является препятствием на пути к ассимиляции новых его членов. Пока людей, чье поведение считается неприемлемым или по сути своей преступным, немного, и они не принадлежат к одной социальной группе, судебное преследование и наказание за такое поведение может способствовать сплочению остального общества. Когда в тюрьмах сидит не так много людей, девиантное поведение можно рассматривать как исключение. Здравый смысл подсказывает нам, что отдельные случаи ненормального поведения лишь подтверждают и усиливают норму. Однако при большом количестве заключенных на смену метафоре отклонения приходит метафора войны. Сплоченное общество, в котором наличие от-

дельных аутсайдеров только подтверждает общее правило, превращаясь в общество расколотое, где целые социальные группы рассматриваются как угроза порядку и жизни других социальных групп. В то же время для осужденных тюремное заключение перестает быть позором и становится формой общественной жизни.

Когда количество заключенных значительно превышает характерные для Западной Европы стандарты, в тюрьмах оказывается много молодежи из провинциальных городов, в особенности принадлежащих к этническим и национальным меньшинствам. Очень часто у них просто нет возможностей для нормального личностного развития, создания семьи, воспитания детей, получения образования и оплачиваемой работы. Молодые женщины из маленьких городов часто сравнивают свою жизнь с военным временем. Вокруг слишком мало мужчин, мало шансов создать нечто, напоминающее нормальную семью. А если это и удастся, муж, скорее всего, рано или поздно попадет в тюрьму, и женщина останется одна. Кто-то скажет, что преступники должны получать по заслугам, однако такие условия жизни весьма и весьма далеки от стандартов демократического общества.

Альтернативой военному времени и переполненным тюрьмам могло бы стать предоставление этим людям общественных благ, доступных другим: возможности учиться, работать, участвовать в политической и культурной жизни. Массовое использование тюремного заключения, принятое в наши дни, только препятствует подобному развитию ситуации.

Господин Хальвдан Кохт, профессор истории, бывший министр иностранных дел Норвегии, однажды заметил¹: «В процессе построения нашего общества классовая гордость сменилась национальным патриотизмом. <...> Всякий раз, когда появлялся новый класс и громко заявлял о своих правах, казалось, что посеяны семена ненависти, ведущей к дезинтеграции общества. Но, когда низшие классы добились своих целей, общество стало только сильнее и богаче» (р. 456).

¹ Цит. по: Slagstad (1999, р. 456). Пер. мой – Н.К.

8.2. Нижний предел

Существует немало веских причин на то, чтобы противостоять наметившемуся усилинию институтов наказания. Нам необходимо противопоставить хоть что-то экспансии карательного права и росту числа заключенных. Нужно попытаться изменить условия, в которых множатся нежелательные поступки, ввести строгие рамки для деятельности органов, осуществляющих исполнение наказаний, максимально смягчить сами наказания. Достичь удобного для общества количества заключенных можно лишь в том случае, если мы пойдем в обратном направлении по отношению к существующим тенденциям.

Тем не менее, не стоит доходить в своих усилиях до абсурда. Даже в идеальном обществе возможно существование людей, не признающих основных ценностей общества. Может случиться так, что те, от кого исходит угроза, не пожелают вовремя остановиться, или не захотят возместить ущерб, причиненный своим жертвам, или сами жертвы не захотят идти на примирение. Для таких случаев в распоряжении общества имеется уголовное право.

Существует еще одна опасность, связанная с тотальным сокращением институтов уголовного права: система наказаний просто поменяет вывеску. К нарушителям по-прежнему будет применяться сила, но при отсутствии принятых в нашем обществе мер контроля за силовыми структурами. Не менее опасно маскировать умышленное причинение страдания под видом исправления преступников. В СССР диссидентов помещали в психиатрические больницы. Во введении я описал существовавшую в Норвегии систему принудительного исправления алкоголиков. На практике это означало преследование бедняков, вынужденных, к вящему недовольству общества, употреблять спиртные напитки у всех на виду. Для излечения их на целые годы помещали в настоящую тюрьму с весьма строгим режимом. Как выразился один эксперт, подвергать этих несчастных наказанию было бы верхом несправедливости. А если речь идет о лечении, тогда сколько угодно. Боюсь, в один прекрасный день «суды по делам о наркотиках» — их принято считать более снисходительными, чем обычные уголовные суды — опять превратятся в орудие «респектабельного» общества против «отбросов», как это не раз бывало.

Итак, необходимо сохранить минимальные полномочия уголовно-правовых институтов, обозначить нижнюю границу их роста. Правда, опасность опуститься ниже этой границы примерно так же велика, как и опасность наводнения в Сахаре. Нам стоит обратиться к другой стороне проблемы и поговорить об опасности, которую таит в себе общество с ненормально высоким уровнем наказаний.

8.3. Поражение неизбежно?

Для Скандинавии, а также Западной Европы в целом и Канады особенно актуален вопрос: неизбежен ли рост числа заключенных, который наблюдается в США? Обусловлен ли он ситуацией в экономике Соединенных Штатов? И не окажутся ли однажды государства, активно проводящие политику социальных гарантий, в подобном же положении, в ситуации глубокого общественного расслоения и страха перед завтрашним днем? На наших глазах уголовная политика становится главной темой политических дискуссий в целом ряде индустриально развитых стран. В условиях отсутствия контроля над мировой экономикой контроль хотя бы над последствиями нерегулируемого рыночного развития становится насущной необходимостью. Свободный рынок труда означает неуверенность в завтрашнем дне, нестабильность и ухудшение условий жизни для наиболее уязвимых членов общества. Политики заглушают их жалобы обещанием суровых мер против *преступников*, хотя этот эвфемизм уже давно означает *беднейшие классы*, которые в любой момент могут превратиться в *опасные классы* или, в некоторых странах, людей с неправильным цветом кожи. Отсюда недалеко и до военного положения. «Вы помогли нам победить внешнего врага, — произнесла бывший министр юстиции США, обращаясь к военным экспертам, — так помогите же нам справиться с преступностью внутри страны». Результаты этой войны налицо — **более двух миллионов** заключенных в тюрьмах Соединенных Штатов.

Сможем ли мы избежать такого поворота событий?

Не могу сказать, что уверен в успехе. Однако ситуация настолько серьезна, что уместно обратиться к старомодной риторике: наш моральный долг — сделать все, что в наших

силах, чтобы не допустить американского сценария развития. Если мы, специалисты, станем хранить молчание, ответственность за происходящее ляжет на нас. Криминологи, знакомые с особенностями пенитенциарных систем, несут исключительную ответственность и должны бить тревогу.

Наше положение чем-то напоминает то, в каком оказались некоторые наши коллеги из области естественных наук. Они постоянно сталкиваются с плачевными последствиями индустриального развития и современного образа жизни, как в локальном, так и в мировом масштабах: новые фабрики, увеличение потребления нефти, рост числа машин и самолетов, загрязнение воздуха и воды, постепенное глобальное потепление. Все это чрезвычайно опасно. И многие, многие учёные во весь голос заявляют об угрозе.

Мы оказались в точно такой же ситуации! Мы наблюдаем постепенное разрушение общества. Мы обязаны поступать так же, как самые сознательные из учёных-естественников. Недавно, размышляя об этой параллели, Патриция Рулинсон выразилась так: криминологи должны стать социальным Гринписом!

Наша задача — рассказать о том, что преступность является социальной конструкцией. Мы должны обратиться к феномену нежелательного поведения, описать различные подходы к этому феномену и возможные последствия этих подходов. Нам придется призвать на помощь все свое научное воображение и предложить обществу реальные альтернативы.

В предыдущих главах об этом сказано немало, сейчас я только резюмирую: не стоит начинать с позиции обвинений и поиска обидчиков, а потом спрашивать, что с ними делать. Нужно поступать прямо противоположным образом. Взглянуть на существующую систему наказаний с точки зрения общечеловеческих ценностей. Спросить себя: какой уровень страданий — и причинения страданий — приемлем для общества нашего типа? Как широко можно применять наказания, чтобы не поколебать веру человека в добро и справедливость, не подвергнуть опасности гражданский характер и единство нашего общества? И только тогда, когда соответствующие параметры установлены и пределы обозначены, можно определить, что их пре-ступили и в этом случае предпринимать какие-то конкретные шаги.

Следует рассматривать уровень наказаний как независимую переменную величину. Обстоятельства, порождающие нежелательные действия и приводящие к применению наказаний, напротив, необходимо перевести в разряд зависимых переменных. Сложно точно определить приемлемое количество преступлений. Зато с уверенностью можно сказать, что стремлению карать не место среди главных ценностей нашего общества. Наказание должно применяться лишь тогда, когда исчерпаны все остальные доводы. Принимая решения, нужно учитывать все эти факторы. Важно помнить и об экономической составляющей цены наказания.

8.4. Реинтеграция стыда в национальное государство?

Едва ли кто-нибудь прислушается к нашим призывам. Можем ли мы, специалисты в области девиации и контроля, хотя бы отчасти повлиять на развитие событий? Опыт подсказывает, что, несмотря на массу препятствий, иногда нам это все же удается. И здесь я хотел бы начать с любимой идеи Джона Брэйтвайта¹ — а именно, идеи «восстановления стыда». Согласно этой модели контроля над девиацией, общество как бы говорит нарушителю: «Вы совершили неправильный, плохой, предосудительный поступок. Наш долг заявить вам об этом. Стыдитесь! Но никто не считает вас погибшим человеком. Измените свое поведение, и мы заколем ягненка (**жирного тельца? — Так это было в Библии**) и закатим грандиозный пир, чтобы отпраздновать ваше возвращение». Восстановительное порицание позволяет осудить поступок человека, не превращая его в изгоя. Такой подход изобличает неэффективность наказания как меры воздействия. С точки зрения сторонников социальной реинтеграции, отбывших свой срок преступников за воротами тюрьмы нужно встречать с оркестром и устраивать шумные празднества в

¹ Джон Брэйтвайт сыграл важную роль в развитии теории и внедрении практики медиации и примирительного права. Последняя книга ученого «Примирительное правосудие и эффективное управление». Braithwaite, 2003) подводит своеобразный итог его исследованиям. Одним из несомненных достоинств работы Брэйтвайта стала гармония формы и содержания. Ученый рассуждает о примирении и даже полемизирует с оппонентамидержанно, в неизменно дружелюбной манере.

честь их возвращения в общество. Вот это была бы настоящая реинтеграция.

Итак, стыд на государственном уровне.

Изучать другие страны — все равно, что читать книги. Криминолог в чем-то сродни культурологу. С культурологической точки зрения, мы подобны литературным критикам. Наша задача — оценить предмет наблюдения как прочитанную книгу, исходя из общедоступных критериев. **И лишь тогда** рассказать (или хотя бы попытаться рассказать) о своих наблюдениях.

Как правило, ничего другого от нас не требуется. Мы помогаем власть предержащим увидеть правовое устройство своего государства со стороны и предпринять усилия для его преобразований.

Так произошло в *Финляндии* в 1960-е гг. Я провел сравнительное исследование исправительных учреждений Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции и прочел об этом доклад в Хельсинки, на юридическом факультете. Оказалось, что Финляндия в этом плане совсем не похожа на другие скандинавские страны. Бывшая российская провинция в некоторых аспектах продолжала походить на Россию. Я вовсе не собирался призывать к реформе, просто хотел рассказать о результатах своего исследования. В то время я был молод и застенчив. Однако финны, потрясенные фактами, которые я привел, немедленно начали преобразования своей пенитенциарной системы. Финляндия стремилась избавиться от российского наследия и стать частью Скандинавии. Особенно актуально это было в те послевоенные годы, когда Россией еще правил Сталин.

* * *

Что до *России*, то она и сегодня продолжает выбиваться из европейской перспективы, в особенности по количеству заключенных. Тем не менее, значительная часть русской интеллигенции ориентирована на Западную Европу. Она приветствует появление иностранных наблюдателей и охотно прислушивается к их мнению. Одним из активнейших участников данного процесса является Международная тюремная реформа¹. Я — лишь один из множества людей, вовлеченных в его деятельность.

¹ Штаб-квартира Международной тюремной реформы располагается в Лондоне, в Москве находится его представительство.

Современная Россия чем-то напоминает мне прежнюю Финляндию, складывается то же неуютное ощущение культуры, значительно отстоящей от западных стандартов. Это заметно и по количеству заключенных. Обычно русские, как простые люди, так и высокие государственные чины, с большой неохотой и неловкостью говорят о своих высоких показателях количества заключенных и условиях содержания в следственных изоляторах. Читая лекции в русских университетах и колледжах, я не устаю твердить о том, как важно добиться снижения этих показателей. Какая может быть психологическая помощь, какое образование в условиях настолько переполненных тюрем. Задача полиции — раскрывать преступления, а не набивать тюрьмы узниками. Чтобы стать нормальной европейской страной, России придется решить проблему заключенных.

Эстония, Латвия и Литва оказались в таком же положении. Эти страны стремятся сблизиться со Скандинавией, с которой у них много общего в культурном плане, а на карте разделяет только море. Однако пока уголовное законодательство прибалтийских государств продолжает сохранять особенности другой эпохи и другой культуры, как это имеет место сейчас, интеграция по-прежнему остается недостижимой мечтой. Недостатки пенитенциарной системы не могут не оказывать воздействия на общество в целом. Высокий уровень количества заключенных приводит к складыванию идеальных условий для развития антисоциальных субкультур. Попадая за границу, в ту же «родственную» Скандинавию, представители этих субкультур делают своим странам не лучшую рекламу.

Однако стыд властей этих стран за состояние своей пенитенциарной системы имеет и положительные стороны. В последнее время они все чаще с гордостью сообщают о *сокращении* числа заключенных, в особенности в следственных изоляторах. Это явный признак постепенного приближения той же России к европейским стандартам. И прекрасная иллюстрация моего главного тезиса: уголовное правосудие — продукт не криминальной обстановки, а состояния общества в целом. Не так давно из России пришла еще одна отрадная новость: отменили смертную казнь. Таково было одно из условий вступления в Совет Европы.

Впрочем, считать все эти положительные тенденции устоявшимися еще рано. Преобразованиям угрожают две войны. Конечно, я, прежде всего, имею в виду военный конфликт в Чечне и волну насилия, прямо или косвенного связанного с ним. Но в стране идет и другая война — с наркоманией. Россию посещают не только представители Международной тюремной реформы. Ее буквально наводнили специалисты по проблеме наркотиков. Однажды мне пришлось провести несколько мучительных часов в Государственной Думе, слушая весьма влиятельного парламентария, доказывавшего, что российскую молодежь нужно срочно спасать от наркозависимости. Депутат утверждал, что наркомания вот-вот превратится в настоящую эпидемию. Один наркоман вовлекает в наркосеть десять новичков, и так далее. Чтобы остановить эпидемию, требуется ужесточить законодательство. Раньше мне уже приходилось слышать подобные суждения. Запад позорно проиграл войну с наркотиками, и похоже на то, что и Восток ждет та же участь.

Южный сосед России еще более усложняет ситуацию: *Белоруссия* в принципе не желает меняться. На самом деле, это типичное тоталитарное государство. Белоруссия не только не хочет стать частью Западной Европы, но сознательно подражает России старой, и к тому же пытается вернуть саму Россию в прошлое. Именно поэтому, как мне кажется, растет число заключенных в белорусских тюрьмах, поэтому так несложно пришлось судье из пятой главы, когда она решила выйти из игры. И разумеется, в Белоруссии не спешат отменять смертную казнь. Я был в подвале одной из крупнейших местных тюрем. Там, в тесной камере, ожидали исполнения приговора двое осужденных. Я нашел в себе силы отклонить предложение поглядеть на них сквозь смотровой глазок и сделал вид, что меня куда сильнее занимают злобные сторожевые псы в конце коридора. За несколько месяцев до моего визита двое других приговоренных к смерти покончили с собой в той же самой камере. Повесились на одной веревке.

Впрочем, положение российской, величайшей из европейских тюремных держав, отнюдь не безнадежно. В последнее время рост количества заключенных прекратился, даже наметился некоторый спад, общество готово обсуждать проблемы такого рода, а атмосфера в стране располагает к открытой дискуссии.

* * *

За пару недель до того, как рукопись этой книги оказалась на столе редактора, я провел несколько дней на *Кубе*, читая лекции. Я по обыкновению попытался составить представление об этой стране по состоянию ее пенитенциарной системы, но это оказалось не так-то просто. В тюрьмы меня не пустили. Криминальная статистика на Кубе строго засекречена, прямо как в Советском Союзе. Хотя в случае с СССР осуществить некоторые подсчеты было вполне возможно. Я описал критерии такой оценки в своей работе «Борьба с преступностью как индустрия» (Christie, 2000). А вот о Кубе я не знаю почти ничего. Могу поделиться с вами лишь весьма грубыми прикидками. Скажем, взыскания, которым подвергаются кубинские проститутки, по кубинским законам наказаниями не считаются. Мне просто негде узнать, сколько их и в каких условиях они содержатся.

Одно бесспорно: Куба занимает далеко не последнее место среди тюремных держав. По моим подсчетам, в 2003 г. там было от 50 до 60 тысяч заключенных; причем вторая цифра выглядит реалистичнее первой¹. Значит, на 100 тысяч жителей приходится от 454 до 455 заключенных. По карибским меркам, это очень много. Причем, показатели существенно выросли с 1997 г., когда по моей оценке на 100 тысяч кубинцев приходилось примерно 300 заключенных. В 1987 г. эти цифры были еще ниже. Можно предположить, что с тех пор число заключенных утроилось. Кроме того, этой весной на Кубе впервые за многие годы казнили трех человек. До этого в стране действовал мораторий на смертную казнь.

О чём свидетельствуют подобные изменения?

Куба постоянно подвергается давлению со стороны могущественного северного соседа. Провозглашение социалистического строя, а также упрямо националистическая политика стали причиной суровых санкций со стороны США. После распада Советского Союза экономика Кубы оказалась в очень тяжелом положении. Чтобы выжить, государству пришлось допустить определенные экономические свободы. Американ-

¹ Нэнси Сан-Мартин (*The Miami Herald*, September 22, 2003) предполагает, что в 2003 г. в тюрьмах содержались 100 тысяч человек. По-моему, эта цифра сильно завышена.

ский доллар стал легальной денежной единицей. Эмигранты шлют домой деньги. Семьи, у которых есть родственники за границей, по кубинским меркам зажиточные. Из-под государственного контроля легко ускользают и доходы от туризма. Становится практически невозможным воспрепятствовать возникновению черного рынка и социального расслоения. Подробное описание сложившейся ситуации можно найти у Хаддада (Haddad, 2003). Жизнь на острове тяжела, и воспринимается еще тяжелее теми, кто лишен вышеописанных дополнительных источников дохода. По сравнению с соседними странами, Куба располагает развитой системой социальных гарантий для беднейших слоев населения. На острове нет неграмотных, на улице не встретишь беспризорных детей. А местная система здравоохранения настолько хороша, что даже самые консервативные норвежские парламентарии, посетив тамошние больницы, призывают нас брать в этом вопросе пример с Кубы. Тем не менее, внешнее давление и внутреннее расслоение делают свое дело. А слабое государство, не будучи в силах решить проблемы, обрушивает свой удар на недовольное население.

Кроме того, отсутствие гласности приводит к пассивности общества. Ситуация на Кубе напоминает положение в Финляндии после Второй мировой войны. Финны долгое время не имели представления о том, насколько их уголовное право не соответствует общескандинавским стандартам, а как только узнали правду, поспешили начать реформы. Однако трудно начать какую-либо общественную дискуссию по вопросу, когда все цифры и факты являются государственной тайной. Атмосфера секретности мешает также заняться критикой кубинской пенитенциарной системы. Неизвестно, каковы принципы подбора судей, кто они и чем рискуют, если перестают быть достаточно строгими с точки зрения власти. Неизвестно, кто служит в прокуратуре и какие требования к ним предъявляются. Неизвестно, кто идет в охрану, как их обучают и какого поведения от них ожидают.

Еще одна особенность ситуации на Кубе восходит к ее истории и культурной традиции. Даже сейчас Куба как бы находится в состоянии войны с остальным миром, да и ее прошлое было исключительно кровавым. И еще одна важная особенность связывает Кубу с Россией и США: здесь тоже

существовало рабство. Полностью его отменили только в 1868 г. За шесть лет до этого на Кубе насчитывалось около полумиллиона темнокожих рабов при населении в 1,4 миллиона человек.

В чем я вижу решение проблемы?

Могу предложить старый проверенный рецепт: показать расхождение идеала и действительности.

Идеалом Кубы является построение общества всеобщего равенства. Этим она напоминает скандинавские государства социального благоденствия. Как известно, между кубинскими и скандинавскими профсоюзами существуют давние связи. Но возможно ли достичь идеала, когда в стране так много заключенных?

Мне не удалось побывать ни в одной кубинской тюрьме. Однако, исходя из того, что я знаю о крупных тюрьмах государств со схожими проблемами, могу примерно предположить сценарий развития. По мере того как система набирает обороты, размер тюрем и количество заключенных, без того большое, растет, приводя к перенаселенности тюрем. Неизбежно возникает дефицит надзирателей. А значит, тюремной жизнью станут управлять сами заключенные. В их среде постепенно сложится строгая иерархия. Появятся тюремные короли, окруженные «придворными». Королевская «гвардия» — самые отъявленные головорезы — будут следить за поддержанием власти среди заключенных низших рангов. Далее по иерархической лестнице следуют простые заключенные — их абсолютное большинство. И в самом низу окажутся неприкасаемые, выполняющие черную работу и удовлетворяющие сексуальные потребности привилегированных заключенных. Внутри подобных систем всегда складываются кастовые отношения. Между тем, тюремная иерархия прямо противоположна существующим в кубинском обществе эгалитарным установкам. Не знаю, насколько такая картина в действительности характерна для Кубы, но не слышал и доказательств обратного.

Таким образом, перед нами вновь встает проблема приемлемого количества заключенных. В материально бедном государстве с высоким процентом заключенных неизбежно складываются антиобщественные структуры, ценностные установки которых противоречат официальной идеологии. Во

имя сохранения общества всеобщего равноправия и благо-
денствия, государство косвенным образом способствует со-
занию антиобщества, строящегося на отрицании социальных
гарантий. Идеология и система ценностей членов такого ан-
тиобщества находятся в прямом конфликте с теми идеалами,
которые стремятся воплотить в жизнь кубинские власти. В
перспективе такое положение несет угрозу самим основам
существования общества.

Приблизительно такой представляется мне тактика реин-
тегративной критики государств, критики, которая может под-
вигнуть их к реформе уголовного права. Еще одна повторяю-
щаяся тема моих лекций, когда я выступаю на Кубе или в
странах с подобными же проблемами, — это разъяснение
относительно альтернативных способов разрешения конф-
ликтов.

Нередко рост числа заключенных является сравнительно поздней тенденцией. До последнего времени большинство стран прибегало к другим методам разрешения конфликтов. Кое-где эти методы можно назвать поистине драконовскими, а где-то они были вполне мирными. В этой книге я привел примеры некоторых из методов альтернативного решения конфликтов — таких, как восстановительное правосудие и прочие, описанные в шестой и седьмой главах. Не нужно видеть в них уловок западного империализма, который стремится навязать другому миру чуждые ему ценности. Напротив, я лишь хотел бы, чтобы эти государства вернулись к своим же собственным истокам. И доказать, что непомерно высокий уровень числа заключенных отнюдь не является естественным положением вещей. Альтернатива существует.

* * *

Я родом из Норвегии, маленькой страны с многопартийной системой, в которой есть свобода слова, свобода вступать в какие бы то ни было организации, свобода передвижения для всех граждан. Разве это не дает мне право указать кубинцам на проблемы с правами человека в их стране? Разве не является первой и важнейшей моей обязанностью осудить тот факт, что на Кубе сажают в тюрьму за политические преступления?

Я предпочитаю подходить к решению проблемы с другой

стороны, то есть с обсуждения положения простых заключенных. Преследование диссидентов — часть политической культуры. А политическая культура прочно связана с правовой. Чем больше в стране заключенных, тем больше вероятности, что среди них окажутся осужденные за политические преступления. В странах, где «обычных заключенных» часто приговаривают к смертной казни, она применяется и против диссидентов.

Так же обстоит дело и с пытками. Как-то раз меня пригласили на открытие центра против пыток в Греции. Это произошло вскоре после падения военной хунты, пришедшей к власти в результате переворота. Мне навсегда запомнились слова одного бывшего политзаключенного. Его спросили, подвергался ли он когда-либо пыткам. «Нет», — мрачно ответил он. — «Нет. Но мне от этого было не легче, ведь крики пытаемых — не политических заключенных, а простых уголовников — разносилась по всей тюрьме. Пытки входили в число рутинных полицейских методов. А как бы иначе они раскрывали преступления?». Позже я узнал, что один из греческих полицейских чинов пригрозил уйти в отставку, если ему откажут в праве применять столь эффективный метод работы. Ему отказали. Оставил ли чиновник свой пост, я не знаю.

Я совершенно уверен, что лучшим способом уменьшить число политических заключенных стало бы сокращение приговоров к тюремному заключению вообще. Вне зависимости от политического строя, большинство заключенных во всем мире принадлежит к низшим общественным слоям. Помогая улучшить их положение, прежде всего спасая их от тюрьмы, мы тем самым предотвращаем и возможность применения тюремного заключения против диссидентов. Одним из эффективнейших способов защиты прав как политических, так и этнических меньшинств, а также и наиболее уязвимых групп населения является уменьшение количества заключенных, создание человеческих условий в тюрьмах и безусловный запрет на пытки и смертную казнь. Вероятно, очень многие не согласятся со мной и будут требовать публичной критики государств с однопартийной системой, позволяющих себе нарушения прав человека и отклонения от идеалов гражданского общества по норвежскому образцу. Но я остаюсь при своем убеждении. Начинать нужно с другого.

8.5. США — чемпион мира

Мне не по себе от того, что происходит. Культурно, интеллектуально, эмоционально Соединенные Штаты мне очень близки. Я не раз бывал в этой стране, и всякий раз меня ждал сердечный прием. В жизни американского общества мне нравится очень многое. Было время, когда мне казалось, что, не будь Осло, я поселился бы в Нью-Йорке.

* * *

По сравнению с СССР и сегодняшней Кубой, США как открытая книга. Криминальная статистика в этой стране доступна всем. О том, что число заключенных в стране достигло двух миллионов, в июне 2002 г. кричали заголовки всех крупных газет, а в 2003 г. эти же газеты сообщили об увеличении этой цифры еще на сто тысяч. Что, если проблема отчасти связана с подобной открытостью?

Похоже на то, что американцы не видят в таком количестве заключенных *ничего* постыдного. Его воспринимают как неизбежное следствие разгула преступности и, конечно же, доказательство мощи и эффективности работы государства. Не то чтобы так думали все, но голос инакомыслящих слишком слаб, чтобы его кто-то принимал во внимание.

На мой взгляд, принципы американского уголовного права вступают в прямое противоречие с базовыми ценностями американского общества. США — свободная страна. Мои лекции там никто не подвергал цензуре. Я свободно передвигался по разным штатам. Меня даже пригласили приехать еще. Однако чего стоят все эти права и свободы, если два миллиона граждан сидят за решеткой, а еще четыре с половиной осуждены на испытательный срок или находятся под надзором полиции. Всем известно, что США — самая богатая страна мира. Что с того, — если тюрьмы заменяют в ней социальные гарантии? В Америке все время говорят о свободе. И в то же время, она занимает первое место в мире по уровню заключенных. Стремление освободить рабов стало здесь одной из причин кровопролитной гражданской войны. Что с того, если сейчас тюрьмы переполнены темнокожими «свободными» американцами. Американцы гордятся своей коммуникабельностью. Но мало что может сравниться с изоляцией, на которую обрекается огромное количество амери-

канских заключенных (King, 1999). Считается, что на полномочия государственной власти в США наложены серьезные ограничения. Однако огромное количество чиновников, как федеральных, так и региональных, свидетельствует об обратном. Короче говоря, Америка — это страна, где изоляцию предпочитают интеграции, а самые нежелательные элементы по-просту уничтожаются.

Уголовная политика США противоречит общечеловеческим ценностям. Мало того, огромный потенциал власти, которым обладают карательные органы такого размера, угрожает самому существованию гражданского общества в Америке. И не только в Америке, но и в других странах, ведь Америка в своем качестве сверхдержавы является и образцом для подражания. Норвежские парламентарии ездят в Нью-Йорк учиться так называемой нулевой терпимости¹. И не они одни. Существует опасность, что скоро и нас, критически настроенных специалистов, заставят принять американские стандарты.

* * *

Какую стратегию поведения следует выбрать в такой ситуации? Не лучше ли будет специалистам-криминологам воздержаться от профессиональных визитов в страну с такой обширной и влиятельной системой карательных органов? Я категорически не согласен. Такая позиция в корне противоречит главным идеям моей книги. Нельзя прерывать общение с теми, с кем мы не согласны.

Напротив, надо ездить туда как можно чаще и общаться как можно больше. Однако обязательным условием научных визитов в США должна быть возможность недвусмысленно выразить свое несогласие с их политикой в области уголовного права, — как никак, Соединенные Штаты — это свободная страна. Важно показать, насколько мы, иностранные криминологи, удивлены и озабочены поведением наших американских коллег, которых вроде бы совсем не тревожит невероятный масштаб американской пенитенциарной системы. Почему они не ставят под вопрос сами основы существования этой явно неправильно устроенной системы, поч-

¹ В оригинале — Zero tolerance — «нулевая терпимость», понятие, обозначающее крайне строгое применение закона, без принятия во внимание каких-либо смягчающих и прочих обстоятельств. — Прим. перев.

му не делают ее главной темой обсуждения на своих многочисленных научных конгрессах, почему не пытаются нормализовать ее работу? Как объяснить бездействие крупных исследовательских фондов, таких, как Фонд Рокфеллера или Фонд Форда? Почему университетские профессора и представители тюремной администрации не выступают за немедленное начало реформ?

В тоталитарных государствах я, скорее всего, не стал бы критиковать систему. Откровенность, особенно публичная, часто приводит к потере контакта. И может принести серьезные проблемы нашим сторонникам из местной оппозиции, даже подвергнуть их опасности. Главное правило криминолога — защита своих источников, будь то при исследовании состояния тюрем или неприемлемого поведения. То же правило действительно и в отношении наших сотрудников, проживающих в тоталитарных странах, где их могут подвергнуть суворым репрессиям. Визит британских поклонников навлек серьезные неприятности на голову русской поэтессы Анны Ахматовой. В таких государствах нужно следить за своей речью более внимательно, чем в Америке. Это, безусловно, делает честь Соединенным Штатам.

В то же время свобода высказываний накладывает на нас дополнительные обязательства быть откровенными с американскими коллегами. Мы обязаны донести до них свою тревогу.

* * *

Криминологи как никто другой могут быть опасными. Скептицизм Фуко вполне понятен. Многие из нас чрезвычайно близки к властным структурам и карательным органам. Мы легко можем стать орудием карательных органов, так что масштабы и действие применяемых наказаний выйдут далеко за рамки приемлемых с точки зрения гуманизма. Впрочем, в близости к властным структурам есть и свои преимущества. Мы можем рассказать власти о плачевном состоянии пенитенциарной системы с точки зрения общепринятых ценностей, если это имеет место.

В США, вероятно, больше криминологов и специалистов из смежных областей, чем во всех остальных странах, вместе взятых. Некоторые работают в опасной близости от пороч-

ной пенитенциарной системы. Кое-кто и внутри нее. Потому они становятся легкой мишенью для критики коллег из-за рубежа.

В то же время мне хорошо известно, что очень многие американские коллеги, — может быть, даже большинство, — разделяют критические воззрения относительно уголовно-правовой системы их страны. Они знают, что тюрьма — школа преступности, и лучше уж вкладывать деньги в обычные школы. Они знают, что общество в провинциальном городе не может функционировать нормально, когда значительная часть горожан сидит в тюрьме. Они все это знают и нередко высказывают¹, — только для того, чтобы ощутить собственное бессилие. Повод для пессимизма и вправду есть. Может быть, полет бабочки в Италии и вызовет циклон в Сахаре, но лекция в университете Беркли точно не повлияет на политику Вашингтона, если, конечно, лектор не станет говорить то, что власти хотят услышать.

В Советском Союзе, в сегодняшней России и странах Восточной Европы я неизменно ощущал, что меня слушают. Надеюсь, мне удалось внести определенный вклад, пусть небольшой, в преобразование уголовного законодательства этих государств. Возможно, потому, что там я белая ворона, и услышать вещи, подобные тем, что говорю я, можно нечасто. А, быть может, все дело в позиции слушателей. Большинство из них принадлежит к довольно влиятельной в Восточной Европе общественной группе, которую принято называть интеллигенцией, и мечтает, чтобы их страны приблизились к западноевропейским стандартам. В США все по-другому. Они сами устанавливают стандарты. Неудивительно, что американские коллеги все чаще сдаются и перестают обличать чудовищную систему.

* * *

Не стоит судить американцев слишком строго: не исключено, что в Европе скоро будет точно так же. В США значительно больше криминологов. Однако европейские государ-

¹ Сначала я хотел назвать перечислить несколько имен и организаций, но потом передумал. Слишком многие заслуживают быть внесенными в почетный список, сам я знаком далеко не со всеми. Пусть уж лучше никто не будет упомянут, но никто не будет и забыт.

ства все больше соответствуют духу времени, и в том, что касается устройства пенитенциарной системы, и в отношении к ее критике со стороны ученых. В качестве примера можно привести ситуацию в моей родной стране.

8.6. Утраченные университетские традиции

Мы можем предугадать последствия экономических и социальных преобразований, но не оповещаем об этом общественность — во всяком случае, не слишком часто и не очень настойчиво. Мы боимся показаться непрактичными, вступить в противоречие с духом времени. Занимаемся самоцензурой, чтобы только не выбиться из общего строя. В сущности, вот что мы могли бы сказать: если мы хотим приостановить рост преступности, необходимо поставить преграды на пути распространения монокультурного общества. Надо, чтобы экономические институты перестали играть главенствующую роль в обществе. Утверждение о том, что рыночное развитие развивает и общество — заблуждение. Похоже, что единственной альтернативой для нас могло бы стать возвращение к такой форме общественной организации, при которой коммуникация осуществляется в большей степени на межличностном уровне, а не в рамках ролевого поведения. От этого люди не перестанут убивать друг друга. Если вам нужен рай — это немножко выше нашей грешной Земли. Но мы, по крайней мере, сумеем хотя бы вырваться из того круга самоизоляции, из-за которого нашей единственной опорой и защитой становятся правоохранительные органы.

К вышесказанному мы могли бы добавить лишь избитые истины, уже упомянутые мною в пятой главе: кондукторы в метро, отказ от пригородных супермаркетов, — и, наконец, медиацию вместо наказаний.

Такие идеи непросто донести до слушателей, даже в университетских аудиториях.

* * *

У тех из нас, кто сумел укрыться в тихой университетской гавани, есть ученики. Рано или поздно нашим студентам предстоит выйти на рынок труда. И каждый из них хочет получить знания, на которые будет спрос. Молодые люди прекрас-

но понимают, что глубокие теоретические знания о преступности и о контроле над преступностью, скорее всего, не пригодятся им в будущей работе и тем более едва ли вдохновят их потенциальных работодателей. Все это, конечно, не может не повлиять на нас, преподавателей, когда мы подбираем материал для лекций и пишем учебники. И, разумеется, при выборе рекомендуемой литературы.

В пятидесятые и шестидесятые, когда наша дисциплина не вызывала большого интереса со стороны общественности и политиков, преподавателей было мало, а немногочисленные студенты поступали на свой страх и риск, нонконформизм был в порядке вещей. Но число студентов постепенно росло, все они в будущем хотели найти хорошую работу и хотели изучать предметы, которые могли бы им в этом помочь. А работу они искали в министерствах, муниципальных администрациях, и — причем все чаще и чаще в последние годы — в полиции, службах пробации или в тюрьмах.

Криминология стала заложницей собственных успехов. Будет ли работа у исследователей, зависит от того, будет ли работа у студентов, а это, в свою очередь, зависит от того, насколько полученные ими знания будут полезны для нужд тех самых организаций, критиковать деятельность которых — наш, исследователей, профессиональный долг. Критика, с которой Стэн Коэн обрушился на нашу дисциплину в книге «Против криминологии» (1988), чрезвычайно резка, но вполне справедлива. Конечно, не все еще потеряно. К счастью, университетские структуры весьма консервативны. Но ситуация ухудшается год от года.

Университетам постоянно приходится доказывать, что они полезны и не зря получают субсидии. Но ценность высшего учебного заведения не определяется его практической пользой. Университеты призваны служить базой для изучения неизведанных ранее сфер бытия и предупреждать человечество о грозящих опасностях. К сожалению, последние тенденции в криминологии, а также и в других гуманитарных науках, недвусмысленно свидетельствуют об опасностях, угрожающих университетам, когда те вынуждены или по собственной воле решают обслуживать сиюминутные интересы государства.

Причина такого развития ситуации заключается в том, что высшая школа вместе с другими общественными структура-

ми стала жертвой монополистических тенденций, описанных мною во второй главе. На нее начинают в известной степени распространяться рыночные отношения. Все больше университетов становятся похожими на магазины или фабрики. Они рекламируют себя, чтобы привлечь студентов, обещают давать им только полезные на практике знания, а оплата сотрудников в известной степени зависит от спроса на курс среди студентов, а также от количества студентов, успешно его завершивших.

Чтобы заполучить лучших студентов, приходится изыскивать деньги на исследовательскую работу. Это превращает нас самих в элементы правоохранительной индустрии, которая деньгами располагает. Полицейские участки, тюрьмы, службы probation и наблюдения, — все они нуждаются в помощи криминологов. Финансирование исследований, доступ к информации, работа для студентов — все идет из одного и того же источника, правоохранительной системы, изучать и критиковать работу которой — наш профессиональный долг.

Кроме того, если мы не будем вести себя соответственно требованиям главенствующей политической системы, наши места моментально займут другие исследователи. Как указывает Фили (Feeley, 2003) переход США от общества благосостояния к контролирующему¹ стал результатом появления новых специалистов — бывших военных экспертов и им подобных: «Идеи Вилсона тут же подхватили вундеркинды из Института оборонного анализа и РЭНД². Они привнесли в криминологическую практику понятия прогнозирования криминальной обстановки, обороняемого пространства, профилактики ситуационных преступлений и создали новую криминологию. Пожалуй, единственным их достижением общегосударственного масштаба стало внедрение этого нового мировоззрения. Таковы интеллектуальные корни новой криминологии и практики контроля над преступностью» (р. 121).

В обществе, обеспокоенном тем, что принято называть «проблемой преступности», складывается достаточно сложная ситуация. Социология в целом, и исследования девиации

¹ В оригинале — welfare criminology и control criminology — криминология государств всеобщего благоденствия и криминология, основанная на принципе контроля. — Прим. перев.

² Крупная научно-исследовательская корпорация. — Прим. перев.

и контроля над преступностью в частности, оказались под серьезным давлением. Складывается впечатление, что те, кто призван защищать нашу науку, не понимают, какую опасность несет наступление рынка, и не могут осознать размер своих потерь, потерю для исследователей и всего общества. Наука — древний оплот свободомыслия — рискует утратить свой критический потенциал под давлением всепроникающего рыночного мышления. Независимость науки и свободомыслие ученых — это не просто красивые слова на университетских торжествах. Нет, это по сути единственная гарантия того, что мы по-прежнему сможем и станем высказывать критические суждения.

8.7. Потребность в дистанции

Мы часто слышим: «Пора покинуть башню из слоновой кости». — «Но мы и так давно ее покинули. Пустите нас обратно», — отвечаю я. По крайней мере оставьте нам нашу башню. Невозможно все время находиться в центре событий. Чтобы увидеть картину целиком, нужна дистанция.

Конечно, время от времени нужно и выходить на улицу. Но с этим связаны свои проблемы. Вот несколько примеров из моей практики работы в такой маленькой стране, как Норвегия.

Я убежден, что нашему государству не нужна столь мощная пенитенциарная система. Заключенных в Норвегии могло быть меньше. А в тюрьмах могли бы уделять куда больше внимания программам реабилитации и проводить социальные тренинги. Мы могли бы активнее внедрять систему медиации и возмещения ущерба, чтобы разрешать как можно больше конфликтов, не прибегая к уголовному суду. По сути, мы допустили разрастание пенитенциарной системы, препоручив на ее усмотрение проблемы, которые можно решить с помощью разумной социальной политики. Такой позиции придерживаются многие мои коллеги.

В то же время я поддерживаю постоянный контакт как с сотрудниками правоохранительных органов, так и с правонарушителями. Я читаю лекции заключенным и надзирателям, полицейским и судьям. Мы приглашаем их к себе в университеты, они нас в свои учреждения. Мы проводим общие

семинары для осужденных и персонала тюрем, а также отдельные семинары для заключенных. Я совершенно уверен, что в Норвегии не осталось ни одной тюрьмы, куда бы не пустили ученых. Между тем, так было не всегда. В начале семидесятых нам с профессором Вильгельмом Аубертом запретили встретиться с заключенными одной из тюрем. Произошел крупный скандал, вопрос рассматривался в парламенте, но запрет так и не отменили. В наши дни невозможно представить себе ничего подобного.

Социальный контакт, как известно, носит двусторонний характер. Мы не только учим, но и сами учимся. Мы влияем и в то же время подвергаемся чужому влиянию. Кроме того, наша деятельность позволяет завязывать новые знакомства. Мне *симпатичны* большинство людей, с которыми приходится общаться, посещая тюрьмы. Чудовища мне не попадались, ни среди заключенных, ни среди администрации. Наоборот, многие сотрудники тюрем очень серьезно относятся к своей работе и изо всех сил стараются облегчить жизнь узникам параллельно с выполнением служебных обязанностей. Сотрудники системы по контролю над с преступностью читают наши книги и знакомятся с нашими идеями. Но и мы знакомимся с их точкой зрения. Когда у них возникают конкретные вопросы, мы всегда рады их обсудить. В случае с более сложными проблемами, требующими отдельного исследования, мы готовы к совместному обсуждению возможных методов и путей такого исследования. У нас сложились достаточно близкие отношения с представителями карательных органов. Мы помогаем им в работе.

Правомерно ли такое сотрудничество?

Я бы сказал, что только так и должно быть. Пенитенциарная система — поле нашей научной деятельности. Мы обречены на близкие контакты с ее представителями. Главное, чтобы эта близость не помешала нам увидеть истину.

* * *

В те времена, когда норвежская криминология была совсем молодой наукой, один из ведущих судебных психиатров в разговоре со мной посетовал на то, что наш институт находится при Университете Осло, в самом центре города. По его мнению, нашу базу следовало бы перенести на окраину горо-

да — в ближайшую тюрьму. Ведь именно там находятся объекты наших исследований — заключенные.

Эти слова произвели на меня глубокое впечатление. Я увидел, насколько опасными могут быть требования обратить наш труд на нужды, что формулируют специалисты из пенитенциарной системы, исходящие из предпосылок своей работы. Я даже написал небольшую статью о взаимоотношениях между тюрьмами и экспертами, которые могут быть полезными тюремной администрации или заключенным (Christie, 1970). В этой статье я сравнил две модели отношений экспертов и тюрем: самообеспечение и заимствование. Скажем, врач может работать в самой пенитенциарной системе или оставаться сотрудником общей системы здравоохранения. Так же и преподаватели могут работать в рамках местного школьного образования и подчиняться непосредственно директору школы, или принадлежать к тюремной системе под началом директора тюрьмы. Модель импорта (заимствования) предполагает, что тюрьма приглашает, так сказать, импортирует, специалистов из внешнего мира. В этом случае специалисты не только не связывают себя с пенитенциарной системой, но и привносят принятые во внешнем мире стандарты в работу тюрьмы, руководствуясь не распоряжениями администрации, а собственной профессиональной этикой.

До недавнего времени в Норвегии доминировала именно такая модель. Но теперь маятник качнулся в другую сторону. По всей стране растет уровень образования, и школы для тюремного персонала не хотят отставать. Не так давно школа по подготовке персонала тюрем подала запрос о придании ей статуса колледжа. Обучение здесь продолжается три года после окончания средней школы. В результате охранники стали более квалифицированными, а после посещения дополнительных курсов многие из них приобретают что-то вроде второй специальности психолога. К преподаванию привлекаются крупные эксперты из разных областей. При школе начал работать научно-исследовательский отдел. Схожие тенденции характерны и для полиции. Полицейские академии уже получили статус колледжей с научными кафедрами. С 2003 г. они располагают «собственными» преподавательскими кадрами. Постепенно пенитенциарная система опять становится самодостаточной.

Повышение квалификации персонала исправительных учреждений само по себе отрадно. Тем не менее, оно может оказаться очень опасным. Одновременно повысится зависимость от системы всех ее представителей, от надзирателей до преподавателей в академиях. Теперь у них не будет возможности (или желания) говорить о недостатках своего ведомства, а препятствовать его разрастанию отныне не в их интересах.

Параллельное внедрение в университетскую жизнь законов рынка делает ситуацию еще более опасной. Защита университетских ценностей слабеет именно в тот момент, когда она нужна больше всего. С точки зрения теории, это блестящая демонстрация моци одномерного общества. Для тех из нас, кому дорого право открыто высказывать свое мнение, эта весьма настораживающая тенденция.

* * *

Сказанное мною выше — правда. Но далеко не вся. Гегемония рынка еще не установилась. Есть надежда, что его власть не станет всеобъемлющей. Может быть, люди поймут, что творчество важнее денег. И может быть, новое поколение людей науки сумеет заново отстроить башню из слоновой кости. В мире всегда найдутся несогласные.

8.8. Индивидуальное сопротивление

В каком-то смысле описанные мной во второй главе деревни необычных людей можно считать маленькими очагами сопротивления. Такие же, как секты меннонитов и эмишев в Канаде и США, еврейские местечки в Восточной Европе и племена, затерянные в джунглях. Им удается не подчиняться современной монолитной культуре, либо скрываясь от нее, либо создавая контркультуру.

Это хороший пример силы сообщества. Однако не стоит впадать в отчаяние и совсем отказывать в значимости индивидуальному сопротивлению. У меня есть несколько историй из жизни, способных возродить веру в эффективность поступков одиночек.

Много лет назад мне преподали урок свободы. Я получил его от осужденного на тюремное заключение человека, кото-

рый счел приговор в высшей степени несправедливым и объявил голодовку. Бунтовщика посадили в карцер, находящийся в подвале тюрьмы. Отняли одежду, чтобы он не смог покончить с собой. Ставили перед ним соблазнительно пахнущие кушанья, но тщетно. Тогда непокорного узника стали кормить насильно, но он ел собственные экскременты, чтобы вызвать рвоту. Это было в те времена, когда врачи еще не изобрели более изощренных методов принудительного кормления. В конце концов, в карцер пришел начальник тюрьмы. Он плакал и умолял бунтовщика прекратить голодовку. Я навсегда запомнил слова того человека: «Никогда еще я не чувствовал себя настолько свободным. У меня больше нечего было отнять».

А вот Маурисио Розенкофф. Он из Уругвая. Десять лет назад Маурисио, а с ним еще десять человек, были арестованы военной хунтой и содержались в полной изоляции. Международный резонанс, который получила судьба арестованных, спас их от смерти, но не от пыток и одиночной камеры. Иногда узникам не давали даже воды. Чтобы выжить, им приходилось пить собственную мочу. Чтобы сохранить человеческое достоинство, каждый из них пытался творить, насколько это было возможно. Маурисио сочинял в уме стихи. Однажды ему удалось раздобыть карандаш, записать несколько стихотворений на клочках бумаги и передать на волю. Когда он вышел на свободу, то узнал, что стал знаменитым уругвайским поэтом. «Они обращались с нами, как с собаками, — сказал Маурисио. — Но залаять нас не заставили». Однажды мы проводили в Осло семинар, посвященный проблеме пыток. В нем участвовал и Маурисио. И еще один человек, пытавший заключенных в Уругвае. После окончания симпозиума они отправились вместе поужинать.

Еще один пример несгибаемого человеческого духа — Янина Бауман. Эта женщина жила в Польше во время нацистской оккупации. Она совершила побег из Варшавского гетто, скрывалась и сумела выжить. Выжить, чтобы поделиться своими воспоминаниями со всеми. Спустя сорок лет Янина написала ужасную, прекрасную книгу «Утром наступила зима» (1986) вдохновившую ее мужа Зигмунта Баумана на создание собственного исследования «Современный мир и Холокост» (1989). Осеню 1992 года Янина Бауман провела в

нашем институте семинар на тему «Как выжить, сохранив достоинство». Лучший тому пример — ее собственная жизнь¹.

Даже тюрьма, которую мы с полным на то правом называем тотальным карательным органом, не может осуществлять тотального контроля над заключенным. Раздетый догона узник выжил, потому что у него оставалась власть над собственным телом. Маурисио Розенкофф выжил, потому что сочинял стихи. Янина Бауман пережила Холокост и справилась с мучительными воспоминаниями, рассказывая о том, что видела.

Всегда остается надежда. Силы тоталитаризма не обладают всеобъемлющей властью, даже в самых экстремальных условиях. Ни в тюрьме, ни в гетто, ни в тоталитарных государствах. Всегда находятся люди, живущие — и умирающие — с достоинством.

¹ Сравнивая два крупнейших польских гетто — Варшавское и Лодзинское — Янине Бауман удалось выделить социальные факторы, позволяющие сохранить человеческое достоинство в экстремальной ситуации. На основании этого анализа автор утверждает, что общественная система, в которой понятие пользы ставится выше этических ценностей, представляет собой серьезную угрозу как для жизни, так и для сохранения человеческого достоинства людей.

Список литературы

- Aas, Katja Franko (2003) *From Faust to Macintosh: Sentencing in the Age of Information*. Institute of Criminology and Sociology of Law, University of Oslo.
- Åkerström, Malin (2000) 'Det gicks Bärsäkargång' — nedtoning av våld på sjukhem. Pp. 297–319 in Ingrid Sahlin and Malin Åkerström (eds.) *Det lokaia våldet. Om rädsia, rasism och social kontroll*. Liber, Stockholm.
- Åkerström, Malin (2002) Slaps, Punches, Pinches — But not Violence: Boundary-work in Nursing Homes for the Elderly. *Symbolic Interaction*, Vol. 25, No. 4, pp. 515–36.
- Albrecht, Hans-Jörg, Afroditi Koukoutsaki and Telemach Serassis (2001) *Images of Crime*, Kriminologische Forschungsberichte aus dem Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht, Band 97. Freiburg.
- Anttila, Inkeri and Patrik Törnudd (1973) *Kriminologi i kriminalpolitisk perspektiv*. Norstedt, Stockholm.
- Aromaa, Kauko and Andri Ahven (1995) *Victims of Crime in a Time of Change: Estonia 1993 and 1995*. National Research Institute of Legal Policy, Research Communications, Helsinki.
- Aromaa, Kauko and Martti Lehti (1995) *The Security of Finnish Companies in St. Petersburg*. National Research Institute of Legal Policy, Helsinki.
- Bäckman, Johan (1998a) *The Inflation of Crime in Russia: The Social Danger of the Emerging Markets*. National Research Institute of Legal Policy, Helsinki.
- Bäckman, Johan (1998b) *The Inflation of Crime in Russia*. Presentation in a seminar organized by Scandinavian Research Council for Criminology. Espo, Finland.
- Baldursson, Eriendur (2000) Prisoners, Prisons and Punishment in Small Societies. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, Vol. 1, pp. 6–15.
- Bauman, Janina (1986) *Winter in the Morning*. Virago, London; Free Press, New York.
- Bauman, Zygmunt (1989) *Modernity and the Holocaust*. Polity Press, Cambridge.
- Bauman, Zygmunt (1998) *Globalization: The Human Consequences*. Polity Press, Cambridge.
- Bauman, Zygmunt (2000) Social Issues of Law and Order. *British Journal of Criminology*, Vol. 40, pp. 205–221.
- Bennet, Jamie (2003) Winston Churchill. Prison Reformer? *Prison Service Journal*, No. 145, pp. 3–7.

- Bjørgo, Tore (1997) *Racist and Right-Wing Violence in Scandinavia: Patterns, Perpetrators, and Responses*. Aschehoug, Oslo.
- Bottoms, Anthony E. and Paul Wiles (1992) Explanations of Crime and Place. Pp. 11–35 *Crime, Policing and Place: Essays in Environmental Criminology*. Routledge, London.
- Braithwaite, John (2002) *Restorative Justice and Responsive Regulation*. Oxford University Press, Oxford.
- Bruun, Kettil, Ingemar Rexed and Lynn Pan (1975) *Gentlemen's Club: International Control of Drugs and Alcohol*. The University of Chicago Press, Chicago.
- Chekhov, Anton (1967) *The Island: A Journey to Sakhalin. Introduction by Irena Ratushinskaya*. Washington Square Press. (In 1987 Century, an imprint of Century Hutchinson Ltd, London.)
- Christianson, Scott (1998) *With Liberty for Some: 500 Years of Imprisonment in America*. Northeastern University Press, USA.
- Christie, Nils (1952 / 1974) *Fangevoktere i konsentrasjonsleir*. Pax, Oslo.
- Christie, Nils (1960) *Tvangsarbeid og alkoholbruk*. Universitetsforlaget, Oslo.
- Christie, Nils (1970) Modeller for fengselsorganisasjonen. In Rita Østensen (ed.) *I stedet for fengsel*. Pax, Oslo.
- Christie (1973) A Living Society is a Quarrelling Society. In: *Law and Social Change*. Annual Lecture Series 1971 / 1972. Osgoode Hall Law School, York University.
- Christie, Nils (1981) *Limits to Pain*. Martin Robertson, Oxford.
- Christie, Nils and Kettil Bruun (1985 / 2003) *Den gode fiende*. Third revised edn. Universitetsforlaget, Oslo. German edition: Der nützliche Feind, AJZ (1991).
- Christie, Nils (1987) *Beyond Loneliness and Institutions: Communes for Extraordinary People*. Scandinavian University Press, Oslo.
- Christie, Nils (1993 / 2000) *Crime Control as Industry; Towards Gulags, Western Style*. Third edn. Routledge, London.
- Cohen, Albert K. (1955) *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. The Free Press, New York.
- Cohen, Stan (1988) *Against Criminology*. Transaction Books, New Brunswick.
- Cooley, Charles Horton (1902) *Human Nature and the Social Order*. Charles Scribner, New York.
- Dahrendorf, Ralf (1985) *Law and Order*. The Hamlyn Lectures, 37. Steven, London.
- Daun, Åke (1974) *Förortsliv; en ecnologisk studie av kulturell förändring*. Prisma, Stockholm.
- Dearden, Lorraine, Alissa Goodman and Philippa Saunders (2003) In-

- come and Living Standards. Pp. 148–93 in Elsa Ferri, John Bynner and Michael Wads-worth (eds) *Changing Britain, Changing Lives: Three Generations at the Turn of the Century*. Institute of Education, London.
- Dobroszycki, Lucjan (1984) *The Chronicle of the Lodz Ghetto 1941–1944*. Yale University Press, New Haven, London.
- Donziger, Steven R. (1996) *The Real War on Crime*: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Perennial, New York.
- Ellingsen, Dag (1993) *Krigsprofitflene og rettsoppgjøret*. Gyldendal, Oslo.
- Enzenberger, Hans Magnus (1985) *Ach Europa!* Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main. In Norwegian: *Akk Europa! Inntrykk fra syv land med en epilog fra år 2006*. Universitetsforlaget, Oslo (1987).
- Enzenberger, Hans Magnus (1989) *Tilbaketogets helte. Modeme Tider*, 29 December 1989, Copenhagen.
- Estrada, Felipe (1999) *Ungdomsbrottigheten som samhällsproblem*. Kriminologiska institutionen, Stockholms universitet. Avhandlingsserie No. 3.
- Estrada, Felipe (2001) Juvenile Violence as a Social Problem. *British Journal of Criminology*, Vol. 41, pp. 639–55.
- Fangen, Katrine (2001) *Pride and Power: A Sociological Study of the Norwegian Radical Nationalist Underground Movement*. Institute for sosiologi og samfunns-geografi, Universitetet i Oslo.
- Feeley, Malcolm (2003) Crime, Social Order and the Rise of Neo-Conservative Politics. *Theoretical Criminology*, Vol. 7, pp. 111–130.
- Foucault, Michel (1977) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Vintage, New York.
- Frantzen, Evy (2001) Metadonmakf. Møtet mellom narkotikabrukere og norsk metadonpolitikk. Universitetsforlaget, Oslo.
- Garland, David (2001) *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society*. Oxford University Press, Oxford.
- Gezelius, Stig Strandii (2002) *Legitimacy, Compliance, Survival: Natural Resource Harvesters and the State*. Rapport 1: 2002 Institutt for sosiologi og samfunns-geografi, Universitetet i Oslo.
- Giertsen, Hedda (2003) Straff er ikke noe rensemiddel. To be printed in *To the celebration of Thomas Mathiesen*. Pax, Oslo.
- Gilinsky, Yakov (1997) Organized Crime in Russia: Theory and Practice. *Security Journal*, Vol. 9, pp. 165–9.
- Haddad, Angela (2003) Critical Reflexivity, Contradictions and Modern Cuban Consciousness. *Acta Sociologica*, Vol. 46, pp. 51–68.
- Hagtvet, Bemt (1981) Totalitarianisme. *PaxLeksikon*, Vol. 6, pp. 285–6. Pax, Oslo.

- Hawkins, Gordon (1969) God and the Mafia. *The Public Interest*, Vol. 14, pp. 24–51.
- Hobsbawm, E. J. (1994) *Age of Extremes: The Short Twentieth Century 1914–1991*. Michael Joseph, London.
- Homans, George Caspar (1951) *The Human Group*. Routledge & Kegan Paul, London.
- Hølgård, Cecilie (2002) *Gategallerier*. Pax, Oslo.
- Illich, Ivan (1992) Needs. In Wolfgang Sachs (ed.) *The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power*. Zed Books, London.
- Kalinin, Yuri Ivanovich (2002) *The Russian Penal System: Past, Present and Future*. King's College London, International Centre for Prison Studies.
- King, Roy D. (1999) The Rise and Rise of Supermax: An American Solution in Search of a Problem? *Punishment and Society*, Vol. 1, No. 2, pp. 163–86.
- Klein, Ernest (1971) *Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Elsevier, Amsterdam.
- Kovalev, Sergei (2000) Putin's War. *The New York Review of Books*, 10 February, Vol. XLVII, No. 2, pp. 4–8.
- Linz, Juan (1975) USA Totalitarian and Authoritarian Regimes. In Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby (eds) *Handbook of Political Science*, Vol. 3. Addison-Wesley, Reading, Mass.
- Los, Maria (2002) Post-Communist Fear of Crime and the Commercialization of Security. *Theoretical Criminology*, Vol. 6, No. 2, pp. 165–88.
- Los, Maria and Adrzej Zybertowicz (2000) *Privatising the Police-State: The Case of Poland*. Macmillan, Basingstoke.
- Mathiesen, Thomas (1985) *The Defences of the Weak. A Sociological Study of a Norwegian Correctional Institution*. Tavistock, London.
- Mathiesen, Thomas (1997) The Viewer Society; Foucault's 'Panopticon' Revisited. *Theoretical Criminology*, Vol. 1, No. 2, pp. 215–34.
- Mauer, Marc (1999) *Race to Incarcerate*. New Press, New York.
- Mauer, Marc and Meda Chesney-Lind (2002) *Invisible Punishment: The Collateral Consequences of Mass Imprisonment*. New Press, New York.
- Miszal, Barbara A. (2001). Legal Attempts to Construct Collective Memory. *Polish Sociological Review*, 1 (133).
- Moscow Helsinki Group (2003) *Situation of Prisoners in Contemporary Russia*. Moscow Helsinki Group in co-operation with the International Helsinki Federation for Human Rights, the Netherlands Helsinki Committee and the Polish Helsinki Foundation for Human Rights. Moscow.

- Nader, Laura (2002) *The Life of the Law: Anthropological Projects*. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London.
- Neuberger, Joan (1993) *Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. University of California Press, Berkeley.
- Olsen, Kåre (1998) *Krigens barn; de norske krigsbarna og deres mødre*. Aschehoug, Oslo.
- Østerberg, Dag (1991) Universitetet og vitenskap i dagens samfunn. In Egil A. Wyller (ed.) *Universitetets idé gjennom tidene og i dag: en samling Oslo-foredrag*. Universitetsforlaget, Oslo.
- Panuk, Orham (2001) The Anger of the Damned. *New York Review of Books*, 15 Nov., pp. 12–15.
- Parmentier, Stephan (2001) The South African Truth and Reconciliation Commission: Towards Restorative Justice in the Field of Human Rights. In E. Fattah and S. Parmentier (Eds) *Victim Policies and Criminal Justice on the Road to Restorative Justice: Essays in Honour of Tony Peters*. Leuven, Belgium.
- Piacentini, Laura Francesca (2002) *Work to Live: The Function of Prison Labour in the Russian Prison System*. Doctoral dissertation, Bangor University, Wales.
- Putnam, Robert D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. Simon & Schuster, New York.
- Rawlinson, Patricia (1998) Mafia, Media and Myth. *The Howard Journal*, Vol. 37, No 4, pp. 346–58.
- Sahlin, Ingnd (2003) Review of Lise-Lotte Rytterbro, Medling — muten med muligheter: En analys av en nygammal reaktion på brott. *Nordisk Tidsskrift for Kriminalvidenskab*, Vol. 90, No. 2, pp. 135–41.
- Sharpe, Andrew (2000) A Comparison of Canadian and US Labour Market Performance in the 1990s. In Maureen Appel Molot and Fen Osier Hampson (eds) *Vanishing Borders. Canada Among Nations 2000*. Oxford University Press, Oxford.
- Schmidt-Häuer (2000) *In Namen der Völker. Die Zeit / Morgenbladet*, 5–11 July.
- Shelley, Louise (1980) The Geography of Soviet Criminality. *American Sociological Review*, Vol. 45, pp. 111–22.
- Shelley, Louise (1994) Post-Soviet Organized Crime: Implications for Economic, Social and Political Development. *Demokratizatsiya*, Vol. II, No. 3, pp. 341–58, US. Excerpts in *Trends in Organized Crime*, Vol. 1, 1995, pp. 7–20.
- Simon, Jonathan (2004) *Governing Through Crime*. (Not yet published).
- Simmel, George (1990) *The Philosophy of Money*. Routledge, London.
- Skardhamar, Torbjørn (1998) Graffitti — estetikk og kulturell motstand. Institutt for kniminologi, Universitetet i Oslo Stensilsen No. 90.

- Slagstad, Rune (1999) *De nasjonale strateger*. Pax, Oslo.
- Steinert, Heinz (1986) Beyond Crime and Punishment Contemporary Crises, Vol. 10, pp. 21–38. See also his preface (1986) entitled *Abolitionismus Die harte Wirklichkeit und der Möglichkeitssmn* to Nils Christie, *Grenzen des Leids*, AJZ Verlag, Bielefeld, pp. 1–13.
- Stern, Vivian, ed (1999) *Sentenced to Die? The Problem of TB in Prisons in Eastern Europe and Central Asia*. International Centre for Prison Studies, King's College, London.
- Suominen, Tapani (1996) 'Verre enn Quislings hird': metaforiska kamper i den offentliga debatten knng 1960- och 1970-talens student- och ungdomsradikalism i Norge, Finland och Västtyskland. Doctoral Dissertation, Institute of Criminology and Sociology of Law, Oslo.
- Tham, Hennk (1995) Drug Control as a National Project: The Case of Sweden. *Journal of Drug Issues*, Vol. 25, No. 1, pp. 113–28.
- Tham, Hennk (2001) Law and Order as a Leftist Project? The Case of Sweden. *Punishment and Society*, Vol. 3, No. 3, pp. 409–26.
- Tham, Hennk (2003) *Forskare om narkotikapolitiken*. Stockholm.
- Törnudd, Patnk (1996) Fifteen Years of Decreasing Prisoners Rates in Finland The National Research Institute of Legal Policy, Helsinki.
- Walmsley, Roy (2003) *World Prison Population List*. Findings, 188, Home Office, London.
- Ylikangas, Heikki (1995) *Vägen til Tammerfors: striden mellan röda och vita i finska innbördeskriget 1918*. Söderström, Helsinki.

Содержание

«Наказание — это боль...» (предисловие к книге Н. Кристи «Удобное количество преступлений»)	5
Истоки. Вместо предисловия	9
1. Преступности не существует	12
1.1. Факты	12
1.2. Он убил жену	12
1.3. Падение традиционных ценностей	13
1.4. Человек в парке	16
1.5. Дочери и мужья	19
1.6. Школы старая и новая	21
1.7. Злобные старики	21
1.8. Послевоенное восстановление	22
1.9. Преступность как неисчерпаемый природный ресурс	24
2. Монокультуры	27
2.1. К вопросу о мультикультурности	27
2.2. Мои двоюродные бабушки	29
2.3. Развитие как империализм	31
2.4. Награда за труд	33
2.5. Как отучить детей строить	38
2.6. Капитал	40
2.7. Новый храм	41
2.8. В движении	42
2.9. Моноинституциональное общество	43
2.10. Окончательное решение	44
2.11. Издержки монопольной системы вознаграждения	46
2.12. Великолепный город Сан-Паулу	47
2.13. Свободные от преступлений территории	49
3. Кому выгодны преступления	52
3.1. Когда нет места преступности	52
3.2. Где правят серьезные конфликты?	53
3.3. Слабое государство	56
3.4. Контроль над преступностью как политическая арена	57
3.5. Наказание в системе социальных гарант�й	59
3.6. Незаменимая мафия	62
3.7. Слова как оружие	66
3.8. Мафия как продукт культуры	68
3.9. За пределами понимания	71
3.10. Террор	73
3.11. Тролли	73
4. Тюремное заключение как решение	77
4.1. Стимулирование преступности общественным согласием	77
4.2. Тюремные сверхдержавы	80

4.3.	Общие черты	81
4.4.	Социальные гарантии	87
4.5.	Восток и Запад Европы	89
4.6.	Польские ритмы	90
4.7.	Англия и Уэльс: совсем как в Восточной Европе	93
5.	Государство или соседи?	98
5.1.	Исландский блюз?	98
5.2.	Разрушение естественных отношений	100
5.3.	Простые истины	103
5.4.	Старомодная Россия	104
5.5.	Общества на нескольких ногах	105
5.6.	Ох уж эти польские студенты	108
6.	Без наказаний	109
6.1.	Два типа правосудия	109
6.2.	Становление формального права	111
6.3.	Мировая деревня	112
6.4.	Долой наказания?	115
6.5.	Зимняя ночь	118
6.6.	Минимализм	121
7.	Реакция на зверства	123
7.1.	Слепые, глухие, непомнящие	123
7.2.	Свершение правосудия	125
7.3.	Казнь идеи	126
7.4.	Препятствие на пути к пониманию	126
7.5.	Если бы восторжествовала безнаказанность	128
7.6.	Квислинг	129
7.7.	Очищение	129
7.8.	Превенция индивидуальной мести	130
7.9.	Нарвик, октябрь 2002	130
7.10.	Памятник	131
7.11.	Цена наказания	132
7.12.	Международные и уголовные суды и трибуналы	132
7.13.	Комиссии по установлению истины	134
7.14.	Примирение	135
7.15.	Как важно не знать ответов	140
8.	Когда пора остановиться	142
8.1.	Уголовное право как знаковая система	142
8.2.	Нижний предел	149
8.3.	Поражение неизбежно?	150
8.4.	Реинтеграция стыда в национальное государство?	152
8.5.	США — чемпион мира	161
8.6.	Утраченные университетские традиции	165
8.7.	Потребность в дистанции	168
8.8.	Индивидуальное сопротивление	171
Список литературы	174	

Научное издание

Нильс Кристи

**УДОБНОЕ КОЛИЧЕСТВО
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Редактор *А. С. Турунтаева*

• Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Корректор *И. Н. Крайнева*

Оригинал-макет *А. И. Азаров*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетея»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 336-45-32;

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Также книги издательства «Алетея» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

Библио-Глобус, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5.

Тел. (495) 921-58-03

Дом книги «Москва», ул. Тверская, д. 8, стр. 1.

Тел. (495) 629-66-43, 629-73-55

Издательство и магазин «Ад Маргинем». Тел. (495) 951-93-60

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер». Тел. (495) 229-88-21, 504-47-95

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 10.05.2006. Формат 84×108¹/32.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,2. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
Издательства СПбГУ, 199061, СПб., Средний пр. В. О., д. 41.

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЛЕТЕЙЯ»:
НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетея» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алéтейя» означает «истина», «правдивость», «открытость») и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие известными книжные серии: «Античная библиотека» (издается с 1993 г.), «Византийская библиотека» (издается с 1996 г.), «Новогреческие исследования» (издается с 2003 г.), «Памятники религиозно-философской мысли» (издается с 1993 г.), «Исследования по истории русской мысли» (издается с 1996 г.), «Российские социологи» (издается с 1996 г.), французская серия «Gallicinium» (издается с 1998 г.), «Античное христианство» (издается с 1998 г.), «Российские психологи. Петербургская научная школа» (издается с 1998 г.), «Классики русской философии права» (издается с 1999 г.), мемуарная «Петербургская серия» (издается с 1999 г.), «Феминистская коллекция» и «Гендерные исследования» (издается с 2001 г.), «Библиотека средних веков» (издается с 2000 г.), «Библиотека ренессансной культуры» (издается с 2001 г.), Pax Britannica (издается с 2000 г.) и другие. Всего, включая многочисленные внесерийные издания, «Алетея» выпустила в свет уже более 1000 названий книг.

Книги издательства «Алетея» можно приобрести
в фирменных магазинах «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА»
Москва, Старосадский пер., 9. Тел. (495) 336-45-32
Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37

Адрес издательства: 192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru